

партии, демократии (см. Демократия) врагъ болѣе
смыслъ слова (см. Демократіа) болѣе
американской демократіи противники. См. Брайс.
ный, чѣмъ ея прежніе противники. т. II, М. 1890.
«Американская республика», т. II, М. 1890.
В. Водовозовъ.

Демократіа.—Слово Д. происходитъ отъ
греческихъ δῆμος и κρατία—буквально наро-
довластіе. Имъ обозначаются: 1) государствен-
ное устройство, гдѣ власть принадлежитъ на-
роду, или гдѣ интересы народа стоятъ на
первомъ планѣ, и 2) самыя народныя
разъ онѣ сознаніемъ общности интересовъ
другими условіями объединены въ к-
дущій борьбу за преобладаніе или
на, мы въ свою пользу. Аристотель (ср.
по-къ) классифицировалъ госуда-
рства по признакамъ: 1) субъекту
влеченію его
власти.

В. В. Водовозов

Жажду бури... 2

Воспоминания,
дневник

РОСИЯ В
МЕНАРАХ

Россия в мемуарах

Василий Водовозов

«Жажду бури...».

Воспоминания, дневник. Том 2

«НЛО»

Водовозов В. В.

«Жажду бури...». Воспоминания, дневник. Том 2 /
В. В. Водовозов — «НЛО», — (Россия в мемуарах)

ISBN 978-5-44-482189-6

Воспоминания революционера и публициста Василия Васильевича Водовозова (1864–1933), охватывающие период с 1880-х и до конца 1917 года, публикуются впервые. Начиная с колоритных описаний тюремного и ссылочного быта, мемуарист повествует об истории своего участия в освободительном движении, сотрудничестве с газетами и журналами демократического направления, о деятельности в Трудовой фракции Государственной Думы, а также отношениях с политическими деятелями того времени. Среди знакомых В. В. Водовозова были Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. В. Тарле, священник Г. А. Гапон, А. В. Луначарский и А. Ф. Керенский. Особый интерес представляет критический портрет В. И. Ленина, с которым автор тесно общался в молодости. В качестве дополнения в книге представлен дневник 1919–1920 годов, описывающий драматический быт советского Петрограда: продовольственные карточки, дефицит дров, одежды и продуктов питания, обыски и репрессии. В послесловии прослеживается дальнейший жизненный путь Водовозова, закончившийся трагической смертью в эмиграции.

ISBN 978-5-44-482189-6

© Водовозов В. В.

© НЛО

Содержание

ЧАСТЬ IV. ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ БЛИЖАЙШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	5
Глава I. 9 января 1905 г. – Священник Гапон. – Арест В. И. Семевского. – Запрещение «Нашей жизни» и «Сына Отечества». – Моя поездка в Москву. – Киев	5
Глава II. Демонстрация в Павловске по поводу Цусимы. – Моя поездка в Одессу в связи с восстанием «Потемкина». – Встреча с Вильямсом. – Заезд в Киев. – Арест моей жены. – Новая поездка в Киев и лекция Лункевича. – Я приговорен к трехмесячному аресту. – Моя первая эмиграция. – 17 октября 1905. – Рассказ Иоллоса о Рейснере. – Возвращение в Петербург на пароходе с П. Б. Струве. – Судьба А. Гибермана	19
Глава III. Осень 1905 г. – Мое отношение к кадетской партии. – «Наша жизнь», «Сын Отечества», «Без заглавия». – Избирательная кампания в 1-ю Думу. – 1905–1906 гг. – Бойкот выборов. – Крестьянский митинг в Тихвине. – Некоторые другие митинги и собрания. – Значение бойкота. – «Не найдется безумца, который посмеет разогнать Думу»	35
Глава IV. Дума народного гнева. – Всеобщая вера в нее. – Кадеты. – Образование Трудовой группы. – Аладьин, Аникин, Жилкин, Брамсон. – Политические настроения в Трудовой группе. – Разногласия в ней. – Указания на факт раскола неосновательны. – Поездка в Выборг и составление Выборгского воззвания. – Его значение	57
Глава V. Первое междудумье. – Общий характер эпохи. – Газетная и литературная работа. – «Наша жизнь». – Газетная гекатомба 2 декабря 1905 г. – Дальнейшая судьба «Нашей жизни» и ее гибель в 1908 г. – Л. В. Ходский. – Моя литературная работа помимо «Нашей жизни». – Трудовая группа в первое междудумье; обращение ее в партию. – Избирательная кампания во 2-ю Думу. – Отголосок родичевского прошлогоднего пророчества о безумце, который разгонит Думу	74
Глава VI. 2-я Дума. – Партии в ней, в частности Трудовая группа. – Караваев, Березин. – Аграрный вопрос. – Законопроекты о смертной казни и амнистии. – Священник Тихвинский. Его расстрижение. – Роспуск 2-й Думы	91
Глава VII. Мои литературные процессы с 1906 по 1912 г. и амнистия 1913 г. – Эпизод из жизни М. Ковалевского	99
ЧАСТЬ V. РЕВОЛЮЦИЯ 1917	121
Глава I. Речь Милюкова 1 ноября 1916 г. как начало революции. – Мое отношение к революции; пессимистический прогноз. – Общественное настроение при наступлении революции. – Отрицательные явления в революции, сказавшиеся в первые ее дни. – Усиление преступности	121
Конец ознакомительного фрагмента.	132

В. В. Водовозов

«Жажду бури...».

Воспоминания, дневник. Том II

ЧАСТЬ IV. ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ БЛИЖАЙШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Глава I. 9 января 1905 г. – Священник Гапон. – Арест В. И. Семевского. – Запрещение «Нашей жизни» и «Сына Отечества». – Моя поездка в Москву. – Киев

Война с Японией продолжалась, неудача следовала за неудачей. Недовольство народа правительством, упорно длящим войну, смысл и цель которой были непонятны, росло и наконец проявилось в Петербурге событием, оставшимся в истории либо под хронологической датой 9 января 1905 г., либо под политически окрашенным названием «кровавого воскресенья».

Событие это было многократно описано и в существенных чертах известно хорошо, хотя некоторые вопросы, с ним связанные, до сих пор не вполне ясны; в том числе на личность главного его деятеля, священника Гапона, окончательный взгляд не установился, – да вряд ли когда-нибудь и установится: слишком сложна и противоречива его деятельность, хотя его личность, вероятно, довольно элементарна. Большинство писавших о нем после его смерти склонны характеризовать его одним словом: «provokator», «полицейский наемник», «грубый эгоист» и тому подобное. Несмотря на то что есть много, к сожалению – слишком много, фактов, которые можно привести в оправдание такой характеристики, я до сих пор не могу отделаться от того обаяния, которое он в свое время производил на всех его выдавших, в том числе и на меня, и думаю, что такая характеристика слишком проста и не охватывает всего человека.

Я был на трех или четырех рабочих собраниях, на которых выступал Гапон; только один раз мне удалось поговорить с ним лично в течение нескольких минут, но не этот краткий разговор, а его речи к рабочим, его наружность, его пафос произвели на меня незабываемое впечатление.

– Клянитесь, братья, пролить свою кровь до последней капли, чтобы рабочему человеку жилось на Руси, как подобает человеку, – говорил он, поднимая крест.

– Клянемся, клянемся! – гудела толпа.

«Петр Амьенский», – вставало у меня в голове историческое воспоминание.

Нет, это не был provokator, эта сцена не была заранее разучена и подготовлена в полицейском участке, или... или на свете нет ничего искреннего и верить нельзя никому. Это же действительно вдохновенный пророк, человек глубоко религиозный, глубоко верующий и в Евангелие, и в свое дело. Позднее... да, позднее он был шпионом и provokatorом, но тогда – тогда дело другое. Значит, по крайней мере, его глубокая вера была не так уж глубока, если она не выдержала нескольких испытаний, к тому же вовсе не особенно тяжелых?

Не думаю. Чем более я живу на свете, тем более я поражаюсь сложностью и противоречивостью человеческой натуры: даже одновременно, тем более в разное время.

Когда-то очень давно в одном немецком описании поездки в Россию я натолкнулся на мысль, которая у меня прочно засела в голове: «С русскими никогда не знаешь, как себя вести: сегодня он действует как герой, завтра как прохвост (ein Schurke)».

Это наблюдение глубоко верно, но только с одной необходимой поправкой: вместо слова «с русскими» нужно поставить «с людьми». Немец принял общечеловеческую черту за национальную. Разве, например, Рошфор не был героем, когда вел борьбу с Наполеоном, еще большим героем, когда из места ссылки спасался вплавь по океану, кишашему акулами, на иностранный корабль, заранее договоренный, после таинственных и опасных переговоров из места заключения, и не был прохвостом, не гнушающимся никакой клеветой и никаким сговором с заведомыми мерзавцами в своей агитации за Буланже или против Дрейфуса¹? И не один Рошфор. Рошфор мне случайно пришел в голову; таких Рошфоров можно было бы привести сотни и тысячи.

Через 10 месяцев, в октябре того же 1905 г., я говорил о Гапоне с П. Б. Струве. Когда я сказал, что Гапон – человек глубоко верующий, Струве фыркнул.

– Гапон – верующий?!

Струве знал Гапона после его бегства за границу. Гапон побывал на вершине если не формальной власти, то психологической власти над многотысячной толпой и был, хотя и недолго, истинным «властителем дум»² всего рабочего класса и всей интеллигенции России. Такое властительство совершенно одинаково с формальной властью редко проходит даром; от него кружится голова. Добиваясь среди русской эмиграции той же власти, какую он пользовался в России, Гапон прибегал к мелким, дрянным интригам и в интригах растерял веру в свое дело, а вместе с нею и веру в Евангелие и в своего бога.

Но вот и другие впечатления от личности Гапона.

В феврале или марте 1905 г. я был в Киеве и рассказывал С. Н. Булгакову о событиях 9 января. Когда я привел наизусть, слово в слово, – я тогда помнил, – воззвание Гапона к народу, написанное им после разгрома рабочих вечером 9 января, в котором Гапон слал проклятие царю-убийце и разрешение народа от присяги³, Булгаков вскочил с места.

– Как, как? Повторите еще раз.

Я повторил.

– Да ведь это, это... – Булгаков не находил слов. – Да ведь это язык библейского пророка! Это что-то вдохновенное самим Богом!

---

¹ Французский журналист Анри Рошфор резко критиковал правительство Наполеона III и, поддержав Парижскую коммуну, был предан военному суду и сослан в Новую Каледонию, откуда в 1874 г. бежал. Он стал сторонником несостоявшегося диктатора генерала Ж. Буланже, а после дела Дрейфуса оказался в «лагере антисемитов, клерикалов и националистов» (*Водовозов В. Рошфор // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1907. Доп. т. 2а. С. 551–552*).

² «властитель наших дум» – выражение из стихотворения «К морю» А. С. Пушкина (1824); поэт имел в виду Наполеона и Байрона.

³ После расстрела 9 января 1905 г. Г. А. Гапон написал послание к солдатам и три послания к рабочим, в последнем из которых говорилось: «Зверь-царь, его чиновники-казнокрады и грабители русского народа сознательно хотели быть и сделались убийцами безоружных наших братьев, жен и детей. Пули царских солдат, убивших за Нарвской заставой рабочих, несших царские портреты, простреливали эти портреты и убили нашу веру в царя. Так отомстим же, братья, проклятому народу царю, всему его змеинному царскому отродью, его министрам и всем грабителям несчастной русской земли! Смерть им всем! <...> Кто не с народом, тот против народа! Братья-товарищи, рабочие всей России! Вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы. Пишу, чтобы накормить себя, своих жен и детей, и оружие разрешаю вам брать, где и как сможете. Бомбы, динамит – все разрешаю. Не грабьте только частных жилищ и лавок, где нет ни еды, ни оружия; не грабьте бедняков, избегайте насилия над невинными. Лучше оставить десять сомнительных негодяев, чем уничтожить одного невинного. Стройте баррикады. Громите царские дворцы и палаты, уничтожайте ненавистную народу полицию. Солдатам и офицерам, убившим своих невинных братьев, их жен и детей, всем угнетателям народа мое пастьерское проклятие! Солдатам, которые будут помогать народу добиваться своей свободы, – благословение! Их солдатскую клятву изменнику-царю, сознательно пролившему невинную народную кровь, не пожелавшему даже выслушать свой народ, – их солдатскую клятву разрешаю» (*Гапон Г. А. Третье послание к рабочим // Священника Георгия Гапона ко всему крестьянскому люду воззвание. [Б.м.: Издание Партии социалистов-революционеров, 1905]. С. 14–15*).

Сам человек религиозный, Булгаков, никогда не выдавший и не слышавший Гапона, почувствовал родственную себе душу даже в моем пересказе.

Прибавлю к этому, что связь Гапона с Зубатовым⁴ и вообще политической полицией не была и не могла быть тайной: об этом знали и говорили все.

Я объяснял эту связь следующим образом. Гапон – деревенский казак⁵, вырос в монархической религиозной и вместе с тем вполне демократической среде. Пройдя духовное учебное заведение, он углубил свое религиозное чувство (что, конечно, бывает далеко не всегда; имеются и прямо обратные случаи) и, сохранив близкую связь с родной деревней, остался монархистом-демократом по душевному складу и по не вполне продуманным политическим убеждениям. Такие ведь бывали в России, и даже немало. Стоит вспомнить хотя бы Мартянова, о котором говорит Герцен⁶.

Для Гапона именно царь должен был облагодетельствовать народ, и если теперь народу живется плохо, то ответственность за это лежит не на царе, равно как не на Боге, а на «господах», стоящих между царем и народом. Идеология, опровергаемая всей историей, но разделявшаяся очень многими и более интеллигентными, и более образованными людьми, чем Гапон. Ту же идеологию пропагандировал рабочим Зубатов. Для него она была ширмой, прикрывавшей иные цели, для Гапона – самой его душевной сущностью. Но союз между ними был совершенно естествен и психологически необходим. В этот союз Гапон принес свою веру, Зубатов – свою полицейскую опытность. Без большого труда Зубатов сумел сделать из Гапона свое орудие (не из него одного: Мария Вильбушевич была образованнее Гапона, прошла революционную школу, к тому же она была еврейка⁷, – и все-таки сделалась сторонницей зубатовского полицейского социализма⁸, а в искренности Вильбушевич не сомневался никто из ее знавших, в частности С. Н. Прокопович). Идя по этой дороге, Гапон сблизился с петербургским градоначальником Фуллоном и петербургской полицией вообще. Тут, несомненно, он часто должен был видеть, что его цели не тождественны с целями полиции, но, как часто бывает, он надеялся при помощи своего малороссийского лукавства обмануть полицию и сделать ее своим орудием.

Иногда революционеры или люди революционных устремлений, особенно очень юные, не вышедшие из гимназического возраста, поступали на службу в полицию в расчете перехитрить ее и заставить ее служить своим целям, то есть целям революции. Результат в таких случаях всегда был обратный: они обращались в орудие полицейского сыска и либо кончали самоубийством, либо обращались в шпионов и провокаторов. Но это не говорит против их искренности вначале⁹.

⁴ С. В. Зубатов, который в 1896–1902 гг. являлся начальником Московского охранного отделения, а в 1902–1903 гг. заведовал Особым отделом Департамента полиции, стремясь отвлечь рабочих от революционного движения, инициировал создание ряда легальных профессиональных организаций. После своей вынужденной отставки он поручил руководство ими священнику Г. А. Гапону, с которым познакомился осенью 1902 г. и который уже в 1904 г. возглавил «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга»; см.: Водовозов В. С. В. Зубатов // День. 1917. № 4. 9 марта.

⁵ Предками Г. А. Гапона по мужской линии были запорожские казаки.

⁶ П. А. Мартянов, автор письма императору Александру II с призывом созвать Земскую думу (Колокол. 1862. № 132. 15 апр.), ратовал за создание «народной» монархии (см.: Герцен А. И. П. А. Мартянов и земский царь // Герцен А. И. Собр. соч. М., 1959. Т. 18. С. 11–13).

⁷ С. В. Зубатов убедил члена Бунда М. В. Вильбушевич, арестованную в марте 1900 г., что защиту экономических интересов еврейских рабочих легче осуществить не революционной борьбой, а путем создания их легальной, поддерживаемой властями организации, и в июле 1901 г. в Минске была основана Еврейская независимая рабочая партия, которая, получив разрешение на проведение в сентябре 1902 г. 2-й Всероссийской конференции сионистов, была распущена в июне 1903 г. (см.: Заславский Д. И. Зубатов и Маня Вильбушевич. М., 1923).

⁸ Не соглашаясь с термином «полицейский социализм», сам С. В. Зубатов писал, что «с социализмом она [зубатовщина] боролась, защищая принципы частной собственности в экономической жизни страны, и экономической ее программой был прогрессирующий капитализм, осуществляющийся в формах все более культурных и демократических» (Зубатов С. В. Зубатовщина // Былое. 1917. № 4. С. 157–158).

⁹ Подробнее о «товарищах-провокаторах» см.: Генш В. Л. «Человек патологический». Максималист Добковский и провокаторы. М., 2018.

Случай с Гапоном гораздо сложнее. Совершенно несомненно, что при содействии Гапона сети, раскнутые полицией с целью сыска, принесли ей богатейший улов. Но рядом с этим столь же бесспорно, что Гапон, создавший на деньги, полученные от полиции, свои рабочие организации и двинувший рабочую массу к Зимнему дворцу, дал могучий толчок революционному развитию рабочего класса; более того, он дал первый сигнал к первой русской революции, из которой вытекла и вторая.

События 9 января и, может быть, всего более письмо Гапона, о котором я сказал выше, вызвали в обществе горячее сочувствие к Гапону. Однако упорно ходившие слухи о его полицейских связях сильно смущали многих.

– Как ты смотришь на Гапона: герой или сыщик? – спросил меня мой товарищ А. М. Ону недели через две после 9 января.

– Герой, – решительно ответил я.

Теперь я ответил бы: «И герой, и сыщик вместе».

В одной из первых книжек «Русского богатства» за 1905 г. (или замещавшего его журнала под названием, кажется, «Русские записки»¹⁰) появилась характеристика Гапона, вышедшая из-под пера Короленко¹¹. В общем Короленко стоял на той же точке зрения, что и я. В полное собрание своих сочинений он ее не включил, – очевидно, позднейшая, чисто провокаторская и шпионская деятельность Гапона убедила Короленко в ее ошибочности. Об этом следует пожалеть. Статью эту теперь трудно достать. Между тем она написана с обычным для Короленко мастерством, была в свое время вполне правильной с точки зрения известных тогда фактов и – скажу сильнее – является и сейчас правильной, хотя и частично: там ярко и верно нарисован Гапон, но не весь Гапон, а одна его половина. И, во всяком случае, статья сохраняет свою историческую ценность, как взгляд современника на личность и дело Гапона.

Вскоре после трагической гибели Гапона, а может быть, даже незадолго до нее в Англии вышла «Автобиография отца Гапона»; потом она появилась и в русском переводе с английского¹². Написана она, конечно, не Гапоном; он не знал английского, равно как ни одного иностранного языка, да и по-русски самостоятельно написать целую книгу не смог бы. Она написана несколькими эмигрантами по рассказам Гапона и, конечно, не в меньшей мере отражает личности ее действительных авторов, чем личность Гапона. Но все-таки из нее ясно виден и Гапон: если не тот, каким он был во всей полноте своей двойственной личности, то тот Гапон, каким он хотел быть. Конечно, в книге очень много умолчаний; немало и прямой неправды. Но все-таки в главном она – правда, хотя и не вся правда.

В года два тому назад вышедших в советской России мемуарах Русанова рассказывается, как писалась автобиография Гапона, хотя рассказ не доведен до конца, так как Русанов говорит только о том, в чем он сам принимал непосредственное участие, а он в конце концов отказался

¹⁰ Журнал «Русское богатство» выходил под названием «Современные записки», «Современность» в начале 1906 г., «Русские записки» – в 1914–1917 гг.

¹¹ В январе 1905 г. В. Г. Короленко писал, что «замечательную личность» Г. А. Гапона, утвержденного «председателем нового общества рабочих, с его двойственной задачей и со всеми вскрывшимися впоследствии противоречиями разнородных стремлений его “учредителей”...», т. е. полиции, нет ничего легче, как окрасить «каким-нибудь одним простым и слишком определенным цветом», но «нет необходимости непременно отрицать искренность первоначальных намерений, чтобы понять конечные противоречия, залог которых лежал уже в недрах самой организации... Эти противоречия вскрылись, и бурная натура довершила остальное. Св[ященник] Гапон стал отголоском широкого массового движения, увлекающий массу и сам ею увлеченный...» (Короленко В. 9 января в Петербурге // Русское богатство. 1905. № 1. С. 170–172).

¹² Так называемая «Автобиография» Г. А. Гапона, написанная без его участия британским журналистом Дж. Перрисом и Д. В. Соскисом на основе материалов российской и зарубежной прессы, печаталась в июле – ноябре 1905 г. в журнале «The Strand Magazine», а затем вышла отдельным изданием, см.: *Gapon G. The Story of My Life*. L., 1905 (подробнее: *Кременецкий К. В. Авторство и цель создания «Истории моей жизни» Г. А. Гапона // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II. 2019. Вып. 86. С. 110–125*). Рус. перевод: Автобиография отца Гапона // Обновленная Россия. 1905. № 2–5, 7–18, 20–23. 16–19, 23–27, 29, 30 нояб., 1–4, 14, 16–18, 20 дек.; см. также: *Гапон Г. А. История моей жизни* / Ред., вступ. ст. и примеч. А. А. Шилова. Л., 1926.

от составления чужой автобиографии. Тут рассказано о грубой жадности Гапона при гонорарных расчетах¹³. Вообще Гапон является здесь в очень неприглядном виде: в таком же виде он является в мемуарах Поссе¹⁴ и вообще у всех, кто встречался с ним за границей или после возвращения.

Более того, на меня самого он произвел совсем не симпатичное впечатление, когда я увидел его по прошествии долгих месяцев бурного года.

Случилось это в сентябре (если не в августе) 1905 г.¹⁵ В комнату иностранного отдела в редакции «Нашей жизни» вбежал Неманов:

– Идите к Португалову, у него – Гапон.

Я тотчас же бросился в «Провинциальную хронику» и растерялся: где же Гапон?

Я ясно помнил Гапона. В священнической рясе, с высоко поднятым в правой руке крестом, это был Петр Амьенский: величественная фигура, скорее высокого, чем среднего роста, с благородным выражением умного лица, с медлительными жестами, обыкновенно усваиваемыми священниками. Теперь с Португаловым сидела какая-то вертлявая фигура в пиджачке, низкого роста, с мелкими чертами лица, с быстрыми движениями, нервно курившая папиросу.

– Вы не знакомы? Водовозов, священник Гапон, – представил нас друг другу Португалов.

– Как же, как же, мы знакомы; я имел честь познакомиться с господином Водовозовым, – затараторила фигура.

Пришлось сознаваться в ошибке; это был Гапон. Только не тот Гапон, а другой, кем-то подмененный.

Собралась часть нашей редакции, в том числе и Ходский. Нужно заметить, что в нашей редакции тогда не было двух мнений о Гапоне. Изложенное выше мое первое мнение о Гапоне как о герое было общим. Впрочем, к осени, то есть еще до этого визита, появились и сомнения, но большинство стояло на своем.

Гапон рассказал, что он в Петербурге нелегально, хотел бы легализоваться, но неудобно просить о легализации, совершив только что новое правонарушение беспаспортного въезда в Россию; поэтому нужно просить о разрешении ему въезда в Петербург. Ввиду этого он и пришел просить Португалова как человека, наиболее близко с ним знакомого в нашей редакции, чтобы тот познакомил его с Ходским, а Ходский просил бы Витте. Португалов попросил у Гапона разрешение познакомить с ним членов нашей редакции, гарантировав ему сохранение тайны. Мы заговорили о пребывании Гапона за границей. Гапон рассказал нам о своей жизни, о своих встречах и переговорах с эмигрантами. Рассказы его были плоски, бездарны, мелочны. Человек, ведший за собой десятки тысяч народа под знаменем известных политических требований, ровно ничего не понимал в политических вопросах, в политических программах, во взаимных отношениях партий. Он ушел.

Мы все смотрели друг на друга, разводя руками.

– Вот что такое Гапон!

Через несколько дней Ходский был у Витте и исполнил свое обещание Гапону.

---

¹³ В упомянутых воспоминаниях речь идет не об «автобиографии» Г. А. Гапона, а о сделанном ему предложении американского издателя за гонорар в размере 50 тыс. франков подготовить в течение месяца книгу о «кровавом воскресенье». Но Г. А. Гапон, согласившись поделить обещанный гонорар с социалистами-революционерами, неожиданно потребовал выплатить ему три четверти названной суммы «ввиду, как говорил он, несравненно большего интереса, представляемого его личным рассказом по сравнению с общей частью», касающейся истории рабочего движения в России. Из-за этого было решено «пре-рвать всякие дальнейшие разговоры с человеком, который, очевидно, страдал горделивым помешательством, и распустить комитет по изданию книги» (Русанов Н. С. В эмиграции. М., 1929. С. 287, 290).

¹⁴ См.: Поссе В. А. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864–1917 гг.) / Ред. и примеч. Б. П. Козьмина. М.; Л., 1929. С. 348–400, 410–415.

¹⁵ Неточность: Г. А. Гапон вернулся в Петербург в ноябре в связи с амнистией, объявленной 21 октября 1905 г.

– Что вы говорите о разрешении Гапону въезда в Петербург! Гапон давно себе это решил. Неужели вы этого не знаете? – ответил Витте и тем пресек дальнейший разговор на эту тему¹⁶.

Прошло 12 лет. Первая революция была раздавлена на московских баррикадах и обойдена обманом 17 октября¹⁷; пронеслись годы тяжелой реакции; шумела новая, более страшная военная гроза, и началась новая революция. На первое время все вздохнули свободнее.

Ко мне пришли два раньше незнакомых мне рабочих.

– Мы к вам с просьбой. Нельзя ли реабилитировать Гапона?

– То есть... Что вы этим хотите сказать?

– Про Гапона говорят, что он провокатор, шпион, а мы этому не верим.

– То есть как это не верите? Вы не читали рассказа Рутенберга¹⁸, почему он убил Гапона?

– Слышали, да все это вранье. Ничему мы не верим. Это был святой человек. Он нам глаза открыл. Не мог он быть шпионом.

– Но что же вы хотите от меня?

– Вы пишете. Напишите в газетах, что это неправда.

– Да ведь нельзя же просто написать: неправда. Надо привести доказательства. А какие у вас доказательства?

Доказательств у моих рабочих не было. Но у них была вера в Гапона, и эту веру они пронесли через 12 лет своей рабочей жизни, пронесли, несмотря на все доказательства противного. Такую веру в себя не мог возбудить «просто провокатор».

От этого длинного экскурса в область человеческой психологии возвращаюсь к фактическому изложению.

5 или 6 января началась в Петербурге забастовка, нарушившая всю нормальную жизнь. Забастовали и типографии, и мы, газетчики, были свободны.

Вечером 8 января в помещении редакции «Сына Отечества» собралось человек 80 петербургских литераторов и профессоров. Тут были представлены все прогрессивные издания Петербурга: ежедневные, как «Сын Отечества» и «Наша жизнь», ежемесячные – «Русское богатство», «Вестник Европы» и «Мир Божий», еженедельные – «Право» и др.; было немало людей, стоявших вне редакций, как Н. И. Кареев, генерал В. Д. Кузьмин-Караваев и др. Чувствовалось веяние начинающейся революции, но на завтра предстояло большое кровопролитие, – в этом не сомневался никто. Что делать, чтобы предупредить его? Никто не мог предложить хорошего совета, и собрание чувствовало себя удрученным¹⁹. Решено – все сознавали

¹⁶ Об изменившемся отношении к Г. А. Гапону свидетельствует письмо В. В. Водовозова от 13 февраля 1906 г., адресованное З. В. Лягардель-Гогунцовой в Париж: «Все Ваши корреспонденции получены, и большая их часть напечатана. Некоторые, однако, вызвали сомнение, и мы, после колебаний, печатать их не решились. К таковым принадлежит Ваша корреспонденция о Гапоне. По поводу ее были большие разговоры в нашей редакции, так как я не решился напечатать ее на свою единоличную ответственность. Дело в том, что сомнения в личности Гапона у нас появились уже давно, вскоре после краткого пребывания его в Петербурге в ноябре месяце, когда он был у нас в редакции и произвел на всех нас малоблагоприятное впечатление, – во всяком случае, менее благоприятное, чем в январе прошлого года, когда большая часть из нас была с ним знакома и была в восторге от его личности. В настоящую минуту очень рад, что мы этой корреспонденции не напечатали, да, вероятно, и Вы сами рады этому. Хотя, как мне кажется, лично Гапон задет сравнительно мало разоблачениями, появившимися в последнее время, хотя я думаю, что он действовал bona fide [добросовестно (*фр.*)], но тем не менее как политический деятель он совершил несомненно грубую ошибку, граничащую с преступлением, и защищать его как политического деятеля, а не только как человека (а Ваша корреспонденция делает именно это) мне кажется ошибкой» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2675. Л. 1).

¹⁷ Имеется в виду Манифест «об усовершенствовании государственного порядка», подписанный 17 октября 1905 г. императором Николаем II, который под впечатлением Всероссийской политической стачки поручил «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», привлечь к участию в Государственной думе те классы, которые «совсем лишены избирательных прав», и установить «как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы» (Ведомости СПБ. градоначальства. 1905. № 221. 18 окт.).

¹⁸ См.: Рутенберг П. М. Дело Гапона // Былое. 1909. № 11/12. С. 29–115; 1917. № 2 (24), август. С. 6–67.

¹⁹ См. воспоминания М. И. Ганфмана: «Выступил на собрании и В. В. Водовозов. Его, однако, волновал, наряду с предупреждением кровавой расправы, и другой вопрос. А если 9 января будет началом столь долгожданной русской революции?

безнадежность этой меры, но лучшего ничего не могли выдумать, – отправить депутацию к министру внутренних дел Святополк-Мирскому и Витте: просить их предупредить кровопролитие, которое грозит тяжелыми последствиями для всей России. Надо было выбрать депутацию. Выкрикивали имена:

– Анненский, Арсеньев, Максим Горький, Кареев, Кузьмин-Караваев, Мякотин, Плеханов, Семевский, – прозвучали имена (и еще, кажется, два, которых я теперь не могу вспомнить)²⁰.

Из этих имен я назвал Кареева, и, следовательно, именно мне Кареев обязан сомнительным удовольствием просидеть три недели в Петропавловской крепости и быть увековеченным на картине Екатерины Сергеевны Кавос, изображающей его в тюремной камере. Из названных лиц все соглашались немедленно, без всяких отговорок трусости или скромности. Только В. Д. Кузьмин-Караваев, в то время игравший заметную роль в общественной жизни Петербурга, категорически отказался, по-видимому считая звание делегата от неразрешенного собрания литераторов несовместимым с его генеральским мундиром. Остальные девять лиц сейчас же уехали. После их отъезда делать было нечего, коллегиальный организованный разговор был невозможен и объявлен перерыв. Но и говорить по отдельным кружкам было не о чем, – все было полно ожиданием возврата делегатов. Время тянулось удивительно медленно.

Часа через полтора или два делегаты вернулись. Приняты они были немедленно обоими министрами²¹, но и тот и другой отказались что-либо сделать.

Собрание тоскливо разошлось в предчувствии тяжелого дня.

На следующий день я вышел из дому часов в 9 утра. Перед тем ко мне зашел Саша Гиберман. Это был сын моей старинной знакомой, женщины-врача Полины Израилевны Гиберман, близкой родственницы жены В. П. Воронцова. Сашу Гибермана я знал с его раннего детства и очень любил. Это был мальчик в высшей степени одаренный и много обещавший в будущем, с очень пытливым умом, всем разносторонне интересующийся, много и серьезно читавший. Он часто бывал у меня, о многом расспрашивал и находился под моим влиянием. В это время он был гимназистом, кажется, седьмого или восьмого класса и лет ему было 17–18; жил он постоянно в Киеве, но в этот момент почему-то находился в Петербурге. Через год после этого он трагически погиб; расскажу об этом в своем месте. Он пришел ко мне, зная, что я в этот день буду ходить по городу; ему хочется того же, и хочет он ходить со мною. Мне было неприятно вести мальчика туда, где есть некоторая, хотя и незначительная опасность; неприятно также как бы вводить мальчика, которому надо еще учиться, в политическую жизнь. Но мальчик был

Если рабочая мирная демонстрация превратится в сигнал для этой революции? Будет ли готова русская интеллигенция к этому историческому моменту? Сможет ли она возглавить народное движение, взять его в свои руки и создать необходимую власть? Надо сказать, что при господствовавшем в собрании настроении проблема, так занимавшая В. В., казалась совсем несвоевременной. Мне пришлось сказать это публично В. В., и я подчеркнул ему, что наши души смятены не политическими перспективами и интересами революции, а просто кошмаром предстоящей бойни. Я и тогда видел, что В. В. хорошо это понимал, но он счел долгом своей политической совести сделать это выступление и несколько не смущался тем, что оно было встречено с недоумением... Кстати, вероятно, выступление В. В. Водовозова послужило основанием для легенды о том, что совещание в “Сыне Отечества” было своего рода “учредительным собранием”, которое выбрало чуть ли не временное правительство на случай победы революции» (*Ганфман М.* Встречи с В. В. Водовозовым // *Сегодня*. 1933. № 280. 10 окт.).

²⁰ Ср. с воспоминаниями И. В. Гессена: «Беспорядочно выкрикивали фамилии лиц, которые должны были в депутацию войти. Я старался сделаться незаметным, ибо меньше всего улыбалось еще раз сегодня встретиться с Витте, но кто-то назвал мою фамилию, и в ответ раздалось: “Ну, это само собою разумеется”. Потом Водовозов вдруг крикнул: “Господа, нельзя производить выборы так беспорядочно. Мы ведь не знаем, какую роль депутации придется сыграть”. Замечание не обратило на себя никакого внимания, но имело неожиданные последствия. Выбраны были Анненский, Арсеньев (едва ли не впервые на подобном собрании присутствовавший), Максим Горький, проф. Кареев, гласный гор[одской] думы Кедрин, Мякотин, Пешехонов, проф. Семевский, вращавшийся среди интеллигенции представитель Гапона – рабочий Кузин, оказавшийся провокатором, и я» (*Гессен И. В.* В двух веках. Жизненный отчет // *Архив русской революции*. Берлин, 1937. Т. 22. С. 192).

²¹ Неточность: депутацию приняли С. Ю. Витте и товарищ министра внутренних дел генерал-майор К. Н. Рыздзевский, состоявший заведующим полицией и командиром Отдельного корпуса жандармов.

очень развитой, а стоять в стороне от политики в то время и для менее развитого и для еще более юного было невозможно, и я, хотя и неохотно, согласился.

Мы пошли. Мне очень трудно описать этот день сколько-нибудь систематически. Все отдельные моменты в настоящее время хронологически спутались в моей голове, хотя многие из них в отдельности стоят очень ярко в памяти и хотя в первые месяцы и годы они стояли у меня в памяти в самом стройном порядке. Главных моментов, шествия самого Гапона, я, впрочем, не видал вовсе; видал только второстепенные. Не могу вспомнить даже содержания моей собственной очень краткой речи, которую я в тот день произнес в Публичной библиотеке. Первое впечатление было на Васильевском острове (я жил на нем во 2-й линии, и оттуда началось наше путешествие), кажется, в 4-й линии – пролог. Кучка рабочих. Один ораторствует против войны. Против него выступил какой-то субъект в наушниках²², кричавший надрывным голосом:

– Нам нужен незамерзающий порт на Тихом океане. Кто говорит против войны, тех представляйте в сыскную полицию!

– Да зачем вам представлять кого-нибудь в сыскную полицию? – крикнул я. – Вы сами сыскная полиция.

Раздался смех.

С Васильевского острова мы прошли беспрепятственно через Дворцовый мост к Зимнему дворцу, хотя везде мы видели всякие наряды полиции и войска; те и другие были наготове. Публики было мало. Мы пошли по Невскому. Тут публики было больше; все это была публика того же рода, как и мы с Сашей; обычной занятой публики не было. Мы ходили в разных направлениях, по разным прилегающим к Невскому улицам. Толпы народа делались все гуще. Наконец мы наняли где-то извозчика и поехали по Морской по направлению опять к Невскому. Тут мы услышали со стороны Невского трескотню ружейных выстрелов. Мы продолжали наш путь. Когда мы были совсем у угла Невского, раздался крик: «Извозчика, извозчика», – и мы увидели нескольких студентов, несших на руках человеческое тело. Мы соскочили со своего; студенты положили на него тело, все окровавленное, но живое; один из них сел с раненым и увез его.

По Невскому бежала врассыпную толпа рабочих, – ее преследовал военный отряд, стреляя вдогонку. Мы с угла Морской видели эту погоню.

Не помню, от кого я услышал: идите в Публичную библиотеку, и мы последовали этому зову. Не знаю, как мы проникли туда: были ли взломаны двери или они были открыты (кажется, верно последнее, потом я слышал, что в читальном зале было даже несколько человек работавших, которые ушли, недовольные нарушением порядка). Толпа, и мы с Сашей с нею, проникла в читальный зад. На стол вскочил Максим Горький и произнес краткую, но производящую сильное впечатление речь; содержание ее совершенно не помню. За ним на тот же стол вскочил я и тоже произнес краткую речь. Как я уже сказал, содержание ее я тоже не помню, но закончил ее возгласом: долой кровавого царя.

Совершенно неожиданно в ответ раздался возглас по моему адресу какой-то пожилой женщины:

– Стыдно вам!

Толпа, однако, была на моей стороне, и женщина вызвала крики по своему адресу:

– Вам стыдно, царь убивает на улице людей, а вы! – Толпа наседала на женщину, некоторые грозили ей кулаками.

Я боялся, что может произойти расправа; Горький, видимо, боялся того же, но, к счастью, дело обошлось мирно, – женщину выставили, и она ушла. Других ораторов не нашлось; толпа разошлась, и я тоже ушел.

---

²² Наушники – часть теплой шапки, закрывающая уши.

Затем мы вновь бродили по улицам. В одном месте мы встретили отряд конных казаков, преследовавший с пашками наголо толпу, бежавшую и прятавшуюся в воротах и других углублениях в стенах домов. Мы тоже спрятались в одной такой нише, и казаки промчались мимо нас. Вновь несколько раз слышали ружейную пальбу, но ни убитых, ни раненых больше не видели.

Часам к двум, по-видимому, все было кончено. Улицы начали редеть, но войска и полиция оставались. Утомленные впечатлениями дня, мы решили пойти домой. Идти надо было пешком, так как извозчиков нигде не было, конки тоже не ходили. Но идти домой оказалось не так-то просто. Пойдешь по одной улице, – вдруг она оказывается прегражденной отрядом казаков или полиции.

– Назад! Здесь нельзя.

Приходилось поворачивать. На другой улице то же самое. Мы направлялись к Дворцовому мосту, но дойти до него не удалось и пришлось повернуть к Николаевскому. Через него мы прошли благополучно и часов в шесть были дома.

Кровь, таким образом, я сам видел только один раз, но она носилась в воздухе. Я чувствовал, что где-то, где я не был, она пролита целыми потоками. Число убитых в этот день никогда, насколько я знаю, не было установлено с точностью. Цифра, приведенная в официальном сообщении о событиях дня, была невелика²³, но она совершенно не соответствовала истине. Цифры, называвшиеся в публике, со ссылками на разные источники, и потом сообщенные в разных мемуарах и исторических работах о 9 января, достигали 2000. Вероятно, они преувеличены. Во всяком случае, убитые исчисляются сотнями, если не больше.

На следующий день я обошел места вчерашних боев и видел поваленные телеграфные столбы, вывороченные из мостовых булыжники. Все говорило, что бой был ярый и что накануне я самых важных событий, собственно, не видел. Видел я стены домов и окна, изрешеченные пулями; узнал, что пуля не разбивает стекла вдребезги, но производит в нем правильную круглую дыру с ровными краями, от которой радиусами расходится несколько трещин²⁴.

Через несколько дней я встретился на империаля²⁵ конки с одним знакомым рабочим. Мы заговорили о событиях 9 января.

– Знаете, что я думаю? – сказал он. – Я думаю, что нет ни Бога, ни царя.

Я остолбенел; строй мысли, из которого вытекла эта фраза, был для меня непонятен. Если отрицание Бога для меня понятно, если мне понятно, что бессмысленные жестокости или стрельба по хоругвям и иконам, не вызвавшие кар со стороны Бога, могут отнять у человека веру, то царь для меня был не допускавший сомнения реальностью. Но продолжение разговора ввело меня в душевный строй моего собеседника. Царь для него не только носитель верховной власти, но и воплощение определенного идеала, как Бог не только Творец мира, но и верховное Добро; последнего не оказалось, – нет больше Бога, нет больше царя, а есть, может быть, черт и самозванец. У меня в памяти смутно вертелись слова Ив[ана] Шуйского:

– Нет на Руси царя!²⁶

Это как раз тот самый строй мысли, очевидно, верно схваченный Алексеем Толстым.

²³ Согласно «Списку лиц, убитых и умерших от ран в разных больницах г. С.-Петербурга, полученных 9 января 1905 года», численность убитых и умерших от ран составила 130 человек, раненых – 299 человек (см.: Ведомости СПб. градоначальства. 1905. № 18. 22 янв.).

²⁴ В рукописи далее зачеркнуто: «Через 10 лет я видел в Сербии одну церковь, через которую пролетел артиллерийский снаряд. В первой стене была небольшая, правильно круглая дыра, очевидно соответствовавшая величине снаряда; в противоположной стене, через которую снаряд пролетел уже с ослабленной силой, отверстие было большое, с диаметром не меньше метра, совершенно неправильной формы; снаружи церкви лежали обломки разбитых кирпичей».

²⁵ Империаля – длинная двойная скамья на крыше конки, где пассажиры сидели спинами друг к другу, обращенные лицами к двум противоположным сторонам улицы.

²⁶ Реплика И. П. Шуйского в четвертом действии трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» (Вестник Европы. 1868. № 5. С. 98).

Нет Бога, нет царя. Эту формулу в следующие недели я слышал многократно. Она заменила формулу: «Бог на небе, царь на земле», и даже промежуточную между ними: «До Бога высоко, до царя далеко», и «Милует царь, да не милует псарь». Нет Бога, нет царя – результат работы Гапона на деньги Зубатова и Фуллона.

11 января я поздно вернулся домой с какого-то собрания. Утомленный бегом предыдущих дней, я скоро заснул и спал крепко. Среди ночи в мою комнату вошел В. И. Семевский, разбудил меня, обнял и сказал:

– Прощай, меня увозят, я арестован.

Я приподнялся, но сознание ко мне в полной мере вернулось не сразу, – простился, ничего не понимая, и тотчас же свалился на подушку. Минут через пять я вновь приподнялся, увидел, что комната освещена лампой (электричества тогда в квартире еще не было) и что в углу сидит полицейский.

– Лежать смирно! – раздался грозный окрик.

Я еще настолько находился во власти сна, что окрик на меня подействовал и я вновь повалился на подушки, но тотчас же проснулся, поднялся и начал одеваться. Окрик повторен не был.

Я пошел в комнату матери. Она была одета, но в состоянии полного изнеможения. Оказалось, что часа в два ночи явилась полиция, произвела поверхностный обыск во всей квартире, в том числе и моей комнаты, причем я не проснулся, но не в комнате Василия Ивановича; для обыска в ней с ее большой библиотекой и архивом, очевидно, не было времени, – и ее просто запечатали²⁷. Затем часа в три ночи Василия Ивановича увели, куда – неизвестно.

Я тотчас же решил, что арест вызван участием Василия Ивановича в депутатии к Святополку и Витте. Однако это надо было проверить. Дождавшись утра, я пошел к Карееву. Мне открыла дверь его дочь и на обычный вопрос, дома ли Николай Иванович, ответила:

– Папа сегодня ночью арестован.

Дело становилось совершенно ясным. В тот же день мы узнали, что арестованы все делегаты, кроме Арсеньева, для которого почему-то сделано было исключение²⁸.

Начались обычные хлопоты о свидании, и таковые были даны, не знаю, всем ли арестованным или только некоторым. Раз из соседней квартиры мне сообщили, что из жандармского управления вызывают мою мать для свидания (телефоны тогда были распространены мало, и у нас его не было). Как раз моей матери не было дома. Рискнул поехать я, и меня допустили. Свидание продолжалось полчаса и было так называемым личным, т. е. не через решетку. При

²⁷ Ср.: «Уже после того, как арестованного Василия Ивановича повезли в тюрьму, обыск еще долго продолжался в его кабинете. Домашние не могли войти туда, так как каждый из них должен был оставаться в своей комнате под надзором полиции. Только уже под конец обыска моему сыну удалось через толпу “ночных посетителей” прорваться в кабинет, куда и я последовала за ним. Но полицейские уже кончали свое дело и начали прикладывать печать к дверям изнутри. Вместе с ними пришлось выйти и нам» (*Семевская Е.* Василий Иванович Семевский // *Голос минувшего.* 1917. № 9/10. С. 72). См. также: «Впоследствии я узнал, что обыск был произведен крайне грубо, что ни жену, ни Васю не впустили в это время в мой кабинет, что жену хватали за руки, когда она пыталась идти в мою комнату, что Васю даже оттолкнули, когда он ворвался туда» (*Семевский В. И.* Автобиографические наброски // Там же. С. 40).

²⁸ Ср. с воспоминаниями И. В. Гессена: «Но совсем неожиданным был полицейский визит в ночь с 10 на 11 января: около 4 час. утра целая орава полицейских с понятиями заполонила квартиру, пристав бесцеремонно вошел в нашу спальню, и при нем мы с женой должны были одеться; обыск почти не производился: они, видимо, торопились увезти меня. <...> Лихорадочная тревога завладела мною, ибо я никак не мог объяснить причину ареста, и еще усилилась, когда я увидел, что везут меня не на Литейный проспект в знакомый Дом предварительного заключения, а через Троицкий мост – значит, в Петропавловскую крепость, которая предназначалась для важных государственных преступников и предвещала долговременное заточение. Меньше всего можно было догадаться, что арест вызван упомянутым замечанием Водовозова [«Мы ведь не знаем, какую роль депутатии придется сыграть»], которое растерявшаяся власть истолковала как эвентуальное превращение депутатии во временное правительство. Если мы – “временное правительство”, то ясно, что меры требуются серьезные и, за исключением Арсеньева (он был старше всех годами и имел титул превосходительства) и Горького, уже скрывшегося из Петербурга, вся депутатия была схвачена, а Пешехонова эскортировали казаки с саблями наголо, опасаясь, чтобы население не освободило из рук полиции будущего временного правителя» (*Гессен И. В.* Указ. соч. С. 193). Стоит уточнить, что Горький, которого арестовали 11 апреля в Риге, тоже оказался в Петропавловской крепости; его освободили 14 февраля под залог в 10 тыс. рублей.

свидании присутствовал жандармский офицер, который был погружен в какие-то бумаги и делал вид, что не обращает на нас внимания; мне удалось тайно передать Василию Ивановичу карандаш и перочинный нож, на отсутствие которых он особенно жаловался, и их он провез благополучно в крепость. Однако когда я сделал какое-то неуважительное замечание по поводу арестов, жандарм очень резко вскинулся на меня и закричал:

– Я прекращаю свидание.

Мне пришлось извиниться (я не помню теперь, в чем состояло мое замечание, но помню, что оно, принимая во внимание условия места, действительно было нетактичным), и жандарм смягчился. В заключение мне было сказано, что свидания В. И. Семевскому с моей матерью вообще разрешены, помнится, два раза в неделю и будут происходить здесь, на Тверской, в жандармском управлении.

То же самое было и с Кареевым.

Я дал совет Софье А[ндреевне] Кареевой непременно захватить с собой на свидание карандаш и нож. Но Софья Андреевна решительно заявила мне:

– Я хорошо знаю моего мужа, – он ни за что не возьмет; не может же он быть в положении гимназиста, которого поймали на шалости.

И не сделала этого. Между тем потом Кареев говорил мне, что он, конечно, взял бы, так как оставаться не только без пера и чернил, но и без карандаша невесело.

Недели через три арестованных выпустили, за исключением М. Горького, которого держали дольше, несмотря на взрыв в Европе общественного негодования, вызванного его арестом. В конце концов, однако, правительство должно было отступить перед натиском этого негодования, и последний из депутатов общественного мнения к министрам оказался на свободе.

Каждый день мы, члены редакции «Нашей жизни», собирались в обычное время в помещении нашей редакции в надежде узнать, когда сможем, наконец, возобновить издание газеты. Но расхолодившееся море не могло сразу войти в берега, и рабочие за работу не принимались. Наконец, из типографии пришла весть, что завтра (помнится, это «завтра» приходилось на пятницу, 14 января) типография открывается и мы должны сдать ей материал. На следующий день я был чем-то задержан и явился в редакцию с некоторым опозданием. Уже на лестнице я заподозрил что-то неладное: по ней поднимались и спускались в большом числе какие-то подозрительные фигуры, не похожие ни на обычных посетителей нашей редакции, ни на обычную публику этой лестницы. Тогда, с осмотрительностью выждав момент, когда на лестнице было сравнительно пусто, я быстро отворил дверь в редакцию и сразу понял, что в редакции происходит обыск: прихожая была полна полицейскими мундирами. Все стояли спиной к входной двери, и я, видимо никем не замеченный, успел быстро затворить дверь и быстро же спуститься к выходу. Во всяком случае, за мной не гнались, и я ушел благополучно.

Дома я застал у моей матери г-жу Юлию Безродную (беллетристку), жену Евг[ения] Ад[ольфовича] Ганейзера, члена редакции «Сына Отечества».

– «Сын Отечества» выйдет завтра? – спросил я.

– Да.

– Вы в этом совершенно уверены?

– Конечно.

– А я сильно сомневаюсь, – возразил я и рассказал ту сцену, свидетелем которой был только что.

Безродная словно сорвалась с места и моментально уехала.

Вечером, на всякий случай почистившись дома и почистив свои карманы, я вновь отправился в редакцию. Пройдя несколько раз вверх и вниз по лестнице и не заметив ничего подозрительного, я осторожно отворил дверь. В редакции уже никого не было, кроме Ходского.

– Был обыск, – рассказал он, – довольно продолжительный и внимательный. Рылись в столах, на столах, в конторе, в карманах у членов редакции; ничего не нашли подозрительного и ушли, составив протокол. Обыск продолжался с 2 до 6. Редакция разошлась, газеты не составив, да и из типографии известно, что наборщики не приступили к работе. Надеются, что завтра можно будет работать беспрепятственно.

На «завтра» работа действительно возобновилась у нас и в «Сыне Отечества».

Время было еще горячее. Мы писали по адресу правительства в тоне очень резком, «Сын Отечества» – еще того более. Почти каждый день были митинги или собрания, на которых и я выступал со своими речами.

4 февраля был в Москве убит великий князь Сергей Александрович. Мы написали сухой некролог и вышли без траурной рамки. То же самое сделал и «Сын Отечества». В тот же день обе газеты были запрещены на три месяца с отдачей, по истечении этого срока, под предварительную цензуру.

Была ли это гибель?

С этим вопросом шел я в редакцию. Ходский был удручен, однако решил бороться.

В момент своего запрещения газета имела тираж от 60 до 70 000 экземпляров. «Сын Отечества» немного больше. Если не считать дешевых газет («Свет», «Газета-Копейка» тогда еще не существовала, дешевая «Биржевка», кажется, тоже²⁹), этот тираж был максимальный, которого до того времени достигала какая бы то ни было большая русская газета. Старинное «Новое время», казалось бы прочно стоявшее на ногах, в это время сильно отставало в тираже от двух радикальных газет Петербурга и вряд ли в то время благополучно сводило концы с концами.

Нужно заметить, что время японской войны и первой революции было для литературных, в особенности газетных, заработков переломным временем или, по крайней мере, началом переломного времени. Именно с этих пор заработок самого заурядного газетчика, по крайней мере не очень щепетильного в выборе органа, начал расти и в конце первого десятилетия XX в. определялся в 6, 9, 12 и более тысяч рублей в год. Тургенев в свое время получал всего – и от гонораров, и от продажи своих сочинений, – от 5 до 6000 р. в год, как он говорит в одном из своих писем, а Леонид Андреев, величина в литературе, конечно, гораздо меньшая, получал в «Русской воле» (в 1916 г.) свыше 30 000 р. До японской войны только один Л. Толстой мог бы получать, если бы захотел, больше этого. Главным образом для подъема заработков много сделали «Биржевые ведомости» в Петербурге со времени вступления в них Гаккебуша (это было после первой революции) и «Русское слово» в Москве. Конечно, возможным это стало благодаря значительному росту тиража газет, связанному с ростом грамотности и интереса к печатному слову и экономическим ростом России в начале XX века до мировой войны.

Но мы в «Нашей жизни» этими благами еще не пользовались или пользовались в самой малой степени.

Незадолго перед тем возникшая «Русь» молодого А. А. Суворина³⁰, филиальное отделение «Нового времени», имевшее задачей взять себе либеральную публику, тоже в популярности отставало от нас. Возникнув в ноябре 1904 г. с ничтожными денежными средствами, не превышавшими 20 000 рублей, мы через три месяца существования вполне окупались и уже обещали в недалеком будущем хороший доход издателю (Ходскому)³¹.

²⁹ Неточность: дешевое, выходившее параллельно основному выпуску издание газеты «Биржевые ведомости» появилось в 1893 г. и позволило существенно увеличить ее тираж.

³⁰ Газета «Русь» выходила с декабря 1903 г.

³¹ См.: «Издание “Нашей жизни” было затеяно исключительно на мои личные трудовые средства, а затем в дело вступило русское общество, которое за три первых месяца дало газете от одной подписки 178 317 р., факт для новой газеты небывалый в истории русской печати. Благодаря такому общественному доверию и поддержке газета только и могла пережить постигший ее на первых же порах кризис, при 3-месячной остановке с 6 февраля 1905 г. по 6 мая» (Ходский Л. Как возникла «Наша

Ходский вел дело очень экономно. Заставить Ходского произвести какой-либо экстренный расход на редакцию было почти невозможно. Жалованья у нас были очень скромные: редактор получал 300 рублей в месяц, заведующие отделами (и я в их числе) 200 рублей; даже военный корреспондент (Рыкачев, впоследствии убитый на великой войне), писавший нам превосходные корреспонденции, обращавшие на себя общее внимание, получал всего 800 рублей жалованья, кроме небольшого построчного гонорара. Построчный гонорар у нас равнялся для большинства сотрудников 10 копеек. В «Сыне Отечества» и жалованья, и гонорары были раза в полтора-два выше.

И вот – запрещение на три месяца. Находясь под запретом, газета несет большую часть обычных расходов, не получая в то же время ни копейки доходов; с типографией, с квартирой она связана контрактами; сотрудников она не может распустить, а подписчиков она обязана удовлетворить либо возвратом подписных денег, либо другой газетой; доход от объявлений и розничная продажа не только прекращаются, но даже после возобновления газеты восстанавливаются не сразу в полном объеме.

Нам, постоянным сотрудникам, Ходский предложил на время запрещения жалованье в размере 2/3 обычного. Мы все согласились без единого слова возражения; лично я считал это большим великодушием и щедростью со стороны Ходского и не рассчитывал на это. Я смотрел на будущее газеты довольно мрачно, не рассчитывая, что в Петербурге она сможет существовать под предварительной цензурой. Напротив, Ходский и большинство редакции были настроены оптимистично.

Невольный трехмесячный досуг я истратил на сотрудничество в ежемесячных журналах и на написание нескольких брошюр: о пропорциональной системе выборов, к которой я относился с решительным отрицанием для России и вообще для больших государств, признавая ее целесообразность только в государствах маленьких и притом уже давно живущих политической жизнью, как Швейцария; о применимости всеобщего избирательного права в России, о делении России на избирательные округа и некоторые другие³²; проредактировал перевод книги Кеннана³³ и т. д. Мои брошюры издавали Парамонов, Мария Малых и другие издательства; некоторые потребовали повторных изданий. Кроме того, я несколько раз ездил в Москву и один раз в Киев. В этом последнем, столь хорошо мне знакомом городе было устроено собрание для прочтения мною доклада о происшествии 9 января в Петербурге.

В одной из прежних частей моих воспоминаний я рассказывал, как устраивались под легальным флагом в существовавшем там Литературно-артистическом обществе собрания, по существу нелегальные. Так было раньше, в эпоху тяжелой реакции. Теперь, при явном приближении революции, это было еще легче. Я не помню, какой литературный предлог был выдуман для моего доклада, но действительная тема его была хорошо всем известна, и на доклад набралась масса народа, конечно – преимущественно радикальной молодежи. Я начал доклад словами:

– 9 января в России началась революция.

Слова эти произвели сильное впечатление, удивившее меня самого. В Петербурге и Москве революция была уже общепризнанным фактом; никто не сомневался в ней. Но в Киеве даже революционеры ее наступления еще не чувствовали; она была еще только предметом желаний и ожиданий. Между тем самый факт возможности такого доклада, как мой, свиде-

жизнь» // Товарищ. 1906. № 106. 5 (18) нояб.).

³² См.: Пропорциональные выборы или представительство меньшинства. СПб., 1905; Конституция Швейцарии. Перевод текстов Швейцарской конституции и избирательного закона под ред., с предисл. и примеч. В. Водовозова. СПб., 1905; Всеобщее избирательное право на Западе. Ростов-на-Дону, 1905; Проект избирательных законов в Учредительное собрание и парламент. Ростов-на-Дону, 1905.

³³ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. [Ростов-на-Дону], [1906]. Т. 1. Пер. с англ. под ред. В. Водовозова.

тельство, что власти находятся в полной растерянности и распустили вожжи. Доклад прошел вполне благополучно и вызвал массу вопросов, на которые я отвечал.

4 или 5 мая «Наша жизнь» возобновилась³⁴. Тут пришлось убедиться, что хотя период был явно революционный, но мое киевское впечатление о распушенных вожжах было односторонним. Правда, мы говорили тоном небывалым в русской легальной печати, но это далеко не всегда сходило с рук. «Предварительная цензура» понималась теперь не так, как раньше, – не так, как в Киеве с «Киевскими откликами». Мы не посылали в цензуру каждую отдельную статью, но должны были весь номер представлять в сверстанном виде к 11 часам. Между тем при отсутствии предварительной цензуры газетный материал сдается в типографию в два-три часа ночи и иногда даже позднее. Таким образом, газета, издававшаяся под предварительной цензурой, помимо того, что она не может говорить все своим голосом и сообщать всех фактов, доступных другим газетам, помимо этого она всегда запаздывает сравнительно со своими свободными от нее конкурентами, что немедленно отражается на интересе, возбуждаемом ею в читателях, и, следовательно, на количестве подписчиков. Иногда – и довольно часто – цензор предлагал выкинуть какой-нибудь абзац или целую статью, причем, однако, оставлять белые полосы, как это делалось впоследствии (во время мировой войны), не позволялось: пустота должна быть заполненной чем-нибудь, конечно, тоже нуждавшимся в быстром разрешении цензора, дававшимся в 12 часов – 1 час ночи. Часто при этом выход номера задерживался позже почтового часа, а так как почта, сама далеко не вполне аккуратная, была весьма придирчива, то при опоздании на несколько минут газета разносилась городским подписчикам только вечером, а иногородним отправлялась с вечерними поездами или даже на следующий день. Нередко бывало еще хуже: цензор задерживал весь номер, и он вовсе не появлялся. И это случалось в среднем не реже чем раз в неделю, а то и два.

С этого и благодаря этому начался упадок «Нашей жизни». В одинаковом положении с ней был и «Сын Отечества», но у последнего – неисчерпанный денежный капитал более чем в сотню тысяч рублей, внесенный издателем Юрицыным; у нас его не было. Однако газета все-таки сильно читалась и имела заметное влияние на общественное мнение.

---

³⁴ Неточность: издание газеты «Наша жизнь» возобновилось 6 мая 1905 г.

**Глава II. Демонстрация в Павловске по поводу
Цусимы. – Моя поездка в Одессу в связи с восстанием
«Потемкина». – Встреча с Вильямсом. – Заезд в Киев. –
Арест моей жены. – Новая поездка в Киев и лекция
Лункевича. – Я приговорен к трехмесячному аресту. –
Моя первая эмиграция. – 17 октября 1905. – Рассказ
Иоллоса о Рейснере. – Возвращение в Петербург
на пароходе с П. Б. Струве. – Судьба А. Гибермана**

14 или 15 мая 1905 г. произошла Цусима. Известие о ней пришло на другой день, пришло не сразу, а в несколько приемов. Первые телеграммы сообщали только о сражении, исход которого был изложен не вполне ясно, хотя в поражении нельзя было сомневаться с самого начала. Ужас событий нарастал с каждой новой телеграммой и после полудня стал во всей полноте. Откуда-то пронеслось предложение: пойдем сегодня на музыку в Павловск и заставим ее замолчать, – нельзя праздновать в такой день, день траура. Кому принадлежала эта мысль, кто ее пропагандировал, – не знаю. Во всяком случае, в распоряжении пропагандистов этого проекта не было ни типографского станка, ни телефонов (тогда таковых в Петербурге было очень мало), а главное, не было времени: мысль не могла возникнуть раньше полудня, а в 5–6 час. вечера о ней знали все в Петербурге. Я в числе других поехал в Павловск с одним из многочисленных идущих туда поездов часов в 6 или 7. Поезд был переполнен так, как я до тех пор никогда не видал: публика в вагонах стояла стоймя, тесно друг к другу, как сельди в бочке; жались на площадках, сидели верхом на буферах. Не дошло только до того, чтобы взбираться на крыши вагонов, – это изобретение эпохи великой войны. Сразу был ясен характер публики и смысл ее поездки.

В соответствии с этим павловский парк был тоже переполнен. У меня ясно встает в памяти умная фигура П. Н. Милюкова, появлявшаяся в разных местах парка. Сильно удивило меня присутствие мирного, не питающего ни малейшей симпатии к революционным эксцессам Ив[ана] М[ихайловича] Гревса.

– С каких это пор ты стал таким меломаном? – с иронией спросил его я.

– Я? Я всегда любил музыку и в Павловске бывал часто. А вот тебя я здесь до сих пор что-то не встречал.

Гревс действительно любил музыку, но... не такую.

Возбуждение чувствовалось очень сильное. Но речей, настоящих ораторских речей с трибуны пока еще не было. Разговаривали по отдельным кружкам. Более других спланивал около себя слушателей П. Н. Милюков, но и он речей не произносил.

В обычный час, кажется в 7, явился оркестр военной музыки и в своем павильоне заиграл какую-то бравурную мелодию, совершенно не подходившую к настроению момента. Вся публика бросилась к павильону с криками:

– Стыдно! Позор! Замолчите! Россия гибнет, а вы что-то празднуете, – и тому подобное.

Сжимались кулаки, поднимались даже зонтики и палки, но, к счастью, насилия не было произведено. Оркестр замолчал, потом сложил свои инструменты и ушел.

Собственно, задача демонстрации была закончена; никакого плана на дальнейшее не было, и делать было нам больше нечего. Но сразу и просто разойтись было психологически невозможно. В отдельных местах парка начались речи, произносимые со скамей, однако речи очень краткие, ни одна из которых не продолжалась более 5 минут, все – одного содержа-

ния, которое может быть сведено в одну краткую формулу: «Долой самодержавие». За одну из таких речей был тут же арестован А. И. Новиков (бывший земский начальник, потом городской голова одного из южных городов, кажется Баку), который после нескольких дней ареста был благодаря своим высокопоставленным связям освобожден и в виде наказания подвергнут иногда употребляемой, довольно бессмысленной каре домашним арестом; я у него бывал во время отбывания им этой кары.

Произнес и я такую речь. Общий смысл ее был тот же, что и у других ораторов, но, кажется, я один или один из немногих прибавил к формуле «долой» пункт положительной программы: учредительное собрание, избранное всеобщей подачей голосов. Ко мне бросился полицейский с явным намерением меня арестовать, но между мною и им быстро, как будто нечаянно, стал Милюков, около него сгрудилось несколько человек из публики, а мне подала руку какая-то незнакомая мне пожилая дама, и мы вместе с ней спокойно вышли из парка. Таким образом П. Н. Милюков и эта дама спасли меня от ареста³⁵.

В парк я больше не возвращался и вернулся в Петербург с первым поездом.

В июне того же 1905 г. на Черном море произошло восстание броненосца «Потемкин»³⁶. Редакция командировала меня в Одессу разузнать об этом происшествии. Я прибыл туда, когда «Потемкин» уже ушел в море, и видел только следы разрушения, произведенного бомбардировкой, но не самую бомбардировку. Причин и общего характера происшествий никто в Одессе тогда еще не понимал, и, собрав по свежим следам те сведения, которые оказалось возможным получить, и описав их в наскоро набросанной корреспонденции, я уехал.

По дороге в Одессу в ноябре я встретился с мистером Вильямсом, впоследствии приобретшим большую известность в качестве члена редакции «Times», ведшим там русский отдел с большим, редким в иностранце пониманием России. Познакомился с ним я еще в 1903 г. в Штутгарте у П. Б. Струве. Только что перед тем из Петербурга и России вообще был выслан корреспондент «Times» за мрачное освещение финансового, экономического и политического положения России³⁷. Рассерженный и оскорбленный этим «Times» заявил, что своему корреспонденту он вполне доверяет, посылать в Россию другого не считает возможным и нужным, а будет держать свое доверенное лицо в Штутгарте и будет просить Струве сообщать ему те обильные сведения, которые скапливаются у него из России. И вот этот корреспондент (фамилию его я забыл) приехал в Штутгарт. Одновременно с ним приехал Вильямс, тогда бывший корреспондентом радикальной «Manchester Guardian», одной из очень немногих больших английских газет, издающихся в провинции. Оба англичанина провели несколько времени вместе в Штутгарте, но первый скоро уехал из него, и остался один Вильямс. Не помню, тогда же ли он перешел в «Times» или он оставался корреспондентом «Manchester Guardian», а в «Times» устроился как-нибудь иначе³⁸, но те полтора или два месяца, что я провел в Штут-

³⁵ Ср. с воспоминаниями П. Н. Милюкова: «Я был в это время в Петербурге и получил от имени Союза освобождения предложение участвовать в первом общественном протесте по поводу поражения при Цусиме. Не согласиться было нельзя, хотя дело шло об одной из «симуляций» революции, для меня малосимпатичных. Было условлено собраться в ближайшие дни «на музыку» в Павловске и там в антракте выставить оратора, который бы объяснил публике значение народного протеста. Оратором согласился быть милейший В. В. Водовозов, всегда готовый к бою. Но демонстрация плачевно провалилась. Часть публики, не успевшая уйти из зала, разбежалась, как только поняла, что ее втягивают в политику. Подоспевшая полиция принялась за работу, и нам едва удалось скрыть в нашей маленькой кучке оратора, слишком выдававшегося своим костюмом, взъерошенной шевелюрой и громадной папахой. На меня эта несерьезная попытка в серьезную минуту произвела самое тяжелое впечатление и навсегда отучила от подобных «симуляций»» (Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 196).

³⁶ Речь идет о восстании на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» 14–25 июня 1905 г.

³⁷ Имеется в виду корреспондент «The Times» в Петербурге Дадли Дизраэли Брэхэм, высланный из России 28 мая 1903 г. за публикацию «подложного» документа о причастности министра внутренних дел В. К. Плеве к организации погрома в Кишиневе.

³⁸ Неточность: Гарольд Вильямс с лета 1903 г. освещал события в России в качестве специального корреспондента «The Times» в Штутгарте. В декабре 1904 г. он приехал в Петербург, представляя газеты «The Manchester Guardian» (с января 1905 г.), «The Morning Post» (1908–1911) и «The Daily Chronicle» (1914–1918); см. воспоминания его жены: Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. М., 2007. С. 170–178. Корреспондентом «The Times» в Петербурге с февраля 1905 г. состоял Роберт

гарте, я видался с Вильямсом чуть не ежедневно. Потом он бывал у меня в Петербурге, и вот я встретился с ним в поезде, везшем нас в Одессу.

Англичанин из Новой Зеландии, кажется, доктор одного из германских университетов³⁹, хороший языковед, в частности порядочно говоривший по-русски, Вильямс производил впечатление широко образованного человека с широким кругом интересов. Он добросовестно старался понять жизнь страны, которую изучал, и из всякого человека, с которым его сталкивала судьба, старался выжать все что только можно. Он очень интересно ставил вопросы и умел вовлекать в живой разговор. Всю дорогу от Петербурга до Одессы и потом два или три дня в Одессе мы провели с ним вместе.

Из Одессы на возвратном пути я заехал в Киев, где оставалась моя жена, до тех пор не перебравшаяся еще в Петербург. Специальной цели заезда, вроде лекции или доклада, у меня не было, и оставаться в Киеве я не хотел более суток. Но в первый же день, когда я, побывав в нашей редакции «Киевских откликов» и посетив различных знакомых, вернулся домой, произошло событие, столь обычное и всегда тем не менее неожиданное. Часов в 11 или 12 вечера раздался звонок, – и появились жандармерия и полиция.

Обыск продолжался часа три; затем забрали мою жену и увели. На этот раз дело было киевское, местное, направленное не против меня, а специально против моей жены. Причины ареста мы тогда не понимали. Впоследствии для нас выяснилось, что моя жена явилась одной из многих жертв Азефа. Моя жена вообще поддерживала дружеские связи с с[оциалиста-ми]-[революционе]рами, иногда давала им деньги, иногда – квартиру для их совещаний. Один раз, еще до моего переселения из Киева, я встретил у нее Азефа и имел честь познакомиться с ним, но встреча была совершенно мимолетная. Впечатление от Азефа у меня осталось общее со всеми: «На редкость гнусная рожа».

Приходилось отложить свой отъезд из Киева, хотя я и чувствовал неловкость по отношению к редакции «Нашей жизни»: только что окончились трехмесячные невольные каникулы, а я уже манкирую.

Сходил в жандармское управление, где, к счастью, уже не было моего старого знакомого Новицкого, – получил свидание с женой, побывал у нее в тюрьме. Убеждение у нас обоих было, что арест не серьезный и что скоро она будет освобождена. Поэтому я решил уехать в Петербург⁴⁰, оставив заботу о жене на ее близкой приятельнице, молодой барышне Варваре Ваховской, которая в это время гостила у нее и осталась в нашей квартире и после моего отъезда⁴¹.

Арчибалд Вильтон (Robert Archibald Wilton, 1868–1925), покинувший Россию лишь после разгрома колчаковцев.

³⁹ Вильямс получил докторскую степень в Мюнхенском университете по грамматике одного из филиппинских языков (илокано) в 1903 г.

⁴⁰ Жена В. В. Водовозова писала ему из тюрьмы: «Дорогой мой Вася, надеюсь, что ты уже в Петербурге; мне было очень неприятно, что ты очень задержался в Киеве; я боялась, что у тебя пропадут железнодорожные билеты и ты пропустишь сроки для написания статьи. Я очень прошу тебя не хлопотать, ничего не предпринимать и, главное, не беспокоиться. Вся русская жизнь – тюрьма, и, в сущности, большой разницы нет, жить ли на Лукьяновке или на Владимирской; здесь, по крайней мере, спокойнее, не чувствуешь себя зверем, за которым охотятся, т. к. являешься их добычей. Ты пока что не приезжай в Киев, не бросай работу и не трать такую кучу денег; приедешь потом, если буду сидеть, хотя я думаю, что вся эта комедия скоро кончится и занавес будет опущен, не доставивши удовольствия ни той, ни другой стороне, а впрочем, это безразлично. Во всяком случае, я прошу тебя: не нарушай порядка своей жизни, работы и т. д.; мне в моем состоянии мудрено помочь...» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2097. Л. 27).

⁴¹ См. выписку из полученного Департаментом полиции агентурным путем письма от 10 июля 1905 г., которое «Варя» (В. Э. Ваховская, племянница жены А. И. Бонч-Осмоловского) послала В. В. Водовозову в Петербург: «Только что получила письмо от Веры. Представьте, эти мерзавцы до сих пор (две недели) не передали ей книг. В понедельник пойду к ним. Ведь это уже черт знает что такое. Дела они прокурору не передали, и теперь она сидит по распоряжению губернатора. Прокурор советовал мне сходить к нему просить свидания, но он уехал. Приходится опять ждать. Допроса все еще не было. По словам Верочки, она чувствует себя спокойно и “будущее не так страшит ее, как прежде”... Пишу я Вам так мало, потому что от этих чертей ничего не добьешься. <...> Не знаю, могло ли бы помочь Ваше присутствие. Пожалуй, Вы там больше можете узнать, чем здесь. Вот если они найдут наше родство недостаточным, тогда Вам, конечно, необходимо будет приехать, но пока это особенного смысла не имеет. Что же касается заботы о Верусе, то будьте покойны – все, что только возможно, сделаю...» (Там же. Ф. 102. Оп. 231. ОО. 1903. Д. 271. Л. 9). В другом письме Вари говорилось: «Верочку видела. Ее ужасно утомляет жара,

Действительно, через две недели жена была освобождена без других последствий, кроме отобрания подписки о невыезде.

В сентябре того же года я еще раз съездил в Киев, – на этот раз потому, что у моей жены нужно было произвести, хотя и не серьезную, глазную операцию. У нее по-прежнему гостила В. Ваховская, дело ее было в неопределенном положении, и в это же время у нас остановился наш хороший знакомый, небезызвестный писатель по вопросам естествознания Лункевич (автор ряда популярных брошюр, изданных Павленковым⁴²). Он ехал с Кавказа через Одессу и Киев в Москву и в Киеве собирался пробыть дня два. Его рассказы о ходе событий и нарастании революции на Кавказе были в высшей степени интересны, и я предложил ему устроить прочтение доклада в Литературно-артистическом обществе, как за полгода перед тем я сам читал там же доклад о революционных событиях в Петербурге 9 января.

Лункевич охотно согласился, и с тою же быстротой, с какой была организована демонстрация в Павловске, быстротой, возможной лишь в такое революционное время, я в один день организовал чтение доклада и оповестил публику⁴³.

Вместительная зала Литературно-артистического общества была набита битком. Я открыл собрание и предоставил слово Лункевичу. Он начал свой рассказ. Зала слушала с большим интересом и вниманием. Вдруг меня отозвали.

– Полиция внизу, ее задерживают; сейчас она явится. Наряд громадный!

Я выбежал навстречу полиции и застал ее на лестнице.

– В чем дело?

– Здесь нелегальное собрание. Я требую, чтобы оно разошлось спокойно.

– Хорошо, это будет исполнено, но я прошу вас не входить в зал, потому что ваше присутствие может вызвать скандал, и я не отвечаю за сохранение порядка. Без вас мне удастся убедить публику разойтись. Дайте мне пятнадцать минут срока.

Пристав согласился.

Я вернулся в зал. Пока я не без труда продирался через публику, переполнявшую помещение и уже знавшую о полиции, я слышал, как один молодой человек спрашивал:

– А где же Водовозов?

– Водовозова, конечно, давно след простыл, – ответил другой.

В эту минуту он заметил меня и сконфузился.

Ввиду явной взволнованности публики Лункевич не мог продолжать своего доклада и оборвал его. Я занял свое председательское место, позвонил и сообщил публике о требовании полиции. Раздались крики:

– Не расходиться! К черту полицию!

Я начал убеждать публику подчиниться требованию полиции. Ведь доклад все равно сорван, – закончен он не будет, а протест нерасхождением не имеет решительно никакого смысла: мы будем переписаны, может быть, переарестованы, может быть, будут другие нежелательные последствия (я имел в виду закрытие Литературно-артистического общества), но пользы от этого никому не будет.

чувствует себя скверно. В камере у них страшная духота, т. к. весь день (с 2 до захода) там солнце, а вечером и ночью окна нельзя открыть, потому что во дворе страшная вонь. С ледником ничего не выходит, потому что лед надо покупать каждый день. Завтра попробую отвезти ей мороженое в мороженице со льдом. Надеюсь, что примут. У нее болят глаза, разрешили пригласить специалиста...» (Там же. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2077. Л. 7).

⁴² Имеются в виду 40 брошюр В. В. Лункевича, вышедших в 1899–1905 гг. в Петербурге в серии «Научно-популярная библиотека для народа» Ф. Павленкова («Земля», «Небо и звезды», «Жизнь в капле воды», «Как идет жизнь в человеческом теле», «Обезьяны», «Степь и пустыня», «Чудеса науки и техники: Пар и электричество», «Чудеса общежития. Жизнь первобытного человека и современных дикарей» и др.).

⁴³ Далее мемуарист совмещает два свои выступления, состоявшиеся в 1905 г. в киевском Литературно-артистическом обществе: 1 марта, когда В. В. Лункевич рассказывал об «армяно-татарской резне» в Баку на основании собранных им свидетельских показаний, и 14 сентября, когда Водовозов сделал доклад об избирательном законе.

– Водовозов трусит!

– Я, господа, не трушу. Сейчас уходить можно свободно, но я не уйду, а дожидаясь конца и подчинюсь решению собрания. Если оно решит большинством голосов не расходиться, я не уйду, но повторяю: оставаться не имеет решительно никакого смысла. Я ставлю вопрос на голоса: расходиться или оставаться. Кто за расходиться – поднимите руку.

– Требую слова, мне слова!

Пришлось двум лицам дать слово. Они заговорили взволнованно, бестолково, доказывая, что расходиться по требованию полиции позорно, что мы в своем праве, что полиция вторгается в мирное собрание незаконно, что мы постоянно беспрекословно подчиняемся и этим вызываем рост наглости полиции и т. д. Дав наговориться одному оратору и оборвав второго, я указал, что пятнадцатиминутный срок, данный мне полицией, истекает, и решительно поставил вопрос на голосование. Явное несомненное большинство высказалось за расхождение. Большинство стало бы еще гораздо больше, если бы голосование было проведено вначале, но люди более мирные, узнав, что выход свободен, тотчас же массой потекли к выходу. Голосование было произведено в сильно поредевшем зале; вероятно, налицо оставалось не больше четверти всей первоначальной публики. В числе ушедших был и Лункевич, но только по моему решительному требованию.

– Я решительно требую, чтобы вы уходили и не искали другого ночлега, а шли ко мне. Возьмите Ваховскую и уходите, – шепнул я ему.

Он пытался возражать, но подчинился.

Итак, голосование дало разумное решение, но в ту минуту, когда оно определилось, в залу вошла полиция с саблями наголо.

Публика повскакала с мест, раздались крики:

– Долой полицию, к черту полицию!

– Я объявляю собрание задержанным. Все присутствующие будут переписаны, – провозгласил частный пристав.

– Вы мне обещали пятнадцать минут срока. Когда вы вошли в залу, истекло только тринадцать. Собрание постановило разойтись, и я требую, что вы его выпустили спокойно, согласно с вашим обещанием, – сказал я.

– Сейчас приступаем к переписыванию. Кто имеет документы, будет выпущен немедленно. Кто их не имеет, будет задержан до установления личности, – заявил пристав, оставляя без ответа мои слова.

– Я повторяю, – начал вновь я, – что вы согласились на срок в пятнадцать минут...

Но пристав не обращал на меня внимания.

– В соседней комнате происходит запись. Подходите по очереди.

Публика разошлась по соседним комнатам. В одной из них какая-то барышня запустила в городского подушкой с дивана; тот бросился на нее со шпагой в руке, – правда, в ножнах; барышня с диким визгом бросилась убегать, городской за ней, но, видимо, без желания ее нагнать, через несколько шагов он остановился.

Началась запись. Я подошел первым и заявил, что паспорта с собой не захватил.

– Вас я очень хорошо знаю, – сказал пристав с ироническим подчеркиванием слова «очень». – По окончании переписи будут открыты выходные двери, и вы можете уйти.

Я отошел от стола, и сейчас же на меня надели разные знакомые, мужчины и женщины.

– Я не захватил паспорта, поручитесь за меня перед приставом.

Я сделал это, и пристав принял мое показание. Обеспеченным документами и рекомендованным мною предоставлялась свобода в пределах помещения Литературно-артистического общества, а не имеющих документы отводили в заднюю комнату, в которой их изолировали под охраной городских. Тут начали ко мне обращаться с просьбами об удостоверении их личности люди мне незнакомые и между ними – особенно настойчиво один:

– Я нелегальный; если меня задержат, для меня – гибель.

– Зачем же вы, если вы нелегальный, идете на такое собрание и зачем вы остаетесь на нем, когда выход свободен, а оставаться явно опасно?

– Я нелегальный, спасите меня, – повторял он с крайне растерянным видом. – Назовите меня так-то (не помню как).

«Что, если это провокатор?» – думал я. Но растерянность его, явный страх были искренними, и с чувством брезгливости я хотел исполнить его желание, но в это время ко мне обратился пристав, очевидно понявший характер разговора:

– Господин Водовозов, я больше ваших удостоверений принимать не стану. Довольно!

Я спустился вниз, в раздевальную. Вся она была полна народом, видимо желавшим уходить. Но выходные стеклянные двери были заперты на замок, а за стеклом стояли городовые. Публика показывала им кулаки и кричала всякие ругательства. Наконец, раздался звон разбитого стекла, и через него просунулось несколько рук с револьверами, направленными на нас. Публика завизжала в ужасе и повалилась на пол, очевидно считая, что в лежащем положении она является меньшей мишенью. Стояли только 3–4 человека, между ними Саша Гиберман, о котором я упоминал выше.

Часа через два перепись была закончена и мы, человек 150, были отпущены; человек 80 задержаны до утра и освобождены утром. Арестован никто не был, и что сделалось с тем нелегальным, о котором я говорил, – не знаю⁴⁴.

Ночью я возвращался домой в очень тяжелом настроении. Это настроение было вызвано не ожиданием возможных неприятностей, – о них в это время как-то не думалось, они слишком входили в норму жизни и вместе с тем слишком верилось в близость конца, – а чувством подавленности от отвратительного поведения публики. Что полиция приходит на мирное собрание и без причины его разгоняет, – это, конечно, было слишком привычно, чтобы вызывать возмущение. Что она при этом непоследовательна – полгода назад она спокойно терпит совершенно такое же собрание с моим докладом и тем как бы признает их правомерность, а теперь приходит на другое, ничуть не более революционное, – это, конечно, тоже не могло [не] вызвать возмущения. Но идиотская форма протеста, выбранная публикой, а после нее позорная трусость и глупое кидание подушками в знак своего негодования, – все это действовало удручающе.

---

⁴⁴ Иначе описывал инцидент начальник Киевского губернского жандармского управления, который докладывал, что в помещении Литературно-артистического общества к восьми часам вечера 1 марта собралось неразрешенное «собрание интеллигентной молодежи, до 300–400 человек», главными устроителями которого явились «известные своей политической неблагонадежностью» В. В. Водовозов и Зиновия Адольфовна Зелинская. Перед собравшимися выступил член-корреспондент Комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавших в Баку во время беспорядков 6–9 февраля, образованного под председательством Тифлисского епархиального начальника, В. В. Лункевич, утверждавший, что «нападение на бакинских армян со стороны магометан устроено местной полицией». После того как его выступление было прервано жандармами, место докладчика занял кандидат в члены правления Литературно-артистического общества Водовозов, который призвал собравшихся прежде, чем разойтись, ибо «мы слабы, чтобы сопротивляться полиции», хотя действия ее незаконны, принять резолюцию. Он, по удостоверению присутствовавших при этом чинов полиции, сказал приблизительно следующее: «Господа! Нам сегодня сообщено очевидцем о бакинской резне – бойне. Считаю не лишним здесь упомянуть и о бывших таких же бойнях в Кишиневе, Гомеле, Петербурге и других местах России. Все это происходит от того, что настоящий наш самодержавный государственный строй подгнил и его необходимо заменить конституционным образом правления, для чего мы все должны сплотиться и продолжать борьбу, требовать такого [образа] правления». В ответ из публики раздался крик: «Нам нужна не конституция, а республика. Долой самодержавие!», после чего, как писала газета «Киевлянин», «поднялся истерический гвалт, в котором ничего нельзя было разобрать; молоденькие девицы выхватывали из юбок прокламации и разбрасывали их», а затем «с возмутительными песнями» толпа вышла в переднюю и разошлась, оставив «в зале и на лестнице прокламации, брошюры и рукописи преступного характера». Начальник жандармского управления сетовал, что три его представления к генерал-губернатору Н. В. Клейгельсу о закрытии Литературно-артистического общества, которое «не впервые уже является ареной действий отрицательных в политическом отношении элементов», оставлены без последствий. Но 3 марта власти запретили назначенную на субботу лекцию Водовозова на тему «Место литературы в жизни», а 4 марта против него ввиду признаков преступления, предусмотренного статьями 128 и 129 Уголовного уложения, было возбуждено формальное дознание (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 202. 7 д-во. 1905. Д. 1116. Л. 3; Ф. 124. Оп. 3. Д. 1434. Л. 1. См. также: К характеристике наших дней // Киевлянин. 1905. № 71. 3 марта).

Дома я застал всех в сборе – моя жена с забинтованным глазом, Лункевич, Ваховская. Все, волнуясь, ждали моего возвращения. Несмотря на поздний час, я уселся за чайный стол. Едва я начал рассказ о событиях, происшедших после ухода Лункевича, как раздался сильный звонок.

– Здесь живет господин Лункевич?

– Это я.

– Покажите вашу комнату и ваши вещи.

Был произведен обыск только в его вещах, ничего не взято (бумаги он заблаговременно отдал моей жене), и затем он был уведен.

Читателю может показаться странным, что я настойчиво направил его в свою квартиру. Но это совершенно естественно. Ни я, ни Лункевич ни одной минуты не сомневались, что он будет арестован. Если бы он хотел перейти на нелегальное положение, то имело бы смысл переночевать где-нибудь в другом месте и утром уехать из Киева. Но такого намерения он не имел, и ночевка в другом месте имела бы смысл только в сомнительной надежде избавить от обыска квартиру моей жены, которого можно было ожидать, но ценой риска подвести под такую неприятность кого-нибудь другого. К тому же сколько-нибудь близких знакомых у Лункевича в Киеве не было. Вопрос с ночевкой в другом месте обсуждался, конечно, и в ожидании моего прихода домой, когда у Лункевича было достаточно времени, чтобы спокойно уйти, но был решен отрицательно⁴⁵.

На следующий день я уехал в Петербург. Дня через три после прибытия я прочитал в газете «Русь» телеграмму, излагавшую все происшедшее и заканчивавшуюся сообщением: «Водовозов и Лункевич приговорены в административном порядке к аресту на 3 месяца. Остальные – свыше 200 человек – к аресту на неделю».

Моя мать, прочитав телеграмму, сразу сказала:

– Уезжай за границу⁴⁶.

⁴⁵ Видимо, мемуариста подвела память, ибо сохранился черновик его письма в редакцию одной из газет по поводу ее корреспонденции из Киева о реферате В. В. Лункевича о бакинских событиях, в котором В. В. Водовозов сообщал: «Лункевич от меня в ночь, последовавшую за рефератом, принужден был переехать на другую квартиру, но через шесть дней он с этой квартиры вернулся ко мне обратно, потом уехал в Петербург, где желал прочитать тот же самый реферат, но где ему это не удалось, и уехал в настоящее время в Москву» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2891. Л. 2). Позднее Водовозов пояснял, что, задержанный с женой на Николаевском вокзале 20–23 декабря 1905 г., Лункевич, просидев два с половиной месяца в Мясницкой части, был выпущен в марте 1906 г. «с условием сейчас же покинуть Россию, в чем взяли подписку» (Там же. Д. 2681. Л. 1).

⁴⁶ В. В. Водовозов ошибочно связывает свое решение эмигрировать с выступлениями его и В. В. Лункевича в Киеве 1 марта 1905 г. Он покинул Россию только через шесть месяцев, 1 октября 1905 г., что было вызвано его речью, произнесенной 14 сентября в Киеве, о которой три дня спустя начальник Киевского губернского жандармского управления докладывал в Петербург: «14 сего сентября вечером в помещении Киевского Литературно-артистического общества состоялось, без ведома и разрешения чинов местной полиции, собрание. Прибывший на место собрания пристав Дворцового полицейского г. Киева участка застал около 300 человек, преимущественно учащейся в высших и средних учебных заведениях молодежи, а также евреев обоего пола, рабочих и мастеровых. На расспросы о цели собрания эконома клуба Федорчук сообщил, что ему неизвестно, какой характер имеет собрание, что председателя и членов правления общества за выбытием прежнего состава еще не имеется, что реферат читает член общества В. Водовозов по собственному почину, что распорядительницей является состоящая членом правления Софья Николаевна Зелинская и что публика вошла в помещение собрания без установленной уставом рекомендации кого-либо из членов общества. <...> Чтение Водовозова заключалось в критическом разборе положения об учреждении Государственной думы, причем лектор в резких выражениях говорил об учреждении Думы как об уступке правительства народу, но законодатель обставил положение так, что в Думу не попадут ни представители выдающихся умов социал-либералов, ни тем более представители крестьян-земледельцев и рабочих. Поричая при этом существующий государственный строй, Водовозов заметно возбуждал публику, которая рукоплесканиями выражала ему свое одобрение. Прибывший в собрание киевский полицеймейстер [В. И. Цихоцкий] объявил, что собрание незаконное, и потребовал немедленного прекращения чтения и удаления публики из зала. Но в это время Водовозов, очевидно с целью, вышел в другую комнату и, возвратившись по выходе полицеймейстера, заявил слушателям, что требование полицеймейстера он лично не слышал, а потому не станет ему подчиняться и будет продолжать чтение. Полицеймейстер, вновь войдя в собрание, обратился уже лично к Водовозову с категорическим требованием о немедленном прекращении чтения. К этому времени собралось уже около 600 человек, которые на требование полицеймейстера ответили криком: “Долой полицию” и настаивали на продолжении чтения, причем некоторые из них пыгались своими речами еще более возбудить толпу. Лектор Водовозов громогласно заявил, что требование полицеймейстера незаконно, так как собрание может быть закрыто только начальником края, и требовал доста-

В редакции «Нашей жизни» все – в один голос:
– Уезжайте за границу.

Теперь трудно понять ту психологию, которая из страха трехмесячного ареста толкала в эмиграцию. Кто из нас, нынешних эмигрантов, вспоминая давнее прошлое, не предпочел бы трех лет тюрьмы эмиграции, без просвета впереди? Года два-три спустя К. И. Диксон, бывший одно время ответственным редактором «Нашей жизни», спасаясь от грозившего ему приговора по литературному делу к году тюрьмы, уехал за границу, но, пробыв там некоторое время, предпочел вернуться и отбыть приговор. Но в том-то и дело, что тогда просвет впереди был; приближение переворота явственно чувствовалось в воздухе.

Лично я в смысле сроков был настроен более пессимистично, на близкую амнистию не рассчитывал и потому колебался, но поддался общему настроению. Последний толчок был дан социал-демократами. Ко мне в редакцию пришли два немного знакомых социал-демократ и заявили:

– Вы, конечно, хотите уезжать. У нас есть паспорт, который мы предоставляем вам.

Эта любезность меня сильно тронула, тем более что с социал-демократами в это время у меня были довольно натянутые отношения и в различных социал-демократических изданиях меня часто продергивали, обвиняя в том, что я «готов изменить» пролетариату в пользу земцев и вообще буржуазии (это было сказано по поводу моего выступления в защиту известного земца В. М. Хижнякова на одном собрании, где он подвергся ожесточенным нападкам за то, что сказал: «всеобщее избирательное право», не прибавив остальных членов четыреххвостой формулы⁴⁷), и в тому подобных грехах⁴⁸. Вместе с тем меня поразила уверенность, что я не

вить ему письменное распоряжение о закрытии. Затем он поставил на решение толпы следующие два вопроса: следует ли подчиниться незаконному распоряжению полицеймейстера и прекратить чтение с тем, чтобы публика в самой резкой форме выразила свое порицание действиям правительства, или не подчиняться, а, жертвуя жизнью, сию минуту вступить с полицией в кровавую борьбу, памятуя, что понесенные жертвы послужат на пользу святому делу низвержения существующего порядка. Мнение публики по этим вопросам расходилось: одни готовы были вступить в борьбу с чинами полиции, а другие настаивали на выражении протеста. Между тем часть публики удалась, а оставшиеся в помещении собрания кричали: «Долой самодержавие, долой правительство», при этом особенно выделялись Василий Водовозов, Софья Николаевна Зелинская, Михаил Липницкий, Иван Кириенко <...>. По приказанию полицеймейстера оставшиеся в собрании 255 человек переписаны и, по установлении их личности, освобождены. Толпа оказала противодействие чинам полиции, бросала стульями в городских, наносила им удары палками и руками, била окна и двери. Такое поведение толпы вынудило городских обнажить шашки, которые, однако, в действие употреблены не были» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 230. ОО. 1902. Д. 600. Л. 33–34; см. также: Незаконное собрание // Киевлянин. 1905. № 255. 15 сент.). 16 сентября по распоряжению киевского, волынского и подольского генерал-губернатора Литературно-артистическое общество было закрыто, причем, как указывала столичная пресса, поводом для этого «послужил инцидент, произошедший 14 сентября во время чтения реферата Водовозова о Государственной думе» (Русь. Веч. выпуск. 1905. № 54. 19 сент.).

⁴⁷ Так называемая «четырёххвостка» подразумевала всеобщее, равное, прямое и тайное голосование.

⁴⁸ Мемуарист имеет в виду следующее: воспользовавшись «литературной средой» в Литературно-артистическом обществе (ожидалась лекция помощника присяжного поверенного М. М. Могилянского «О поэзии Огарева», собравшая около полутора ста слушателей), устроители ее пригласили гласного черниговского земства В. М. Хижнякова, оказавшегося в Киеве проездом из Петербурга, чтобы он поделился своими впечатлениями о земском съезде, в котором участвовал. Но доклад его, как сообщал корреспондент меньшевистской «Искры», не только сопровождался горячими аплодисментами, но и вызвал бурную полемику: «Среди публики внезапно вскакивает молодой человек, в статском, на стул и сильно взволнованным голосом заявляет: “Я протестую против рукоплесканий. Земство не заслужило того, чтобы им восхищались. Оно не выполнило очень многого. Вы не должны были расходиться, но ожидать, пока не последует удовлетворение ваших требований! Вы должны были поступить так, как поступили французы в 1789 г. Но этого мало. Вы забыли и ни словом не упомянули о тех, кто является истинным виновником настоящей “весны”, вы забыли о рабочем классе и сотнях страдальцев... И о главном вы умолчали. Вопрос о всеобщем, равном, прямом и тайном голосовании. Земцы далеко не сделали того, что они могли сделать. Вы занимались больше болтовней, чем делом!” (Человек 20, окружавшие оратора, аплодируют, все – социал-демократы, студенты и девицы). <...> Водовозов (горячо): “Я безусловно протестую против речи недовольного оратора. Пункт седьмой говорит о равенстве личных, общественных и политических прав. Если бы вы были более знакомы с государственной наукой, вы увидели бы, что формула эта разумеет всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право! А затем я безусловно протестую против выраженного отношения к земским деятелям. Настоящий момент призывает к единению, а не к борьбе фракций и партий. А вы на это именно и тратите свои силы. К чему вы стремитесь? К изменению политического порядка. Так сосредоточьте свое внимание на этом, а не на подведении старых счетов с союзниками. Подобное отвлечение сил в настоящий момент – огромная тактическая ошибка, больше – это политическое преступление!” (Часть публики аплодирует, в кружке недовольных слышны возгласы протеста). *От редакции:* Наш товарищ, конечно, напрасно упрекнул земцев в “болтовне”: не мешало бы, напротив,

могу не уехать в ожидании трех месяцев ареста. Я решился, но, поблагодарив социал-демократов, от их предложения отказался. Слишком тверда у меня была в памяти моя поездка с чужим паспортом в Австрию в 1901 г. и слишком малоспособным я чувствовал себя к роли самозванца.

Я решил рискнуть получить паспорт: ведь телеграмма «Руси» была даже не агентская, а от собственного корреспондента; было весьма вероятно, что официальное оповещение о моем аресте сделано еще не было, по крайней мере по телеграфу. И это оказалось верным. Участок без малейшего затруднения выдал мне удостоверение о неимении препятствий к выдаче паспорта, а градоначальство спокойно выдало таковой.

Итак, паспорт был у меня в кармане. Уехать сразу, однако, я не мог, так как нужно было ликвидировать разные дела, в частности организовать замещение меня в «Нашей жизни», и я целую неделю провел в Петербурге, бывая ежедневно в редакции, но из предосторожности ночевал у разных знакомых: то у Ашешова (сотрудника «Нашей жизни»), то у Котельникова (заведующего ее хозяйственной частью).

Тоже из предосторожности я уехал не обычным путем, а через Финляндию. Уехал я ровно 1 октября 1905 г. С. Н. Прокопович и Е. Д. Кускова дали мне письмо к одной финляндской политической деятельнице шведоманской партии⁴⁹ в Выборге, настаивая на том, чтобы ввиду моего промедления с отъездом я предварительно навел у нее справки о полицейском состоянии границы. Эта дама показала мне местную финскую газету, в которой была перепечатана заметка «Руси» и полностью пропечатана моя фамилия, равно как и фамилия Лункевича, и когда я ей сообщил, что Лункевич уже арестован, то обещала достать мне рекомендацию к капитану судна, который переправил бы меня нелегально. Но нужно было бы ждать отхода его судна недели две; мне этого не хотелось, я махнул рукой и поехал на первом пароходе, отходившем из Ганге⁵⁰ в Стокгольм, — поехал вполне легально. Паспортов на границе Финляндии раньше вовсе не спрашивали; при Бобрикове их досмотр был сделан обязательным, но производился поверхностно. Во всяком случае, несомненно, что в Ганге о моем возможном отъезде не было сообщено, и я проехал совершенно благополучно. Помню, что при поездке через Финляндию меня поразила резкая разница ее климата со столь близким Петербургом: за Выборгом везде лежал снег, а в Петербурге и до Выборга я не видел его ни до моего отъезда, ни даже после возвращения.

Итак, я был вновь за границей, где бывал так часто, но теперь в первый раз я был там политическим эмигрантом. Сколько времени продлится моя эмиграция? Посылавшие меня за границу друзья говорили о двух-трех месяцах и аргументировали: лучше три месяца свободы

если бы они побольше потолковали на съезде о действительных нуждах России. Но он безусловно прав в своих возражениях *по существу*. И именно потому, что он был прав, самого сурового осуждения заслуживает постыдное выступление “демократа” г-на Водовозова. Нападать с тылу на социалистов, когда они, критикуя половинчатость и умеренность земцев, стремятся толкнуть их на путь действительно *демократической* политики, — значит предавать дело демократии, а пользоваться при этом стереотипно пошлыми фразами о всеобщем “единении” — значит для господина, пережившего, как В. В. Водовозов, все перипетии различных “фракционных” раздоров последнего десятилетия, сознательно спекулировать на политической наивности своих слушателей. Мы тоже за “единение”, г-н Водовозов, и первые будем аплодировать г. Хижнякову, когда он формулирует потребности нынешнего дня в терминах нашей программы, то есть в соответствии с интересами тех миллионов крестьян и рабочих, из которых состоит подавляющее большинство населения. Пламенеющий чувством к “умеренным отцам”, г-н Водовозов оказывается “более земцем, чем сами земцы”. Г. Хижняков в ответ на упрек об игнорировании всеобщего избирательного права говорит, что ничто в требованиях 11 пунктов не противоречит этому праву. А г-н Водовозов дерзает заявить, что из § 7 *можно вывести* всеобщее и даже тайное и прямое избирательное право! Самоуверенные ссылки на учебники обманут только самых наивных простаков, а неловкость примененных г-ном Водовозовым софизмов только заставит сознательных рабочих и честных революционеров смотреть в оба за этим, с позволения сказать, демократом, так рано проявляющим свою готовность совершить измену» (Из нашей общественной жизни. Киев // Искра. 1904. № 79. 1 дек.).

⁴⁹ Шведоманы, или шведская партия, представлявшие национальное меньшинство в сейме Великого княжества Финляндского (шведский считали родным языком более 10% его населения), требуя расширения автономии, находились в легальной оппозиции к российскому правительству.

⁵⁰ Гангё (швед. Hangö), Ханко (фин. Hanko, Hankoniemi) — город и порт в Финляндии на северном побережье Финского залива Балтийского моря.

за границей, чем три месяца тюрьмы в Петербурге. Сам я оценивал ее в 6 и более месяцев. Заграничное пребывание меня в это время не привлекало: у меня была работа вполне мне по душе, ход событий в России представлял большой интерес для наблюдателя. Не делаю ли я большую глупость? Следовало ли уступить настояниям?

Но – жребий был брошен, не возвращаться же назад!

В Стокгольме я провел дня два. Там я был знаком с лидером социал-демократов Брантингом, а выборгская дама дала мне рекомендательное письмо к Неовиусу, известному финляндскому политическому деятелю шведской партии, в это время находившемуся в эмиграции. Брантинга я посетил в редакции шведской социал-демократической газеты. Там меня проинтервьюировал о положении вещей в России один сотрудник газеты, на другой день поместивший длиннейший отчет о нашей беседе под заглавием: «Разговор с деятелем освободительного движения в России». Неовиуса я посетил два раза и вел беседы о Финляндии.

Из Стокгольма я проехал в Христианию, где раньше никогда не бывал. Там у меня было письмо от Неовиуса к Брёггену⁵¹, профессору минералогии и геологии в университете, считающемуся выдающимся ученым в своей области. В политической борьбе он личного участия не принимал, но интересовался ею, был решительным сторонником разрыва унии со Швецией⁵² и вообще был для меня интересным собеседником по политическим вопросам. Он доставил мне доступ в норвежский парламент, и мне удалось присутствовать на одном из самых интересных заседаний по жгучему вопросу, связанному с отношениями со Швецией. Не зная датского языка⁵³, я, к сожалению, не понимал ни одного слова из речей ораторов, но общий характер заседания был для меня очень интересен. Я бывал в очень многих парламентах Европы, бывал на заседаниях и по боевым вопросам, и по вопросам второстепенным, и всегда и везде видел страстное возбуждение, горячую борьбу, возбужденную жестикуляцию, слышал постоянные выкрики с мест и видел председателя всегда с трудом вводящим прения в русло и доводящим их до голосования. Так бывало в германском и местных германских парламентах (прусском и даже вюртембергском), австрийском, болгарском, французском, бельгийском, где я бывал раньше, и русском и турецком, где я бывал после 1905 г. Притом везде лишь небольшая часть депутатов обыкновенно сидит на своих местах, остальные выходят и входят, передвигаются по зале и, видимо, не слушают. Здесь, в Христиании, напротив, заседание парламента можно было бы принять за заседание научного общества: все чинно сидят на своих местах и все внимательно и напряженно слушают всех ораторов, правых и левых одинаково. Криков и замечаний с мест не слышно. Роль председателя, очевидно, не представляет больших трудностей. Он не имеет даже нужды в колокольчике, вместо которого пользуется небольшой прямоугольной деревянной колотушкой, производящей глухой звук, которым нельзя было бы заглушить страстных криков возбужденной толпы.

В беседе со мной Брёгген упомянул, что по предмету его специальности в России имеется ein tüchtiger Kopf⁵⁴ – Вернадский. Я сообщил ему, что это мой университетский товарищ и близкий друг.

Побывал я – без рекомендаций – также у пастора и члена стортинга⁵⁵ Эриксона⁵⁶, тогдашнего лидера социал-демократической партии Норвегии⁵⁷. В Германии пасторов Гере и Наумана

⁵¹ Правильно: Брёггер (Brögger).

⁵² Имеется в виду Шведско-норвежская уния 1814 г., в результате которой обоими королевствами правил шведский король; расторгнута 26 октября 1905 г., после чего Норвегия обрела независимость и своего короля.

⁵³ Из-за доминирования Дании в Датско-норвежской унии 1536–1814 гг. литературным языком Норвегии до начала XX в. оставался датский.

⁵⁴ дельный человек (нем.).

⁵⁵ Стортинг (Stortinget, букв. большое собрание) – однопалатный парламент Норвегии, созданный в соответствии с конституцией 1814 г.

⁵⁶ Правильно: Эриксен (Eriksen).

лишили их духовного звания за их политическую деятельность еще до вступления первого в социал-демократическую партию (а второй всегда относился к ней отрицательно), а в Норвегии священническая ряса нисколько не мешала быть вождем социал-демократической партии. Правда, там партия уже тогда была более ручной, чем в Германии.

Из Христиании я уехал в Берлин, а оттуда в Цюрих. Обосноваться я решил в Берлине как столице наиболее интересовавшего меня государства и городе, особенно удобном для моей работы, но теперь в Швейцарии ожидалась политическая выборы; я хотел их посмотреть, в особенности интересуясь их техникой, а заодно собрать сведения о положении вопроса о пропорциональной системе.

В Цюрихе я побывал у Аксельрода, но у него была опасно больна жена; он был в больших хлопотах и волнении, и я ушел. Бывал у доктора Эрисмана, у некоторых швейцарских политических деятелей. Видел и выборы. К сожалению, я прибыл всего дня за три до них и, следовательно, мог видеть только самую процедуру голосования, но не избирательную борьбу.

Едва я приехал в Цюрих, как правление тамошнего русского студенческого кружка выразило желание, чтобы я прочитал доклад о положении в России. Назначен он был, не помню точно, на 17 или 18 октября (по ст. ст.), вероятнее – на последнее. Начал я его, еще ничего не зная о событиях этого памятного дня, но уже через четверть часа мне подали экстренный выпуск газеты с телеграммой о манифесте. Я прочел его вслух. Он вызвал взрыв восторга. Кричали: конституция в России! Когда волнение улеглось, я продолжал мой доклад или, лучше сказать, начал совсем новый доклад. Я сказал приблизительно следующее:

– Я должен признать, что эта телеграмма делает невозможным продолжение моего доклада в прежнем тоне. Уезжая из России, спасаясь от грозившего мне трехмесячного ареста, я был уверен, что проведу в эмиграции не менее полугода. Теперь я уезжаю обратно завтра. Следовательно, мое понимание положения вещей было неверно или, скорее, не вполне верно. События шли ходом значительно более быстрым, чем я этого ожидал. Но вместе с тем я в этой телеграмме не могу вычитать провозглашения правового конституционного строя в России, а вижу только неопределенные обещания чего-то, обещания, которые мало к чему обязывают и которые очень легко взять обратно. Здесь не видно даже, чтобы была дана амнистия.

Затем я подверг детальной критике телеграмму. К сожалению, она была составлена очень неясно, видимо, наспех; критика ее как телеграммы была легка, но выяснить на ее основе, что произошло в действительности, было трудно. Тем не менее я расхолодил публику, и она была мною недовольна.

Хотя, как я уже сказал, об амнистии пока не было ни слова (амнистия была объявлена особо актом 21 октября⁵⁸), но сидеть где-то в Швейцарии или хотя бы в Берлине было для меня психологически невозможно. На другой день, не успев ничего написать для газеты, я уже ехал в Берлин. Дальше ехать было трудно: в России шла всеобщая, в том числе железнодорожная, забастовка⁵⁹ и поезда не ходили. Приехать в Эйдкунен⁶⁰ и там сидеть и ждать погоды неопределенное время – эта мысль мне не улыбалась. Проехать через Финляндию было тоже невозможно, так как забастовка распространилась и на нее. Прямых регулярных пароходных рейсов в Петербург в то время не было ни из Штеттина, ни из Стокгольма. Надо было выжидать в Берлине.

---

⁵⁷ Имеется в виду Рабочая партия (*норв.* Arbeiderpartiet), основанная в 1887 г.

⁵⁸ Имеется в виду указ «Об облегчении участи лиц, впавших до воследования Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г. в преступные деяния государственные» от 21 октября 1905 г.

⁵⁹ Всероссийская политическая стачка 1905 г., начавшаяся 19 сентября в Москве с забастовки типографий, которых поддерживали другие предприятия, а 7 октября – железнодорожники, парализовала движение по всей стране и, охватив порядка 2 млн человек, заставила Николая II подписать 17 октября Манифест об усовершенствовании государственной власти.

⁶⁰ Эйдкунен (Eydtkuhnen) – приграничная железнодорожная станция, с 1946 г. поселок Чернышевское в Калининградской области.

Вечером, в первый или второй день моего берлинского пребывания, я зашел к Иоллосу, известному корреспонденту «Русских ведомостей», впоследствии члену 1-й Думы, убитому черносотенцами. У Иоллоса я встретил П. Б. Струве.

Струве, который уже с год перед тем перенес свое «Освобождение» из Штутгарта, где я у него был в 1903 г., в Париж, прочитав телеграмму о манифесте 17 октября, так же как и я, моментально сорвался с места (что для него, как человека оседлого в Париже, жившего там семьей и имевшего на руках большое дело, было гораздо труднее, чем для меня, приехавшего налегке с одним небольшим чемоданом) и помчался в Берлин.

– Того, что вас арестуют на границе, вы не боитесь? – спросил я. – Амнистии ведь нет.

– Кто хочет быть живым русским деятелем, тот должен находиться сейчас в России. Не быть там – значит вычеркнуть себя из числа живых, – ответил он.

Он дал мне только что купленный им вечерний номер газеты, в котором показал объявление такого приблизительно рода: «Ввиду железнодорожной забастовки в России мы, такое-то пароходное общество, снаряжаем 4 ноября пароход из Штеттина в Петербург. Пароход устроен со всем возможным комфортом лучших современных пароходов». Был указан адрес, где продаются билеты.

Мы сговорились с ним ехать вместе.

В эту встречу Иоллос рассказал нам очень интересную историю о Рейснере.

Рейснер был, как известно, профессором, кажется, Томского политехникума, причем считался одним из крайних правых профессоров. В начале нового столетия с ним произошел перелом, он сильно подвинулся влево, уехал за границу и там выступил решительным противником нашего правительства. Как я слышал впоследствии, уже в эмиграции, в Праге, от покойного профессора Зубашева (†1928), это был не первый вольт Рейснера: начал он профессором в Харькове, в рядах либерально-радикальной профессуры, и был уволен. После этого быстро переметнулся направо и получил место в Томский политехникум. Теперь, после нового поворота, он писал корреспонденции из Германии в «Русское богатство» под псевдонимом Реус⁶¹. Сблизился с немецкими социал-демократами. В 1903 г., как раз тогда, когда я жил в Штутгарте, он предлагал свои услуги «Освобождению», но Струве их отверг, говоря, что Рейснеру не доверяет. Я его спрашивал об основаниях этого недоверия, но Струве с тем мрачным и решительным видом, сразу пресекающим дальнейший разговор, к которому довольно часто прибегал, повторял кратко:

– Я ему не доверяю.

Теперь Иоллос рассказал нам следующее.

Не так давно в «Vorwärts» появилась статья Бебеля, в которой Бебель, проводя аналогию между немецкими и русскими либералами, идущими, по его мнению, по той же дороге защиты интересов буржуазии, привел в подтверждение своих соображений выписку из статьи Иоллоса. Выписка была длинная, поставлена в кавычках, как подлинный текст цитируемого автора, и могла быть по своему содержанию для читателя «Vorwärts» очень убедительной. Но в ней был один недостаток: она была грубым искажением подлинника, притом искажением, по-видимому, злостным. Иоллос написал об этом Бебелю и просил сообщить ему имя его информатора, обещая обличить его во лжи. В ответ на это Бебель пригласил к себе Иоллоса и нескольких русских, которых он хорошо знал и которым доверял. Иоллос принес подлинники своих

---

⁶¹ Неточность: М. А. Рейснер преподавал в 1893–1896 гг. в Ново-Александровском институте сельского хозяйства и лесоводства (расположенном в предместье Варшавы и только в 1914 г. эвакуированном в Харьков), причем, согласно автобиографии, стоял тогда на точке зрения «славянофильства». С 1899 г. состоял экстраординарным профессором по кафедре государственного права, которой заведовал, в Томском университете, но после студенческих беспорядков 1903 г. подал в отставку и уехал в Германию, откуда посылал корреспонденции, см., например: *Реус*. Под знаменем капитализма. (Письмо из Германии) // Русское богатство. 1903. № 5/6. С. 156–191; *Он же*. Simplicitissimus. (Письмо из Германии) // Там же. 1904. № 5. С. 47–76; *Он же*. Мы, балты. (Письмо из Германии) // Там же. 1906. № 9. С. 42–79, и т. д.

статей и доказал факт грубого искажения. Бебель добросовестно признал свою ошибку и обещал напечатать свое извинение, что и исполнил в том же «Vorwärts» совершенно удовлетворительным образом. Однако назвать своего информатора он категорически отказался. Дело этим не кончилось. В «Искре» появилось изложение первой статьи Бебеля, а его поправка была умолчана. Хотя информатор Бебеля назван не был, но Иоллос по целому ряду данных совершенно уверен, что это был Рейснер и что выходка в «Искре» тоже дело его рук.

В дальнейшем о Рейснере я знаю следующее. После возвращения в Россию на основании амнистии 1905 г. Рейснер окончательно сблизился с социал-демократами и, кажется, официально вступил в партию. Около 1910 г. возникли слухи, что Бурцев имеет основания подозревать его в связях с департаментом полиции. Рейснер на эти слухи вовсе не реагировал⁶². Через несколько времени после этого он прислал какую-то статью в «Русское богатство», от которого совершенно отошел уже за несколько лет перед тем. «Русское богатство» вернуло ему статью при письме Короленко, что ввиду того, что Рейснер не принял никаких мер, чтобы снять с себя взведенное на него Бурцевым обвинение, «Русское богатство» не считает возможным помещать его статей, независимо от их содержания⁶³.

На этот раз Рейснер обиделся и вызвал Короленко на третейский суд. Короленко принял вызов и назначил своим судьей В. И. Семева, Рейснер – А. С. Зарудного. Этот последний выбор меня очень удивляет; не знаю, насколько близко знал Рейснер Зарудного, но я-то его знал хорошо и знал, что со времени дела Азефа и еще одного шпионского дела, которое было разоблачено племянником Зарудного, Сергеем Сергеевичем Зарудным (впоследствии бывшим министром в Украине и затем расстрелянным большевиками)⁶⁴, с этого времени А. С. Зарудный принадлежал к числу людей, чрезмерно доверчиво, без достаточной критики относившихся ко всем подобным обвинениям. Кто был суперарбитром – не помню.

⁶² Ошибка: в декабре 1909 г. М. А. Рейснер обратился за разъяснениями к В. Л. Бурцеву, который ответил ему: «Я ровно ничего сам не нашел, что бы подкрепляло эти слухи...» Но в том же письме Бурцев передавал слова «очень компетентного» человека, будто Рейснер подавал заявление в Департамент полиции с предложением своих услуг, на которое было решено не отвечать; это, мол, подтверждает и другой «источник», который «то же самое слышал от видного охранника». Отказываясь назвать Рейснеру свои «источники» и замечая, что не может «понять этих известий», Бурцев предлагал ему: «Разберитесь в них Вы!» О дальнейшем Рейснер сообщал Бурцеву: «Письмо Ваше ко мне было прочитано мной в присутствии того лица, которое мне его передало (иначе я не мог поступить, т. к. в таких делах не может быть тайн <...>). И что же, на следующий день лицо, передавшее мне Ваше письмо, дало в газету «Биржевые ведомости» заметку, где между прочим говорилось, что Бурцев «в своих разоблачениях заявил, что профессор Р. имел сношения с департаментом полиции» (№ 11503, 8 января 1910 г.); аналогичная заметка появилась и в «Русском слове» в Москве. За этим последовали и другие аналогичные заметки в разных газетах, и устная клевета получила форму газетной инсинуации по адресу проф. Р.». Желая «снять с себя обвинение, марающее его честь», Рейснер обратился к «ряду особенно авторитетных деятелей науки и культуры»: Н. Ф. Анненскому, К. К. Арсеньеву, М. М. Ковалевскому, В. Д. Набокову и А. С. Пругавину. Собравшись 3 февраля у Ковалевского, они констатировали, что профессор, как только до него дошли позорящие его слухи, принял меры для выяснения их источников, но был, по сути, лишен возможности «действительной самозащиты», ибо обвинения исходили от «анонимных лиц». Признавая это «решительно недопустимым», члены «комиссии» полагали, что «хотя бы и косвенное, в виде передачи слухов, обвинение кого бы то ни было в низких и позорных поступках возможно лишь при том условии, если оно может быть обосновано» и предъявление «конкретных, подлежащих контролю данных» составляет «безусловную нравственную обязанность тех лиц, которые в той или иной форме содействовали распространению слухов или вообще придали им какое-либо значение» (ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 415. Л. 4–10).

⁶³ В ответ на письмо В. Г. Короленко от 2 мая 1912 г., сообщавшего М. А. Рейснеру о невозможности продолжения его сотрудничества в «Русском богатстве», адресат потребовал извинения «в незаслуженном оскорблении», а 13 мая вызвал редакцию на третейский суд чести, сообщив имена своих арбитров – В. Д. Кузьмина-Караваева и А. С. Зарудного.

⁶⁴ Ошибка: имеется в виду Александр Сергеевич Зарудный (1890–1918) – младший сын С. С. Зарудного (1866–1898) и полный тезка его брата А. С. Зарудного (1863–1934), эсер, который, являясь с ноября 1917 г. членом ЦК Украинской партии социалистов-революционеров и Центральной рады, а с декабря – генеральным секретарем (министром) по земельным делам Украинской народной республики, был убит в Киеве 26 января 1918 г. Его старший брат Сергей Сергеевич (1888–1939), которого полиция тоже подозревала в принадлежности к эсерам, в январе 1915 г. заверял Департамент, что «никогда не был» их сторонником, причем административная ссылка в Харьковской губернии за участие в студенческой забастовке в 1911 г. была сокращена ему «с 3 лет до 2, а затем и совсем прекращена», и после восстановления в институте он выпускал газету «Политехник» и сборники «Голос политехника», доказывая необходимость «вывести политику из стен высших учебных заведений» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 208. 7 д-во. 1911. Д. 721. Л. 8–9).

На суде Короленко стал на позицию, строго согласованную с его весьма сдержанным письмом к Рейснеру. Он, Короленко, не обвиняет Рейснера в связях с департаментом и не может поддерживать этого обвинения перед настоящим судом. В связях с департаментом Рейснера обвиняет Бурцев. Он же, Короленко, считает, что раз подобное обвинение поднято таким человеком, как Бурцев, который слишком часто был оправдан дальнейшими событиями, то Рейснер был обязан предпринять какие-нибудь шаги для своей реабилитации. Пока он этого не сделал, до тех пор «Русское богатство» не может иметь с ним дела. Рейснер, напротив, требовал, чтобы суд принял к своему разбору дело во всей его полноте, т. е. чтобы он проверил обвинение Бурцева по существу. Раз Короленко повторяет обвинение, то он, по мнению Рейснера, несет за него ответственность.

Суд после долгих и горячих споров, во время которых Зарудный сначала горячо отстаивал формальную точку зрения Рейснера, т. е. необходимость принять к разбору дело по существу, признал единогласно, следовательно, и голосом Зарудного, что, не имея в своем составе судьи со стороны Бурцева, не будучи им уполномочен, он и не может судить Бурцева с Рейснером; что же касается до спора Короленко с Рейснером, то суд тоже единогласно признал позицию первого правильной.

Таким образом, приговор был целиком против Рейснера и клеймо на его имени осталось. Рейснер сделал попытку реабилитировать себя изданием брошюры *pro domo sua*⁶⁵, которую он напечатал в небольшом числе экземпляров и разослал разным лицам, между прочим и мне⁶⁶. Брошюра произвела на меня странное, совершенно неубедительное впечатление. Он начинал ее с сообщения, что постарался себя реабилитировать посредством вызова одного из своих обидчиков (имя не названо) к третейскому суду, но «из суда ничего не вышло», и потому он прибегает к помощи печати. Фраза «из суда ничего не вышло» (за подлинность которой я ручаюсь, хотя брошюры у меня под руками нет) звучала очень странно: из суда вышел приговор, хотя и не по существу обвинения Бурцевым Рейснера, но, во всяком случае, неблагоприятный для Рейснера. Дальнейшие доказательства брошюры ввиду отсутствия полно сформулированного обвинения Бурцева звучали очень слабо, хотя и самое обвинение осталось брошенным голословно и не подтвержденным никакими данными⁶⁷.

Я было написал рецензию на брошюру Рейснера⁶⁸ и сначала хотел ее напечатать в журнале «Современник», одним из редакторов которого был⁶⁹, но потом, по совещании с В. И. Семевским, решил этого не делать. Сколько знаю, брошюра не вызвала в печати ни одного отклика.

⁶⁵ в свою защиту (*лат.*).

⁶⁶ См.: Рейснер М. А. К общественному мнению! (Мое дело с В. Л. Бурцевым). СПб., 1913.

⁶⁷ В. Л. Бурцев, признавая в 1913 г., что у него «не было и нет достаточных данных ни для обвинения, ни для оправдания Рейснера», оправдывался, что не мог раскрыть ему свой «источник» – бывшего чиновника Департамента полиции Л. П. Меньщикова, имя которого являлось в то время «тайной для всех», а разбор дел такого рода «часто требует соблюдения особых условий конспирации, когда членам суда, т. е. людям, пользующимся общим безусловным доверием, сообщаются имена и документы под условием не делать их известными ни заинтересованной стороне, ни прессе». Комментируя брошюру «К общественному мнению!», Бурцев указывал Рейснеру, что «нельзя третировать, как унижающие его достоинство, суды тех лиц, пробраться в ряды которых и работать с которыми так хотелось», и напоминал: «Рейснер в 1909 г. для всех был ведь Рейснером 1904–1906 гг., а не черносотенцем Рейснером, каким его знали в Александрийском институте или Томском университете, а еще раньше – и в других местах, когда в его формуляре имелся целый ряд очень громких реакционных антисемитских историй. Если бы от предложенного суда чести отказался черносотенец Рейснер, это бы никого не изумило. Но ведь от суда чести отказался совсем иной Рейснер, – Рейснер, добивавшийся в 1905 г. редакторства в с.-р. органе “Сын Отечества” и в с.-д. большевистском органе...» (ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 415. Л. 24–34).

⁶⁸ Цитируя брошюру М. А. Рейснера, утверждавшего, что ему представилась возможность сделать «дело с Бурцевым предметом третейского разбирательства», но поскольку «из этого суда ничего не вышло», теперь он может представить свое дело «лишь одной высшей инстанции – непосредственно суду общественного мнения», В. В. Водовозов писал: «В действительно-сти в зиму 1912–13 гг. имело место третейское разбирательство между Рейснером и не Бурцевым непосредственно, а редакцией одного уважаемого журнала, которая в письме к Рейснеру упрекнула его за то, что он не принял всех необходимых мер для своей реабилитации, и только это частное обвинение было предметом судебного рассмотрения, а не самый вопрос о непорядочности Рейснера во всем его грозном объеме. Из суда не вовсе “ничего не вышло”, а вышел приговор, вынесенный единогласно всеми пятью судьями, в том числе избранными самим Рейснером, и этот приговор был целиком против Рейс-»

После революции Рейснер примкнул к большевикам и был их публицистом и юристом. В их же рядах подвизалась его дочь, Лариса Рейснер, умершая очень молодой. О ней, впрочем, даже люди, ничего общего с большевиками не имеющие (например, Амфитеатров), говорят как о замечательной личности. Между прочим, она усиленно пыталась привлечь поэта Блока в лоно коммунистической партии, но не имела успеха (об этом рассказывается в биографии Блока Бекетовой⁷⁰). С нею, впрочем, я никогда не встречался, с Рейснером же имел несколько случайных встреч на различных митингах.

Несмотря на то что билеты на пароход были пущены по двойной или тройной цене против нормы, мы со Струве их взяли и 22 октября (ст. ст.) выехали на родину. Пароход, устроенный со всем новейшим комфортом, оказался старой скверной посудиною, лишенной самых элементарных удобств, грязный и вонючий. Отдельных кают не было, и публика, переполнявшая его, жалась в общих каютах I и II класса, не находя себе сколько-нибудь удобных мест. На пароходе не только не было обычных культурных умывальников, но нельзя было достать воды для умывания, хотя бы в графине, и мы все три дня не умывались вовсе. Три дня нас трепало по довольно бурным волнам моря. Публика – вся она состояла из русских различных общественных групп, – узнав фамилию Струве, в то время стоявшего в зените своей освободительной славы, восторженно приветствовала его, но бедняга сильно страдал от морской болезни и приветствия и постоянные восторженные рукопожатия принимал с очень кислой физиономией.

Мы с ним, конечно, много говорили о текущих событиях и старались строить предположения о будущем. Я, в согласии со своим общим историко-философским мировоззрением, относился к происшедшему пессимистически, ожидая в будущем потоков крови и торжества реакции (потом я эти ожидания высказал в передовице «Нашей жизни», напечатанной в новогоднем номере 1906 г.⁷¹, но напечатанной с сильными урезками и смягчениями, так как редакция не была согласна с моим пессимизмом и решительно возражала против его проведения в редакционных статьях). Напротив, Струве был, несмотря даже на морскую болезнь, настроен очень оптимистически. Он был убежден, что период самодержавия кончился, что Россия вступила в эру правового строя и что расхолодившееся море скоро войдет в берега. За два года перед тем, во время наших частых бесед в Штутгарте, Струве так сформулировал наши позиции:

– Вы революционный пессимист, а я эволюционный оптимист.

Это было довольно верно (хотя не вполне) и сказалось теперь, в 1905 г., когда события как будто подтверждали правоту Струве, а не мою. Таким же эволюционным оптимистом Струве был раньше и оставался еще много лет. Значительно позже, однако, он в этом отношении, по видимому, сильно изменился. Ровно через четверть века, в [октябре] 1930 г., мы снова встре-

---

нера. Конечно, приговор, даже вынесенный самыми почтенными общественными деятелями, может оказаться ошибочным. Но нельзя говорить, что из суда ничего не вышло, когда суд вынес определенный приговор. Приведенное утверждение Рейснера есть даже не утаивание неприятного факта, а прямая неправда, и эта неправда бросает яркий и очень нехороший свет на всю книжку» (Там же. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1483. Л. 1–2).

⁶⁹ В. В. Водовозов состоял членом редакции «Современника» в 1911–1913 гг.

⁷⁰ См.: «Из Москвы приехала Лариса Рейснер, жена известного Раскольников. Она явилась со специальной целью завербовать Ал. Ал. в члены партии коммунистов и, что называется, его охаживала. Устраивались прогулки верхом, катанье на автомобиле, интересные вечера с угощением коньяком и т. д. Ал. Ал. охотно ездил верхом и вообще не без удовольствия проводил время с Ларисой Рейснер, так как она молодая, красивая и интересная женщина, но в партию завербовать ей его все-таки не удалось, и он остался тем, чем был до знакомства с ней» (Бекетова М. А. Александр Блок. Пг., 1922).

⁷¹ Неточность: речь идет о передовой статье в газете «Народное хозяйство». См.: «Канул в вечность год ужасов. Беспорывная канонада в Маньчжурии, длившаяся полтора года, жестокая бойня на волнах Великого океана, длившаяся столько же, закончилась. Зато началась резня на улицах Петербурга, Тифлиса, Севастополя, ливонских городов, Москвы. Петербургской бойней открылся 1905 год, канонадой Москвы он закончился. Таким образом – “Старый год грозой ознаменован, / И в крови родился новый год”. Что он нам несет? Прежде всего, вероятно, кровь...» Водовозов писал, что самодержавие, пообещавшее было гражданские свободы и конституционный строй, «уже поспешило все взять назад», ибо опирается не только на штыки и бюрократию, но и на рознь оппозиционных партий, тратящих силы «на взаимное истребление», а надвигающаяся угроза экономического банкротства страны может способствовать «анархии или же чему-нибудь еще неизвестному: быть может, какому-нибудь Наполеону» (1906. № 15. 1 янв.).

тились с ним на пароходе, на этот раз речном, везшем нас из Лом-Паланки (в Болгарии) в Братиславу (в Чехословакии). На этот раз я был настроен оптимистичнее, по крайней мере до известной степени. Я утверждал, что большевики уже изжили себя и власть их явно приближается к концу (причем, однако, я не надеялся на быстрое восстановление какого бы то ни было культурного режима, но ожидал долгого периода смут), а Струве назначал большевикам еще лет 15 власти. К. И. Зайцев, тоже ехавший с нами, был еще пессимистичнее и считал вероятным сохранение большевистского режима еще в течение нескольких десятилетий. Замечу, что какие бы то ни было сроки Струве назначал только в совершенно интимном, частном разговоре, и то неохотно, а публично отказывался от этого, между прочим – в лекции, прочитанной им в Праге через несколько дней после нашего разговора.

Через три дня после отплытия из Штеттина, в отвратительный ненастный день, вечером, мы подошли к Кронштадту, и нам было заявлено, что дальше пароход пойдет только завтра. Ни у кого не было охоты ночевать у самого порога Петербурга. На пароход явилась таможенная стража и произвела досмотр багажа и паспортов. Досмотр был вполне культурный, европейский, подобного которому по легкости и деликатности на границе России, особенно морской, я раньше никогда не испытывал. Чемоданы открыли, но в них не рылись, и я благополучно провез несколько номеров последних революционных изданий. Нам было предложено на маленьком пароходике переехать в Петербург, что мы все и приняли с удовольствием. Железные дороги уже ходили, и поздно вечером мы добрались в Петербург на дачном поезде.

Моя эмиграция продолжалась всего 25 дней – меньше, чем обещали самые пылкие оптимисты. По дороге с Балтийского вокзала домой, на Васильевский остров, я заехал в типографию «Нашей жизни», был там радостно встречен наличными членами редакции, наскоро получил информацию о последних событиях и часам к 12 ночи был дома. Амнистия была уже объявлена, и мне не грозила никакая опасность. Лункевич был освобожден, просидев около месяца. Он мог бы, конечно, поступить так же, как я, но решительно этого не хотел. Ввиду переполнения киевской тюрьмы остальных приговоренных по делу его лекции разделили на группы; эти группы отбывали арест по очереди, и до амнистии отбыла его только одна часть.

Заканчивая эту главу, я расскажу здесь о трагическом конце Саши Гибермана, о котором упомянул несколько раз. После последней нашей встречи на лекции Лункевича я с ним не видался. Он оставался в Киеве и кончил там гимназию. В следующем году (а может быть, и в том же) во время одного из еврейских погромов, время от времени постигавших Киев, он встретился на улице с толпой громил.

– Ребята, смотрите, жиденок! (Он имел очень мальчишеский вид, гораздо юнее своего действительного возраста.)

– Жиденок, жиденок!

Саша испугался.

– Что вы, что вы, какой я жиденок! Я православный.

– Православный?! А ну, перекрестись.

Он перекрестился.

– А ну, прочитай «Отче наш».

Он его каким-то образом знал (он вообще – отчасти, может быть, под моим влиянием – интересовался историей религии, читал Ренана, Штрауса⁷², Евангелие) и прочитал.

– Значит, православный. Ну, иди на все четыре стороны.

Его отпустили. Он пришел домой оплеванный, огаженный. Рассказал об этом матери и сестре. На следующий день достал где-то револьвер – и застрелился.

---

⁷² Имеются в виду книги Э.-Ж. Ренана «Жизнь Иисуса» («Vie de Jésus», 1863) и Д. Ф. Штрауса «Жизнь Иисуса» («Das Leben Jesu», 1835).

Глава III. Осень 1905 г. – Мое отношение к кадетской партии. – «Наша жизнь», «Сын Отечества», «Без заглавия». – Избирательная кампания в 1-ю Думу. – 1905–1906 гг. – Бойкот выборов. – Крестьянский митинг в Тихвине. – Некоторые другие митинги и собрания. – Значение бойкота. – «Не найдется безумца, который посмеет разогнать Думу»

Первая октябрьская забастовка окончилась, газета выходила, и я сразу по возвращении запрыгнул в газетное ярмо. Цензуры больше не было. Формально она еще существовала, но ни одна газета не посылала в нее своих листов; не делали этого даже газеты консервативные, как «Новое время». Одним из неприятных результатов этого было то, что ни в Публичной, ни в Академической, ни в московской Румянцевской библиотеках⁷³, получавших свои экземпляры через цензуру, нет полных комплектов за интереснейшее время: октябрь – декабрь 1905 г.; библиотеки старались их доставать, но платное получение выходило за пределы их установленного в начале года бюджета, а бесплатное не всегда было возможно. Весьма вероятно, что многие номера безвозвратно пропали и что будущий историк многих из них не найдет вовсе.

Общественная жизнь кипела. То здесь, то там ежедневно происходили политические собрания. Я выступал иногда на двух митингах в один вечер⁷⁴, а по воскресеньям на трех-четырех митингах в день. Работать приходилось много, сон приходилось сильно сокращать, но чувствовался громадный прилив энергии, и эта нервная жизнь нисколько не утомляла. Так жили все живые люди с общественным темпераментом, и иначе жить было нельзя.

Когда я приехал в Петербург, Конституционно-демократическая партия уже организовалась и опубликовала свою программу⁷⁵. Часть нашей редакции вступила в эту партию; это были В. Я. Богучарский, В. В. Хижняков, С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, В. С. Голубев и другие, но твердо держался за нее только последний; первые четыре сильно колебались и через несколько дней вышли из нее. Для меня стоял вопрос о вступлении в партию. Много в ней для меня было приемлемо; пункты, которыми я особенно дорожил, – конституционализм, всеобщее голосование, аграрная реформа – были проведены отчетливо и ясно. Но вместе с тем в целом партия не вызывала полного доверия.

Считая себя республиканцем, я тем не менее не признавал вопрос о государственной форме актуальным и вполне мог бы примириться с молчанием о ней в программе и, следовательно, молчаливым признанием конституционной монархии. Но меня отталкивало выдвига-

---

⁷³ Упомянуты петербургские библиотеки Академии наук и Императорская Публичная, а также московская библиотека Румянцевского музея.

⁷⁴ П. Н. Милоков писал, что заходившие в нему друзья рассказывали об уличных проявлениях радости по поводу Манifestа 17 октября и, в частности, как «милейший В. В. Водовозов, взобравшись на бочку, говорил оттуда одушевленную речь» (Милоков П. Н. Воспоминания. С. 211).

⁷⁵ Проходивший в Москве 12–18 октября 1905 г. первый учредительный съезд Конституционно-демократической партии принял ее устав и программу, см.: «Партия борется за полную свободу личности во всех ее видах, за свободу и самостоятельность национальностей, населяющих Россию, за парламентарный строй, основанный на всеобщем и равном избирательном праве с тайной и прямой подачей голосов; за широкое развитие демократического местного самоуправления, основанного на всеобщей подаче голосов, за развитие прямого обложения на счет косвенного, за увеличение площади крестьянского землевладения государственными, удельными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путем выкупа частновладельческих земель по справедливой (не рыночной) оценке; за свободу рабочих союзов и стачек, за развитие фабричного законодательства и 8-часовой рабочий день» (Водовозов В. Конституционно-демократическая партия в России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1905. Доп. т. 1а. С. 944–945).

ние, подчеркивание своего монархизма, которое я считал нетактичным и ненужным, и выпячивание своей лояльности. Чувствовалось, что партия, члены которой только что приняли деятельное участие в первой октябрьской забастовке, сыграли видную и положительную роль в Союзе освобождения и в издании его органа, в профессиональных союзах и Союзе союзов⁷⁶, в банкетной кампании, т. е. вообще в деятельности с точки зрения существующего порядка революционной, сочли революционный период законченным и решили в дальнейшем бороться легальными и только легальными способами. Я же был убежден, что если манифест 17 октября вынужден революционным движением, то с его прекращением он будет легко взят назад. Продолжение революционного движения я считал совершенно необходимым, хотя допускал, что оно сыграет на руку именно кадетам, которые соберут в свою пользу его плоды. Обобщая все сказанное, меня отталкивала от кадетов не столько их программа, сколько тактика, недостаточно, по-моему, решительная. И я решил погодить, а пока оставаться вольным казаком, внепартийным, по немецкой политической терминологии – диким.

Но вместе с тем уже громко раздававшееся утверждение, что кадеты – это партийное оформление буржуазии, я признавал совершенно ложным. Настоящая буржуазия организовывалась в Союз 17 октября, в Партию правового порядка и, наконец, в откровенно назвавшие себя Торгово-промышленной партией, Прогрессивно-экономической⁷⁷ и другие. Социальный состав кадетской партии не мог считаться буржуазным, а программа ее – тем более.

Левее кадетов, однако, я не находил партии, которая вполне удовлетворяла бы меня. Я не мог пойти к социалистам-революционерам, так как был противником террора; тем более не мог пойти к эсдекам, т. к. меня возмущали их узость, их догматизм, непонимание аграрного и национального вопросов (последнему я придавал большое значение и сильно им интересовался), да и с классовой теорией согласиться не мог, хотя и не отрицал крупной (но не исключительной) роли в истории классовой борьбы.

Итак, я остался «диким», «левее кадетов». Тогда таких было много, и я – в их числе. Большая часть нашей редакции оказалась в том же положении, и в противоположность «Сыну Отечества», ставшему официальным органом социал-революционной партии, «Наша жизнь», возникшая в свое время вместе с «Сыном Отечества» как орган освободителей, теперь оказалась внепартийным органом «левее кадетов». Группа писателей, оказавшихся в этот жгучий момент вне партий, основала особый еженедельный журнал под странным, но хорошо выражавшим их положение заглавием «Без заглавия». Во главе этой группы стояли Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович, в нее входили Богучарский, Хижняков, я и др. Группа «беззаглавцев» вызывала на себя постоянные нападки со стороны социал-демократов, и даже в обеих Советских энциклопедиях, Большой (1927) и Малой (1929), ей посвящены специальные, в весьма высокомерно-презрительном тоне написанные заметки⁷⁸.

⁷⁶ Союз союзов, учрежденный на проходившем 8–9 мая 1905 г. съезде представителей 14 общественных и профессиональных союзов, являлся, как определялось в его уставе, органом, объединяющим «на федеративных началах автономные всероссийские союзы, ведущие борьбу за политическое освобождение России на началах демократизма»; прекратил свою деятельность в конце 1906 г. В. В. Водовозов состоял членом Особой комиссии при Союзе союзов, созданной для выработки положения о созыве Учредительного собрания.

⁷⁷ Союз 17 октября, сложившийся из правого крыла либеральных земцев, включал представителей торгово-промышленного и банковского капитала, интеллигенции; после раскола осенью 1906 г. – умеренно правая партия, фактически прекратившая свою деятельность летом 1915 г. Партия правового порядка, организовавшаяся в октябре 1905 г. из представителей дворянства, высших слоев бюрократии и крупного капитала, выступала за сильную государственную власть, единство и неделимость России, предоставление демократических свобод, «устройство» крестьян и рабочих, для которых создала Конституционно-монархическую рабочую партию; распалась в 1907 г. Торгово-промышленная партия, организованная в ноябре 1905 г. в Москве, объединяла большинство крупных заводчиков и предпринимателей Центрально-промышленного района; фактически прекратила существование в конце 1907 г. Прогрессивно-экономическая партия, учрежденная в октябре 1905 г. и действовавшая исключительно в столичном регионе, включая крупных промышленников и банкиров, высокопоставленных чиновников, финансировалась Петербургским обществом заводчиков и фабрикантов; распалась в 1907 г.

⁷⁸ Большая советская энциклопедия указывала, что политическая физиономия внепартийной группы «Без заглавия» состояла в «отсутствии определенной позиции»; ее идеал – германская социал-демократия как партия «крайней оппозиции»,

Свои взгляды на партию конституционных демократов я изложил подробно в особой статье, которая была помещена в трех или четырех номерах «Нашей жизни»^{79 80}. Эпиграфом я поставил к ней слова Авраама Лоту из книги Бытия: «Да не будет раздора между мною и между тобою, между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники. Не вся ли земля перед тобою? ...Если ты направо, то я налево»⁸¹. Отмеченное многоточием место в подлиннике гласит: «если ты налево, то я направо»; эта половина дилеммы мне была не нужна, и я ее опустил.

Эпиграф ясно выражал политическую тенденцию моей статьи, и если за нее (за признание родственности с кадетами) мне досталось слева, главным образом от социал-демократов, то из кадетского лагеря (особенно помню статью Лучицкого в киевской кадетской газете⁸²) мне досталось за обвинение в непонимании того, что их сила исчезнет в тот момент, когда исчезнет угроза революцией слева, что даже в стране с установившимся парламентарным порядком парламент может проводить в жизнь свои требования только постольку, поскольку в стране имеются кадры людей, в каждую минуту готовых схватиться за оружие для его поддержки. Я строил свою аргументацию на исторических примерах, в особенности английских; Лучицкий спорил с моим объяснением этих прецедентов, и спорил со мной очень резко, как с решительным политическим врагом, совершенно игнорируя мое основное стремление, выраженное в словах «да не будет раздора между мною и между тобою». Между тем Лучицкий до 1905 г. всегда считался человеком радикальным, был сотрудником «Русского богатства», в кадетской партии стоял на левом фланге, а в 1917 г. даже вышел из кадетской партии и формально вступил в партию народных социалистов. Со времени этой моей статьи в кадетском лагере относились ко мне очень враждебно и постоянно изображали меня гораздо более крайним врагом кадетизма, чем я был в действительности⁸³. В то же время в социал-демократической прессе меня охарактеризовали словами: «полу-кадет, но есть надежда, что будет полным наконец»⁸⁴.

но «довольно безразлично относящаяся к глубине социалистических убеждений своих членов», ибо «социализм является для них пропагандируемой идеей, миропониманием, в котором по существу дела неизбежны разногласия», т. е. «полное созвучие с берштейнианством»; поэтому, «беспринципные в теории, на практике “беззаглавцы” шли за партией кадетов» и, провозглашая свою приверженность к т. н. «критическому социализму», стояли на «расплывчатой позиции общей социальной справедливости» (А. Д. «Без заглавия» // БСЭ. 1927. Т. 5. Стлб. 195–196).

⁷⁹ Я, впрочем, не вполне уверен, была ли она помещена в «Нашей жизни» или в «Киевских откликах», с которыми я тоже все время поддерживал отношения.

⁸⁰ Статья была напечатана в газете «Народное хозяйство»: Водовозов В. Конституционно-демократическая партия и трудящиеся массы // Народное хозяйство. 1906. № 24, 26, 29. 13, 15, 19 янв.

⁸¹ Эпиграф к статье звучал так: «Да не будет раздора между мною и тобою, между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники. Не вся ли земля перед тобою? Отделись же от меня... если ты направо, то я налево»; правильно: «И сказал Авраам Лоту: да не будет раздора между мною и тобою, и между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники; не вся ли земля пред тобою? Отделись же от меня: если ты налево, то я направо; а если ты направо, то я налево» (Быт. 13: 8–9).

⁸² Имеется в виду ежедневная политическая, экономическая и литературная газета «Свобода и право», выходившая в Киеве с 3 января по 1 марта 1906 г., одним из двух редакторов-издателей которой состоял И. В. Лучицкий; см. передовые, посвященные «громким, но бездоказательным утверждениям г. Водовозова» (Свобода и право. 1906. № 19, 22. 22, 24 янв.).

⁸³ Водовозов доказывал, что программа, отрицающая социализм или, по крайней мере, не включающая его, «открывает двери партии для элементов, враждебных социализму и интересам трудящихся масс». Поэтому она «не является демократической партией в полном смысле этого слова», и истинный демократ и социалист входить в нее «не должен, если он не желает поддержать и усилить течение, которое неизбежно в очень недалеком будущем окажется ему враждебным», ибо «уже теперь программа партии с ее отрицанием социализма и республики открыла двери для элементов, являющихся демократами и революционерами в весьма малой степени». Хотя еще 18 октября 1905 г. кадеты ратовали за созыв учредительного собрания, на их 2-м съезде (5–11 января 1906 г.) «полная победа осталась за флангом умеренным», который увлек за собой даже Милюкова, заявившего: «Вводя термин “учредительное собрание”, мы вовсе не думали об облаченном полнотой суверенной власти собрании. Такое собрание могло бы быть результатом лишь победоносной революции; под учредительным собранием мы понимали лишь собрание народных представителей, облеченное учредительными функциями. Я предлагаю поэтому не вносить в программу никаких изменений». Съезд предоставил местным организациям «свободу в употреблении терминологии», и Водовозов негодовал: «Итак, резолюция 18 октября, которую Милюков 19 ноября 1905 года охотно внес бы в программу, по желанию того же Милюкова 10 января 1906 г. была признана факультативной и истолкована так, что потеряла всякое значение». Резюмируя, он заключал: «Нам, понимающим и признающим, что только социалистическое знамя может

С течением времени мои разногласия с кадетской партией обострялись, мне приходилось вести с ней очень резкую полемику и в печати, и на митингах, где я постоянно сталкивался с Милюковым, Родичевым, И. Гессеном, Кутлером и другими вождями партии. Со времени 3-й Думы и в особенности фразы Коковцова: «У нас, слава богу, нет парламента»⁸⁵, мое отношение к этой партии и в особенности к ее лидеру П. Н. Милюкову вылилось в формулу: «Милюков хочет быть парламентарием в стране, в которой, слава богу, нет парламента; в этом его трагедия, так же как и всей его партии»⁸⁶.

О моих с нею конфликтах мне еще придется говорить. Но в то время, о котором я сейчас пишу – осень 1905 г. и начало 1906 г., я был в общем, волею судеб, скорее союзником. На очереди стоял вопрос о выборах в 1-ю Государственную думу.

Стал он впервые еще в августе 1905 г., когда 6 августа был издан закон о выборах в так называемую Булыгинскую (по имени министра внутренних дел) Государственную думу, которая никогда не была избрана⁸⁷. Закон давал право голоса только крупным землевладельцам и удовлетворявшим высокому имущественному цензу горожанам. Уже тогда раздался лозунг бойкота.

В первый же день по опубликовании этого закона, когда я с некоторым опозданием пришел в редакцию, В. Я. Богучарский обратился ко мне *ex abrupto*⁸⁸ с вопросом:

– За участие в выборах или за бойкот?

Вопрос застал меня врасплох. Я утром в тот день никого еще не видел, и лозунг бойкота до меня не дошел. Что же касается закона о выборах, то его я прочитал, но вопроса о бойкоте он во мне не возбудил: мне было ясно, что почти никто из людей, на кого мы можем иметь какое-нибудь влияние, права голоса не получил, и мысль о том, чтобы мешать проявить свои более либеральные стремления тем немногим, кто может прислушиваться к нашим требованиям, мне даже не пришла в голову. Пускай их выбирают, и если на выборах все-таки скажутся

сплотить широкие народные массы для энергичной борьбы за лучшее будущее, нам в рядах этой партии делать нечего; но, как арьергард, она в настоящее время все-таки играет положительную роль, закрепляя завоевания революции. Можно и должно выяснять наши взаимные отношения, но вступать с ними в активную борьбу, – это значит тратить даром силы, которые нужно направлять против деспотизма. Мы должны идти своей дорогой, но не мешать и конституционным демократам идти своей; ведь как наша, так и их ближайшая задача состоит в борьбе с самодержавием...» (Водовозов В. Конституционно-демократическая партия и трудящиеся массы // Народное хозяйство. 1906. № 29. 19 янв.). Не оставив без внимания критику в свой адрес, П. Н. Милюков в статье «К итогам второго съезда к.-д. партии» доказывал, что, не изменив своих позиций, она не нуждается в одобрении или порицании «от каких-то посторонних ей групп или элементов» (Еженедельник партии Народной Свободы. 1906. № 1. 22 янв.). В свою очередь, А. А. Кауфман прислал в «Нашу жизнь» развернутый ответ своему оппоненту – «Борьба или выяснение отношений. (По поводу статьи В. В. Водовозова)», а член ЦК кадетов историк А. А. Корнилов – статью «Еще о конституционно-демократической партии и трудящихся массах», напечатанные соответственно 29 января (№ 355) и 2 февраля (№ 359).

⁸⁴ Перефразирована эпиграмма 1824 г. А. С. Пушкина на новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова: «Полу-милорд, полу-купец, / Полу-мудрец, полу-невежда, / Полу-подлец, но есть надежда, / Что будет полным наконец».

⁸⁵ Выступая в Государственной думе 24 апреля 1908 г., министр финансов В. Н. Коковцов в ответ на предложение о создании парламентской комиссии для обследования положения железнодорожного хозяйства заявил: «У нас парламента, слава Богу, еще нет» (Государственная дума. III созыв. Сессия I. СПб., 1908. Ч. 2. Стлб. 1995).

⁸⁶ Указанная «формула» В. В. Водовозова возникла ранее, применительно к тактике кадетов в связи с роспуском Государственной думы 9 июля 1906 г., см.: «Партия к.-д. есть партия радикальная (в европейском смысле слова) по своим политическим требованиям и демократическая по своим экономическим требованиям, идущая вплоть до принудительного отчуждения почти всей частновладельческой земли. В своей же практической деятельности она пожелала быть партией парламентарной в стране, не имеющей парламента, и партией конституционной в стране, не имеющей конституции, и это характеризует ее гораздо больше, чем вся ее программа. Вся ее тактика состояла в предъявлении правительству требований, опирающихся на бумажные постановления, этим правительством не признаваемые. Когда была [в 1906 г.] распущена дума, то эта партия предложила опубликовать протест, который, однако, действительным протестом не был, т. к. он исходил не от лица думы, а от лица 180 отдельных лиц, бывших членов думы, и т. к. в нем роспуск думы признавалось состоявшимся и окончательным. Это коренное противоречие между радикальной программой и совсем нерадикальной тактикой определило весь характер партии» (Водовозов В. В. Партия мирного обновления // Товарищ. 1906. № 32. 11 авг.).

⁸⁷ Имеется в виду высочайший Манифест об учреждении законосовещательного представительного органа – Государственной думы и утверждении Положения о выборах, подписанный 6 августа 1905 г.

⁸⁸ Внезапно (*лат.*).

различные оттенки политических мнений, – тем лучше. А там посмотрим, как следует относиться к этой Думе.

В таком духе я ответил и на вопрос Богучарского. В редакции уже до моего прихода произошел обмен мыслей, и большинство склонялось к тому же мнению, хотя и были некоторые сомнения. Вопрос о бойкоте политических выборов вообще не был чужд мне, много занимавшемуся историей избирательного права; я знал историю бойкота и в Пруссии в 1849 г.⁸⁹, и в Австрии вообще и Чехии в частности в 60-х и 70-х годах⁹⁰, и в Сербии в 1883 г., и хорошо знал, что бойкот выборов почти никогда не достигал даже своей ближайшей цели и что история везде осуждала его как политическую ошибку. В результате обмена мнений наша редакция единогласно постановила, что бойкот выборов мы поддерживать не будем. В таком именно духе писались все наши статьи по вопросу о Думе, большую часть которых писал я⁹¹. Но страстей этот вопрос тогда не возбуждал.

Острее он стал после манифеста 17 октября. Подробности будущего избирательного закона были еще неизвестны, но зато было известно с полной несомненностью, что Дума будет выбрана на основе классового и цензового права, весьма далекого от вполне определившихся к этому времени общественных требований.

Теперь уже громко звучал лозунг бойкота. За него решительно и единодушно высказались социалисты-революционеры и вместе с ними «Сын Отечества», ставший официальным их органом; не столь единодушно, но столь же решительно провозгласили этот лозунг социал-демократы. Не столь единодушно, говорю я, потому что очень значительное меньшинство, к которому принадлежали такие авторитетные старые социал-демократы, как Плеханов и Аксельрод, были против бойкота; на ту же точку зрения из более молодых стал Потресов. Вообще меньшевики были против, большевики – за. Но так как те и другие в то время составляли еще одну партию, то после произведения в ней голосования меньшинство вполне подчинилось большинству, и часто даже те, кто в партийной дискуссии высказался против, на общих митингах горячо поддерживал бойкот.

К числу сторонников бойкота принадлежали также В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов, Н. Ф. Анненский, т. е. лица, в начале избирательного периода принадлежавшие к партии социалистов-революционеров, но в конце его разошедшиеся с ней на партийном съезде в Финляндии⁹², где они выступили с предложением обратить подпольную партию в открытую организацию, что и было потом ими осуществлено в виде Партии народных социалистов⁹³. На съезде их предложение было отвергнуто, и они из партии вышли и на некоторое время остались в положении беспартийных.

Борьба разгоралась и особенно обострилась после 11 декабря 1905 г., когда появился самый избирательный закон⁹⁴. Закон делил избирателей на 4 курии (землевладельцев, горожан, крестьян и рабочих), создавал для крестьян выборы 4-степенные, для землевладельцев

⁸⁹ Введение в мае 1849 г. трехклассной, по размеру уплачиваемых налогов, избирательной системы при формировании ландтага свело почти на нет значение голосов наибольшей и наиболее беднейшей части избирателей, попросту бойкотирующих выборы, из-за чего в них участвовало менее трети населения Пруссии.

⁹⁰ См.: «В 1863 г. чешская партия решила протестовать против правительства демонстративным удалением из рейхсрата и богемского ландтага и воздержанием от участия в политических выборах; левое крыло партии, впоследствии названное младочешским, было недовольно таким приемом борьбы. В 1878 г. младочехи сумели принудить всю чешскую национальную партию принять участие в выборах в богемский ландтаг, а в 1879 г. и в рейхсрат» (Водовозов В. Старошехи // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1900. Т. 31. С. 456).

⁹¹ См., например: Водовозов В. Система выборов в государственную думу // Наша жизнь. 1905. № 210, 214, 222, 226, 234. 13, 16, 20, 23, 27 авг.

⁹² Первый съезд ПСР проходил с 29 декабря 1905 г. по 4 января 1906 г.

⁹³ Учредительная конференция Трудовой (народно-социалистической) партии состоялась в ноябре 1906 г. в Финляндии.

⁹⁴ Имеется в виду высочайший указ «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений», подписанный 11 декабря 1905 г.

– 3- и 2-степенные, для горожан – 2-степенные, для рабочих – 3-степенные. Ни о равенстве, ни о непосредственности выборов не могло быть и речи. Из четырех членов популярной формулы (четырёххвостки) признана была только тайна голосования. Что касается всеобщности, то хотя она и не была признана, но кадры избирателей были расширены очень значительно, – настолько значительно, что избирательная система до некоторой степени приблизилась к всеобщности, но куриальность, соединенная с крайним неравенством, в частности с множественностью вотумов для лиц, удовлетворяющих требованию различного ценза в нескольких местах, так искажали это начало, что от него оставалось очень мало.

До некоторой степени приближалась к всеобщности, сказал я. Надо прибавить: и все-таки была очень далека от нее. Так, в городах получали право голоса только собственники недвижимости, люди, ведущие торговые предприятия, люди, выбиравшие промысловые свидетельства⁹⁵, и, наконец, все нанимавшие на свое имя квартиру, за которую они уплачивали квартирный налог не ниже определенного уровня. И притом нужно было удовлетворять этому требованию не менее чем в течение года. Таким образом, многие десятки тысяч лиц в одном Петербурге голоса не получили, и я был в их числе, что меня крайне огорчало. Я не имел нигде недвижимости, не вел торгового предприятия, не выбирал промыслового свидетельства и до моей краткой эмиграции жил в квартире у моей матери, а после возвращения из нее снял комнату от жильцов. Следовательно, я был бесправен⁹⁶.

В этом пункте закон допускал поразительную нелепость. Пассивное право было тесно связано с активным⁹⁷, причем потеря ценза после избрания в Думу влекла за собой лишение депутатского звания. Если кто-либо был избран по цензу недвижимости и после избрания продал ее, то вместе с тем он терял и свое депутатское место, – это, по крайней мере, не противоречит здравому смыслу. Если же кто-либо был избран в провинции по квартирному цензу и ради участия в Думе переселялся в Петербург, то, следовательно, он терял свой ценз и вместе с тем полученное по цензу депутатское звание. Выходило так: человек терял свое место в Думе именно потому, что он был избран в Думу.

Пассивное право голоса было связано с активным не только по существу, но и географически, и куриально: рабочие могли избрать уполномоченным не всякое лицо, имевшее право голоса, а только рабочего же, и притом с той же самой фабрики; крестьяне какой-либо волости не могли выбрать ни помещика, ни горожанина, ни священника, ни учителя (если он не был крестьянином их же волости), а только крестьянина и непременно своей волости. Съезд уполномоченных мог выбрать выборщиком только наличного на нем же уполномоченного, а собрание выборщиков могло избрать в Думу только своего же выборщика и ни в каком случае человека из соседней губернии или из своей губернии, но случайно забаллотированного на одном из съездов. Таким образом было создано особое четырехкратное просеивание через избирательное сито, систематически покровительствовавшее избранию от крестьян и от рабочих людей невежественных.

Главным автором избирательного закона был, как известно, товарищ министра финансов⁹⁸ С. Е. Крыжановский, мой старый университетский товарищ, о котором я говорил в первой части своих воспоминаний; я там рассказывал, как он в свое время принял участие в моем нелегальном издательстве, был привлечен к моему делу и приговорен по высочайшему пове-

⁹⁵ Промысловые свидетельства выдавались на производство мелочной, разносной и развозной торговли; к ним же были отнесены и приказчицы свидетельства.

⁹⁶ В рукописи далее зачеркнута фраза: «В Киеве у меня сохранялась квартира, взятая на мое имя, в которой жила моя жена, но я из Киева выбыл уже два года, а закон не удовлетворялся формальным наймом квартиры, но требовал непременно также и проживания».

⁹⁷ Пассивное и активное избирательное право – право гражданина соответственно быть избранным в состав представительных органов власти и участвовать в выборах их в качестве избирателя.

⁹⁸ Неточность: в 1906–1911 гг. С. Е. Крыжановский занимал должность товарища министра внутренних дел.

лению к двухнедельному аресту, но благодаря своим родственным связям в «сферах» его не отбыл. Он был серьезный юрист, хороший специалист по вопросам государственного права вообще и несомненно был хорошо знаком с правом избирательным в частности. Но поставленный перед исполнимой задачей: создать такой избирательный закон, который мог бы считаться исполнением обещаний манифеста 17 октября, а в то же время создал бы монархическую и законопослушную Думу⁹⁹, – он выработал закон, производящий впечатление какой-то хаотической груды, полный непоследовательностей, внутренних противоречий, явных нелепостей, допускавший безграничный произвол толкований (чем при выборах во 2-ю Думу воспользовалось правительство, чтобы сузить контингент избирателей) и не достигший своей главной цели.

Закон вызвал серьезную критику в печати. В частности, ту нелепость, которую я сейчас отметил, я тогда же указал в печати¹⁰⁰. Газета «Русь» напечатала интервью с Крыжановским, в котором заставила его дать объяснения по разным пунктам закона. По этому пункту Крыжановский сказал, что нельзя из закона выводить явно нелепых выводов. Действительно, этого вывода из закона административные учреждения, ведавшие избирательной техникой, не сделали, и по причине утери своего квартирного ценза никто кассирован во время законодательного периода какой-либо Думы не был. Но совершенно аналогичный вывод был сделан, правда, не из закона 1905 г., а из закона 1907 г.¹⁰¹ (в этом отношении повторявшего постановления предыдущего закона). Один крестьянин, член Трудовой группы (к сожалению, не могу вспомнить его фамилию), бывший 5 лет членом 3-й Государственной думы, был лишен права голоса при выборах в 4-ю Думу на том основании, что в течение 5 лет не занимался своим хозяйством в деревне. То есть как раз был лишен права выбирать и быть выбранным потому, что был выбран. Это было, однако, уже в 1912 г.

Как я уже сказал, я был лишен права голоса и, следовательно, по закону не мог принимать участие в выборных собраниях, на которые допускались только избиратели, и притом местные; так, избиратель Васильевского острова не мог участвовать в выборном собрании Петербургской стороны, и обратно. К счастью, во время агитации за 1-ю Думу полиция была не настолько сильна, чтобы задерживать и проверять права толпы, идущей на собрание; да и выборные по существу собрания обыкновенно созывались не как таковые, а как общие митинги на основании не избирательного закона, а закона о собраниях, на которые доступ был свободен всем. Полиция имела право их запретить, но сравнительно редко им пользовалась. Чаще она их закрывала после открытия за слишком резкие речи ораторов или за слишком шумное поведение публики и тем вызывала сильнейшее негодование ее и резкие отзывы газет.

И вот весь конец 1905 г. и начало 1906 до открытия Думы шли такие собрания в Петербурге чуть не каждый вечер, а иногда несколько собраний в один вечер; шли они и по всей России. Некоторые собрания, особенно партийные съезды, собрания Союза союзов и другие, созывались для безопасности за границей Финляндии, то есть в Териоках, часа за полтора езды от Петербурга, или даже за Выборгом. На эти собрания русская полиция являться не имела права, а финляндская не считала нужным, и они проходили совершенно мирно. Едва ли не каждый день я из редакции, наскоро пообедав в ресторане или захваченными с собой бутербродами, ехал на какое-нибудь собрание и выступал на нем либо с речью, либо с возражениями; иногда с одного собрания ехал на другое¹⁰². Беспрестанно также ездил в провинцию либо

⁹⁹ Участник разработки документов, касавшихся учреждения так называемой Булыгинской думы, убежденный монархист С. Е. Крыжановский после манифеста 17 октября получил, как вспоминал, «распоряжение заготовить проект изменения избирательного закона в смысле расширения круга лиц, участвующих в каждой линии выборов, без нарушения, однако, самой их системы» (Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 126).

¹⁰⁰ См.: Водовозов В. Новый избирательный закон в новую государственную думу // Народное хозяйство. 1905. № 1. 15 дек.

¹⁰¹ Имеется в виду «Положение о выборах в Государственную думу» от 3 июня 1907 г.

¹⁰² Например, 19 февраля 1906 г. В. В. Водовозов выступил на двух собраниях избирателей – Петербургской стороны

для прочтения лекций (о Думе, об избирательном законе, об учредительном собрании, о конституционализме, о роли политических партий в государственной жизни и тому подобном), либо для участия в каком-либо съезде или митинге. Живое, боевое, хорошее было время!

Основной вопрос, везде и всюду дебатировавшийся, был выбирать или бойкотировать. Аргументация бойкотистов, как и их противников, развивалась в ряде газетных статей, в брошюрах, в речах на митингах. Как и во всяком широком общественном движении, в нем имелись различные оттенки, и не во всем сторонники бойкота были согласны между собой. Наиболее отчетливо и полно их взгляды были развиты в двух брошюрах, посвященных этому вопросу, из которых одна была написана Лениным, другая – Мякотиным¹⁰³. Они представляли два тона, два направления в системе аргументации за бойкот.

Ленин строил аргументацию на утверждении: Дума должна содействовать стабилизации общественного строя. Между тем теперь время революционное, и такая стабилизация нам, революционерам, невыгодна. Мы должны нести факел революции, а не какой-либо реформы, и потому – долой Думу¹⁰⁴. Итак – бойкот исключительно как тактический прием революции. Поэтому Ленин, нисколько не изменяя себе, не отказываясь от своей аргументации, мог чуть не в несколько часов решительно изменить свою тактику, и он действительно сделал это со свойственной ему гибкостью, как только оказалось, что Дума будет выбрана. Мы дали бой, мы проиграли его; Дума, созыва которой мы не хотели, соберется, – что же в том? Быль молодцу не в укор, да и проигранный бой далеко не всегда может быть признан ошибкой: он может иметь положительное значение. Перестроим ряды, изменим стратегическую позицию и дадим бой в Думе. Поэтому лишь только в Европейской России сказались результаты выборов, но оставались еще выборы на Кавказе, как Ленин потребовал участия в них¹⁰⁵.

Напротив, позиция эсеров и Мякотина была другая. Брошюра Мякотина, составлявшая страниц 40, почти целиком была заполнена критикой (очень хорошей) как избирательного закона, так и органического закона о Думе и убедительно доказывала, что Дума будет бессильна провести необходимые реформы. Закончив эту критику, Мякотин подвел итог своей критики в такой фразе, которую я хорошо помню и могу цитировать дословно, хотя и не имею брошюры под руками: «Такая Дума не нужна народу, и потому будем бойкотировать ее».

Из этого общего утверждения вытекал вывод: бойкот нужен во всяком случае, пока только законы – избирательный и органический – остаются неизменными. На меня, вполне согласного со всей критической частью брошюры, этот переход и эта аргументация произво-

(Диспут «бойкотистов» и «анти-бойкотистов» // *Наша жизнь*. 1906. № 375. 21 февр.) и Коломенской части, где едва только начал речь об отношении к думе, коснувшись «вопроса о самодержавии и конституции», как присутствовавший в зале пристав «прервал его, заявив, что возбужденный оратором вопрос не подлежит обсуждению». Тогда председательствующий В. К. Агафонов поинтересовался у пристава, о чем в таком случае можно говорить, и получил ответ: «о партиях». Но когда Водовозов заявил, что не все они смогли ознакомить граждан со своими взглядами, ибо власть сковывает свободу слова, пристав потребовал, чтобы оратор вовсе прекратил свое выступление, и, узнав, что Водовозов живет не в Коломенской части, настоял на удалении его из зала (см.: *Собрание избирателей Коломенской части* // *Наша жизнь*. 1906. № 375. 21 февр.). 5 марта Водовозов снова выступил на собрании избирателей Петербургской стороны, 9-го – Рождественской части, 16-го – опять Петербургской стороны (Там же. № 387, 391, 422. 7, 11 марта, 18 апр.) и т. д., причем каждый раз собрания закрывались полицией.

¹⁰³ См.: *Ленин Н.* Государственная дума и социал-демократическая тактика. СПб., 1906; *Мякотин В. А.* Надо ли идти в государственную думу? СПб., 1906.

¹⁰⁴ Ср.: «Новая Дума является несомненно карикатурой на народное представительство. Участие наше в выборах даст народным массам извращенное представление о нашей оценке Думы. Свободы агитации нет. Собрания разгоняются. Делегаты арестовываются. Поддавшись на приманку дубасовского “конституционализма”, мы своего партийного знамени перед массами развернуть не сможем, а свои партийные силы ослабим с малой пользой для дела, ибо “легальное” выступление наших кандидатов даст лишь полиции готовые списки арестуемых. В большинстве мест России кипит гражданская война. Затишье может быть здесь лишь временное. Подготовка вновь и вновь необходима. Нашей партии соединять это с делом выборов по закону 11 декабря и нецелесообразно, и практически неосуществимо» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 12. С. 167).

¹⁰⁵ В резолюции «Об отношении к Государственной думе», принятой в Стокгольме делегатами партийного съезда в апреле 1906 г., указывалось, что «всюду, где еще предстоят выборы и где РСДРП может выставить своих кандидатов, не вступая в блоки с другими партиями, она должна стремиться провести своих кандидатов в Думу» (Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. М., 1959. С. 526), и от Кутаисской губернии в первую думу прошли три социал-демократа, все – меньшевики.

дили впечатление чего-то очень слабого, совершенно не вытекавшего из предыдущего, ибо можно было признавать законы о Думе совершенно не удовлетворительными и тем не менее не отказываться от тех хотя бы и слабых возможностей, которые заключены в них, как, по выражению Лассалья, в аналогичных обстоятельствах, потеряв прекрасный дамасский кинжал, можно и с дубиной напасть на вора, его укравшего¹⁰⁶. Но раз такой вывод был сделан, он был логически и политически обязателен и для выборов во 2-ю, тем более 3-ю Думу (когда избирательный закон был еще ухудшен), и участие Мякотина и партии народных социалистов в выборах в них было признанием ошибочности своей тактики 1905–1906 гг. Поэтому Струве был не совсем не прав, когда он на одном митинге при выборах во 2-ю Думу говорил о брошюре Мякотина как о сданной в архив истории.

Из аргументации Ленина вытекало требование бойкота активного, боевого, т. е. состоящего в насильственном, толпами бойкотистов, срыве избирательных собраний, разбивании избирательных урн и тому подобном, и, в сущности, только такой бойкот мог бы действительно быть революционным. Из аргументации Мякотина такое требование могло вытекать, но могло и не вытекать. О таком активном бойкоте говорилось, но с ним на избирательные митинги никто не шел (конечно, такая проповедь должна была вести за собой закрытие собраний полицией, но это могло входить в задачу бойкотистов), и тем более, насколько я знаю, нигде не делалось попыток активного срыва самих выборов. Поэтому тактика Ленина в своей чистоте не проводилась, и это отражалось даже на аргументации его сторонников (сам он во время кампании 1905–1906 года был, если не ошибаюсь, за границей¹⁰⁷ и, во всяком случае, в избирательной кампании лично не участвовал), которые постоянно сбивались на аргументацию Мякотина, представлявшую более удобный материал для агитации, тогда как аргументация Ленина была более пригодна для дискуссий на партийных собраниях, чем для воздействия на широкие внепартийные массы.

Боевыми сторонниками участия в выборах были кадеты – и почти они одни. Партии более правые, начиная от октябристов, открытых собраний почти не устраивали; по крайней мере, мне не пришлось побывать ни на одном из них (помню несколько их собраний в 1906–1907 году при выборах во 2-ю Думу), и ни один из их сторонников не выступал на чужих собраниях. Исключение составляет только партия рабочих-монархистов под руководством рабочего Ушакова, которая делала мало удававшиеся попытки устройства рабочих собраний; на них не приходила публика. Один раз я видел Ушакова на чужом митинге, и, несмотря на то что он проводил как будто ту же линию, что и я, мне пришлось резко отмахиваться от него. Из людей внепартийных, стоявших влево от кадетов, постоянно выступал против бойкота я – и почти только я один; других ораторов не припомню. Мне, таким образом, приходилось разойтись и бороться с такими людьми, как Мякотин¹⁰⁸, и лично, и политически очень близкими.

¹⁰⁶ См.: Лассаль Ф. Речь перед судом присяжных / Пер. под ред. и с предисл. Н. Троцкого. СПб., 1905. С. 60.

¹⁰⁷ В. И. Ленин вернулся в Петербург 8 ноября 1905 г., но в апреле 1906 г. выезжал в Стокгольм, где участвовал в IV (Объединительном) съезде РСДРП.

¹⁰⁸ Например, 19 февраля 1906 г. на собрании избирателей Петербургской стороны, отстаивая необходимость участия в выборах, В. В. Водовозов говорил: «У бойкотистов думы есть только один очень сильный аргумент: дума никуда не годится (смех), а, идя в нее, мы ее санкционируем. Я полагаю, однако, что, идя в думу, мы ее не санкционируем. Дума действительно никуда не годится. Из тупика, в который вогнали история и правительство России, ее может вывести действительно только учредительное собрание, созданное на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Но именно потому, что необходимо учредительное собрание, нельзя отказываться от участия в выборах в думу. Нужно пользоваться всеми способами, чтобы организовать народные силы, а одним из них являются, несомненно, выборы в думу. Не отказывались же адвокаты принять участие в деле Шмидта, хотя суд над ним – такая же пародия на правосудие, как государственная дума – на народное представительство. Идея бойкота думы вносит разлагающее начало в организацию общественных сил». Но В. А. Мякотин доказывал на собрании, что, поскольку народ фактически не участвует в выборах, «никто не имеет права говорить в думе от его имени», и подавляющим большинством, свыше 1000 против 10–20 голосов, собрание высказалось за бойкот (см.: Диспут «бойкотистов» и «анти-бойкотистов» // Наша жизнь. 1906. № 375. 21 февр.). 9 марта В. В. Водовозов снова дебатировал с В. А. Мякотиним на собрании избирателей Рождественской части, которое тоже «большинством всех голосов против 15» приняло резолюцию, что «не признает нужным принять участие в выборах в думу» (Там же. № 391. 11 марта).

Из эсдеков особенно часто мне приходилось сталкиваться с Крыленко, выступавшим под кличкой Товарищ Абрам, и другим, выступавшим как Товарищ Николай. Впоследствии этот последний оказался полицейским агентом, однако, по-видимому, не вполне проникшимся полицейским духом, потому что года через два-три после этой кампании он застрелился¹⁰⁹, притом не вследствие разоблачения: разоблачен он был только после смерти¹¹⁰. Нужно заметить, что он производил довольно симпатичное впечатление, во всяком случае более симпатичное, чем противный, наглый и самодовольный Крыленко. В шпионство Товарища Николая все его встречавшие, и я в их числе, поверили лишь с большим трудом после появления в печати неопровержимых документов.

Из кадетов всего чаще я встречался с П. Н. Милюковым, Ф. М. Родичевым, В. М. Гесенем.

Странная была избирательная кампания в первую Думу.

Программы партий, их задачи, думские и внедумские, не затрагивались вовсе. Все сводилось только к одному вопросу: участвовать или бойкотировать, и в связи с ним к критике законов о Думе. Не ведя агитации за активный бойкот, бойкотисты рекомендовали избирателям в день выборов сидеть дома, и к этой проповеди абсентеизма фактически сводилась вся их агитация. Таким образом, ради революционизирования народа они агитировали за бездействие и фактически только ослабляли революционный дух.

В их печатных выступлениях они нередко высказывали мысль: бойкот Булыгинской думы привел к революционной победе, Булыгинская дума была сорвана, в октябре вспыхнула забастовка, был завоеван манифест 17 октября с обещанием новой, во всяком случае несколько, хотя и немного, лучшей Думы. Но и эта Дума совершенно не соответствует ни истинным потребностям народа, ни степени напряжения ее революционной энергии. Поэтому – да здравствует новый бойкот, долой и эту Думу! После ее провала неизбежно будет создано учредительное собрание.

Но эта параллель совершенно не соответствует действительности.

Булыгинская дума вовсе не была сорвана бойкотом, и никакого бойкота этой Думы не было. Тогда действительно нарастала революционная волна, но она шла мимо Думы, не бойкотируя, а просто игнорируя ее; никто ею не интересовался, и это равнодушие рядом с такими посторонними ей явлениями, как забастовки, ее погубило. Совершенно иное происходило в избирательный период 1905–1906 гг. Дума была в центре общего интереса; бойкотисты смотрели на нее как на опасного врага и вели на нее приступ, только увеличивая общий интерес к ней. И уже в силу одного этого их агитация не могла оказаться успешной.

Нужно помнить, что избирательный закон нигде не указывал кворума избирателей. Поэтому десяток рабочих на тысячном заводе, несколько участников съезда уполномоченных могли полнокровно выбрать самих себя в выборщики, а самое ничтожное число выборщиков могло выбрать членов Думы. Дума, созданная несколькими тысячами избирателей по всей Руси, все-таки собралась бы. Этот аргумент приводился нами, противниками бойкота; сторонники возражали:

---

¹⁰⁹ Неточность: И. А. Коновалов, о котором В. И. Ленин отзывался как о «честном», «умелом и беззаветно преданном своему делу наблюдателе» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 23. С. 270, 272), покончил жизнь самоубийством 28 апреля 1911 г.

¹¹⁰ См.: «Среди других имен провокаторов в бумагах Департамента полиции найдено было указание на провокатора, работавшего под кличкой Фин и осведомлявшего о с.-д. партии и с.-д. фракции Гос. Думы. Предпринято было тщательное расследование для обнаружения, кто именно работал под этой кличкой. В расследовании принимал участие эксперт-графолог Захарьин, изучавший ряд докладов Фина. Установлено, что под этой кличкой состоял на службе в охранном отделении Иван Андреевич Коновалов, член петроградского комитета партии с.-д., большевик, известный под партийной кличкой Николай и сотрудничавший в журналах «Современный мир» и «Русское богатство». В 1911 году Коновалов покончил жизнь самоубийством» (*Провокаторы // День.* 1917. № 53. 7 мая). См. также: *Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Берлин; Пб.; М., 1923. Кн. 1. С. 65–66.

– Да, но такая Дума будет лишена всякого авторитета.

История всех предыдущих бойкотов не подтверждает этого утверждения; прусский ландтаг 1849 г., сербская скупщина 1883 г. законодательствовали и пользовались достаточным авторитетом за границей, что самое важное, да и внутри страны. Во всяком случае, из этого ясно, что задачей бойкотистов было подорвать авторитет будущей Думы. Замечательная ирония судьбы: революционеры подрывали авторитет Думы, которая оказалась весьма революционной.

Сторонники участия относились к законам о Думе ничуть не менее отрицательно, чем его противники. За исключением одного П. Н. Милюкова, все они ожидали Думы консервативной (а я был уверен в этом едва ли не больше, чем другие), и все говорили: выбирать необходимо, несмотря на это; хорошо будет уже то, что в Думу вопреки безобразному избирательному закону пройдет десяток-другой прогрессивных депутатов; их голос в ней будет достаточно громок. Нам возражали:

– Не будет ни одного!

– Этого не может быть, если вы своим бойкотом не сделаете этого; но если даже вы окажетесь правыми, то все же истинная воля народа скажется на первых стадиях выборного производства при избрании уполномоченных и выборщиков, и это уже будет иметь свое положительное значение.

Любопытно, что оценка избирательного закона с точки зрения его вероятных последствий была, таким образом, одна и та же и на крайних правых флангах, в правительственных рядах, и в принявшем Думу среднем общественном слое (в партии кадетов), и на крайнем левом фланге. Крыжановский и его товарищи, вырабатывая закон, желали опереться на деревню против города, на невежество против образования и ожидали от них поддержки старой монархии и помещичьей власти, а левые и средние были глубоко уверены, что цель эта законом достигнута. Только один П. Н. Милюков обнаружил большую политическую проницательность, утверждая смелую мысль, что в такой исторический момент, как 1905–1906 годы, при таком политическом единодушии, которое охватило все общественные классы, почти всякий избирательный закон даст один и тот же безусловно оппозиционный результат, отличающийся только в оттенках, и что закон 11 декабря, во всяком случае, исключения не составит. Это, конечно, не мешало ему относиться к закону критически и даже отрицательно.

У кадетов были свои списки рекомендуемых ими выборщиков по городской курии Петербурга, и известны были имена 6 депутатов, которых они собирались проводить на выборах. Поэтому, закончив аргументацию в пользу участия вообще, они обыкновенно кратко заявляли: вот наш список выборщиков, голосуйте за него. Но защищать его не приходилось за отсутствием противников. Если выбирать, то кадетов, – больше некого. Были списки октябристов и правых, но настроение собраний, о которых я говорю, было настолько определено левое, что спорить с октябристами и правыми было совершенно бессмысленно. С левыми же – за отсутствием их кандидатских списков и за нежеланием их вступать на эту почву – спорить не было оснований.

Именно это и делало из всей избирательной кампании нечто крайне бессодержательное и бесплодное. Мое положение было в этом отношении еще печальнее, чем кадетских ораторов. Мне бы хотелось списка более левого, но волей-неволей приходилось заканчивать свои призывы печальным признанием ошибки левых и заявлением, что ввиду этого необходимо голосовать за кадетов, которые, как я говорил, не обещают достаточной решительности в борьбе против существующего порядка, но, во всяком случае, будут стоять за конституцию, за свободу личности и слова, за правовой порядок, за аграрную и другие социальные реформы. Но останавливаться на этих вопросах ни мне, ни самим кадетам, ни их левым противникам не приходилось. Итак, фактически я был сторонником кадетов, хотя и условным.

Иногда, особенно в своих речах в провинции, я делал такого рода указание. Соберутся собрания выборщиков. Последний этап – избрание депутатов – обещает торжество реакции вследствие значительного процента в их числе выборщиков от землевладения. Но выборщики от остальных курий, если настроение избирателей скажется при выборах ясно, смогут заявить протест против избрания депутатов искусственным, ненародным большинством, потребовать изменения избирательного закона и объявить себя истинной законодательной властью. Это был уже революционный призыв; его не всегда я успевал даже договорить до конца, как полиция объявляла собрание закрытым. И когда это бывало на собраниях, созданных по инициативе кадетов, то они не без основания обвиняли меня в том, что я сорвал их собрание.

Остановлюсь подробнее на нескольких отдельных эпизодах.

В первой половине декабря происходило собрание в Териоках. Не помню, кем и для какой специальной цели оно было созвано, но на нем были представители разных партий и, между прочими, П. Н. Милюков. Как везде в ту эпоху, на сцену явился все тот же вопрос: бойкот или выборы.

Милюков на этот раз в своем прогнозе был почему-то осторожнее, чем обыкновенно, и «допускал» возможность торжества на выборах реакции. Но, говорил он, кто бы в окончательном итоге ни победил, выборы явятся великим смотром, на котором будут подсчитаны силы борющихся течений, и мы определенно и наверняка узнаем, имеют ли реакционеры какую-нибудь опору в крестьянстве, в рабочем классе, в горожанах или только в помещиках, и этот подсчет сил будет иметь громадное значение.

Против Милюкова выступил неизвестный мне эсер.

– Для Милюкова, – сказал он, – этот смотр и подсчет сил действительно нужен, – пусть он и выбирает. Но для нас он не нужен. У нас уже были смотры и силы подсчитаны. У нас был «Потемкин», у нас была первая великая октябрьская забастовка, две следующие забастовки, наконец у нас есть московское восстание¹¹¹. Больше смотров не нужно; теперь нам нужно применение подсчитанных сил к делу.

Речь была сказана эффектно и вызвала громкое сочувствие в большей части собрания. Дня через два или три после нее закончилось московское восстание печальным поражением¹¹², и гордое заявление получило свою оценку от хода событий. Исход этот, однако, можно было предвидеть уже в момент произнесения речи.

Другой эпизод относится к городу Тихвину Новгородской губернии. Это случай, когда я имел самый большой в моей жизни ораторский успех, – пожалуй, единственный в моей жизни действительный успех, и он стоит очень ярко в моей памяти. Попробую изложить его со всей возможной объективностью.

В городе Тихвине в конце декабря 1905 г. происходил съезд местных учителей, и я получил приглашение приехать на него для прочтения доклада. Совершенно не помню темы моего доклада, – без сомнения, он был связан с текущим политическим моментом. Доклад был прочитан, вызвал прения.

На следующий день после закрытия съезда должен был в Тихвине состояться совершенно особенный крестьянский митинг, и мне предложили остаться на него. Я согласился и утром, перед митингом, зашел к члену местной земской управы, которого мне рекомендовали, и попросил его дать мне материалы о землевладении в Тихвинском уезде. Он дал их мне, и я наскоро, насколько было возможно, ознакомился с ними. Особенность митинга состояла в том, что он был созван местным предводителем дворянства, впоследствии членом Государственного совета, Буткевичем. Созвание совершилось официально через волостные правления: Бут-

---

¹¹¹ Со 2 по 7 ноября 1905 г. в Петербурге происходила всеобщая забастовка, а 7 декабря в Москве началась всеобщая политическая стачка, переросшая в вооруженное восстание.

¹¹² 16 декабря 1905 г. исполком Московского совета рабочих депутатов постановил прекратить восстание с 18 декабря.

кевич предложил каждой волости прислать по несколько делегатов на митинг, и, таким образом, собрание могло считаться выражающим настроение всего крестьянства целого уезда. Не помню, на каком основании я был на него не только пропущен, но [и] получил слово: вход был свободный, полномочия не проверялись, так что посторонняя публика и, в частности, учителя со съезда присутствовали, но слова Буткевич мог мне не дать.

Собрание происходило после полудня в зале земского собрания. Присутствовало человек 300–400; стулья были вынесены, и все стояли, кроме как у стола президиума. Полиции на собрании не было.

Буткевич открыл собрание такою приблизительно речью:

– Нам предстоит выбрать Государственную думу. Кого же выбирать? Что должна будет делать Дума? Она будет решать государственные дела. А государственных дел много разных. Тут и вопрос, как быть с евреями и другими инородцами, нужно ли им равноправие или нет, словом – национальный вопрос. Тут и вопрос, как мы, Россия, должны вести себя по отношению к иностранным государствам, вопрос иностранной политики. Тут и вопрос, как поднять народное образование. Тут и вопрос, откуда доставать государственные средства, – финансовый. Тут и вопрос о земле. Ведь вот говорят, что крестьяне страдают от малоземелья и что их надо наделить землею. И это правда, малоземелье есть. Но только знаете вы, по сколько придется на душу земли, если всю землю во всей Европейской России разделить поровну? Всего по полторы десятины, а у вас-то их по 4½. Выходит, что от вас еще отобрать придется. Так вот, значит, земельный вопрос – очень трудный и очень важный, и его нужно обсудить обстоятельно. Тут далее и...

И он перечислил еще пять или шесть вопросов тем же мертвым для крестьянской аудитории языком, не умея даже вопрос о финансах заменить вопросом о податях и тому подобном.

– В этом порядке я и предлагаю вести беседу. Утверждает собрание мою программу?

– Утверждаем, – раздалось в двух-трех местах.

– Возражений нет?

Молчание.

– Значит, первый вопрос на очереди – национальный вообще и еврейский в частности. Кто просит слова?

Выступил какой-то социалист-революционер из местных и произнес речь, которая могла бы быть признана недурной в другой обстановке, но здесь звучала чем-то совершенно ненужным. Аудитория явно скучала.

Затем попросил слова какой-то священник. Длинный, тощий, с умным лицом. И начал в таком роде:

– Жиды! Что такое жиды? Это такая вера. Вера поганая, по правде сказать. А только знаете что, ребята? Ведь жиды нашу веру считают поганой. Кто же из нас прав? Знаете что? Предоставим Господу Богу на небе решить это, а сами постараемся жить так, как он нам велел по нашей вере. А велел он нам всех любить и никому зла не делать. И жидам тоже. А исполняем мы это? Что-то не видал. А что нам нужно теперь делать? Выбирать в Думу. Надо выбрать хороших людей. А хорошие ли люди жиды? Знаете что? Бывают скверные, а бывают и очень хорошие. А православные? Тоже бывают хорошие, а бывают такие, что хуже всякого жида. Так можно ли выбрать жида в Думу? Если бы Дума должна была о вере рассуждать, ну тогда нам, православным, не подобало бы выбирать жида. Но ведь Дума будет только о наших земных делах говорить, так знаете что? Будем выбирать того, кто правильнее о них рассуждает, а жид ли он, православный ли, о том спрашивать не будем. Правда, жиды Христа распяли. Да, распяли. Только знаете что, ребята? Ведь это, почитай, 2000 лет тому назад было, а нынешние жиды разве в этом виноваты? Нисколько не виноваты. А вот наши генералы дырявых кораблей понастроили да при Цусиме и потопили, так ведь они снова Христа распяли, и ему это так же больно было, как тогда.

И т. д. Речь была замечательная, невероятная. С точки зрения ораторского искусства она могла вызвать много серьезных замечаний, – отрывистость фраз, постоянное ненужное повторение вопроса: «Знаете что?» – и других. Но речи, которая была бы лучше приноровлена к своей аудитории, сильнее бы на нее действовала, я никогда не слышал, кроме речей Гапона, хотя манера говорить тут была совсем другая: Гапон действовал своим пафосом; тут пафоса не было и в помине, была действительно евангельская простота, в которой чувствовалось глубоко продуманное и прочувствованное убеждение, самая горячая искренность.

Речь, видимо, захватила аудиторию. Я стоял в толпе мужиков.

– Это наш батюшка, из нашего села, – сказал мой сосед, видимо с увлечением слушавший оратора.

– Славный батюшка, – сказал я. – Много у вас в уезде таких?

– Нет, наш батюшка один на весь уезд. Других таких нет.

С этим батюшкой познакомиться мне не удалось; фамилию его я, к сожалению, забыл. Но у разных лиц впоследствии мне удавалось наводить о нем справки, и вплоть до войны я с величайшим удивлением узнавал, что он остается жив и цел, священствует по-прежнему, сильно любим крестьянами как действительно истинный пастырь-бессребреник.

Батюшке возразил несколько слов сам Буткевич, потом какой-то, видимо, крайне правый субъект, потом один левый учитель. Все вертелись в области еврейского вопроса, все были слабы, и аудитория, видимо, скучала.

Попросил слова я:

– Еврейский вопрос очень важен, о нем прекрасно и всю правду сказал батюшка, и прибавить к его словам ничего нельзя и не нужно. Но я думаю, что вам интереснее будут послушать о земле.

– О земле, о земле! – раздалось по всей зале.

– Ну так я и перейду к земле.

Буткевич сделал мне замечание, совершенно, конечно, правильное, что в программе заседания стоят еще два пункта, но в зале раздалось:

– Пусть говорит о земле. О земле! О земле!

Буткевич не мог не уступить, настроение толпы было слишком определенное, и мне таким образом удалось явочным порядком поставить на очередь дня земельный вопрос.

– Вот нам председатель, Михаил Николаевич Буткевич, которому мы должны большое спасибо сказать за то, что он нас собрал и дал нам возможность перед выборами в Думу сообща обсудить, кого выбирать, сказал, что если всю землю в России поделить поровну, то выйдет по 1½ десятины на душу. Так ли это, я не знаю. Россия-матушка велика, и сколько в ней десятин, я не знаю. А вот про Тихвинский уезд я хорошо знаю. Тут 20 000 крестьянских дворов. А вот тут у меня список землевладельцев Тихвинского уезда. Вот на первом месте стоит Андреев. У него, значит, 30 000 десятин земли, усадебной, пашни, лугов и лесов. Так вот одной его земли хватило бы на прирезку к каждому мужицкому двору по 1½ десятины. За ним идет Карпов¹¹³. У него 22 000 десятин. Еще по десятине, да еще и с хвостиком. За ним монастырь Богоявленский¹¹⁴. В нем живут монахи, за нас, грешных, Богу молятся и нетленные богатства на том свете для себя уготовали.

– И жида же эти монахи! – раздается голос в толпе.

– А между тем и о земных не позабыли. У них значится 15 000 десятин земли, и тоже пахота, луга, леса. Земли эти они частью сдают в аренду, а частью обрабатывают, нанимая мужиков.

---

¹¹³ Фамилия Андреева и цифра десятин его земли у меня остались в памяти твердо. Следующие фамилии и цифры я пишу произвольно, но ручаюсь за общий их характер, говорящий о великом земельном изобилии в уезде. Этот Андреев – отец Марии Александровны Андреевой, ученой-византистки, находящейся ныне (1931 г.) в эмиграции, в Праге.

¹¹⁴ Правильно: Тихвинский Богородичный Успенский православный мужской монастырь, основанный в 1560 г.

Затем следовало еще несколько имен – и заключение:

– Так вот, следовательно, в Тихвинском уезде земли столько, что если бы пустить ее в передел, то не отбирать бы от крестьян их наделы понадобилось, а к нынешней крестьянской земле можно было бы прибавить по столько-то десятин на двор. А как живут крестьяне?

Я привел несколько имевшихся у меня общих данных, а затем дал детальное описание одной деревни, назову ее, за запамätованием, Неурожайкой, в тех ярких выражениях, которых я, к сожалению, не могу восстановить, но которые по своей художественной силе положительно напоминают толстовское: «Куренка и то, скажем, выпустить некуда»¹¹⁵. К сожалению, не имею права приписать их себе: я целиком взял их от одного мужика, с которым стоял в толпе до открытия собрания, и повторил дословно. Я остановился на арендных отношениях и на крестьянской заработной плате на помещичьих землях. Меня прервал председатель:

– Господин Водовозов напрасно говорит, что помещики притесняют крестьян. Помещики очень любят крестьян и очень хотят устроить их по-хорошему.

– Я вовсе не говорю, что помещики не любят крестьян. Напротив, помещики постоянно говорят мужику: «Люблю тебя, как душу, и трясу тебя, как грушу».

Лишь только я это сказал, в зале раздался хохот, переходивший в визг.

– И помещики, – продолжал я, – бывают разные. Вот 80 лет тому назад... – и я в общих чертах рассказал историю декабристов, напирая на их требование освобождения крестьян. – Перед этими помещиками я снимаю свою шапку и детям своим закажу снимать ее. А судили их тоже помещики и приговорили одних к повешению, других к каторжным работам. Перед этими помещиками я шапки своей не снимаю.

Председатель опять прервал меня, делая попытку вовсе лишить меня слова:

– У нас мало времени; я хочу дать слово местным людям, которые хорошо знают наши местные дела, а господин Водовозов из Петербурга, он уже все сказал, что мог.

В зале раздались крики:

– Пусть Водовозов говорит! Кто же так хорошо знает наш Тихвинский уезд, как он? Он и нашу Неурожайку знает, а ее сам Бог забыл!

Я видел человека, выкрикнувшего это последнее замечание. Это был тот самый мужик, чьим описанием его деревни я воспользовался, процитировав его дословно. Он совсем не заметил плагиата.

Таким образом аудитория отстояла меня. Тогда я перешел к вопросу, каким образом нужно действовать, чтобы добиться увеличения площади крестьянской земли, и перешел следующим образом:

– Нужно произвести нарезку мужицкой земли. Как это сделать? Что вы скажете, если выбрать от помещиков Тихвинского уезда шесть человек, а от крестьян одного и поручить им произвести эту нарезку?

Аудитория остолбенела. Такого вольта она не ожидала с моей стороны.

– Я вижу, вам не нравится это предложение. И мне оно не нравится. Но только оно не мое. Видите, у меня закон о Государственной думе. В нем сказано: в Тихвинском уезде крестьяне избирают одного выборщика, а помещики – шестерых, затем выборщики разных уездов собираются в Новгороде и выбирают из своей среды членов Думы. Выборщиков от помещиков много больше, и, конечно, они проведут своих людей в Думу, но все-таки один член Думы будет выбран от крестьян. Значит, Дума будет помещичья, и нельзя надеяться, что она проведет нарезку земли как следует, но все-таки голос крестьянский в ней будет слышен.

Председатель опять лишил меня голоса. Но в толпе опять раздались крики в мою пользу. В это время я увидел мужика большого роста, видимо, сильного, со сжатыми кулаками и с искаженным от злобы лицом, пробиравшегося через толпу к трибуне. Я струхнул, вообразив,

---

¹¹⁵ Цитируется комедия Л. Н. Толстого «Плоды просвещения» (Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1982. Т. 11. С. 116).

что имею в нем врага, и хорошо понимал, что на кулаках моя борьба с ним кончится не в мою пользу. Но он протолкался через толпу, поднялся на помост, как бы не замечая меня, подошел к председателю и, поднеся кулак к его лицу, закричал:

– Ты как смеешь мешать Водовозову говорить? Он дело говорит, он за нас говорит!

Тут я испугался уже другого эпилога, который тоже не соответствовал бы моим желаниям, но, к счастью, его не произошло. Мужик подошел ко мне, схватил меня за плечи, толкнул меня немного вперед и потребовал:

– Говори дальше! Какая будет Дума?

В эту минуту председатель позвонил, закрыл собрание и скрылся. Но толпа кричала мне:

– Говори дальше. Говори о Думе!

Я продолжал и развивал свою программу – программу провозглашения коллегиями крестьянских выборщиков себя своего рода местными секциями, поддерживающими крестьянские элементы Думы, всячески подчеркивая, однако, конституционный характер борьбы. Высказался очень решительно и очень определенно против насильственного захвата земли, который неизбежно приведет к новому, вероятно, худшему земельному неравенству. Опасаясь неправильных выводов из моей речи, я остановился на этом пункте очень подробно. Весьма возможно, что между моим конституционализмом и моим же революционеризмом не было достаточно строго и отчетливо проведенной согласованности, что между ними была некоторая неувязка. Но, во всяком случае, обвинения в разнуздывании народных страстей, в призыве к пугачевщине, которые впоследствии до меня долетали, я считаю совершенно несправедливыми, даже лживыми, если они исходили от людей, прослушавших мою речь до конца, не исключая и той части, которая была произнесена в особенно накаленной атмосфере, когда председатель покинул свое место. Нет, от пугачевщины я решительно и настойчиво предостерегал, рекомендуя прежде всего озаботиться избранием в уполномоченные и выборщики хороших людей, понимающих мужицкие нужды.

– Мы тебя выберем!

– Нет, меня выбрать нельзя, – и я вновь объяснял особенности избирательного закона, лишаящего крестьян права выбирать кого-либо, кроме крестьян своей же волости.

Я вновь вернулся к изложению роли Думы и коллегий выборщиков. Тот крестьянин, который поддержал меня и который остался на трибуне около меня, начал вставлять свои замечания:

– А царь, значит, будет на нашей стороне и нас поддержит.

Из толпы раздались сочувственные ему голоса, и сразу стало ясно, что в вопросе о царе вся аудитория настроена вполне монархически и верит в старую концепцию мужицкого царя, отделенного от народа помещиками и чиновниками; следовательно, что формула, установившаяся в Петербурге после 9 января, «нет Бога, нет царя», сюда, в этот чисто крестьянский уезд еще не дошла. А я только что собирался перейти к вопросу о форме государства и разъяснить значение ограничения царской власти. Я почувствовал, что сделать это здесь невозможно.

Если эти строки прочтут большевики, то они, конечно, провозгласят и этого мужика, и всю аудиторию кулаками, а меня – носителем кулацкой идеологии, не пожелавшим колебать царского авторитета. Поскольку такая оценка касается крестьян, она, конечно, не верна: собравшиеся здесь мужики были обычными мужиками-общинниками, жившими на наделе и страдавшими от малоземелья; царский же культ был общим для всей России созданием истории. Поскольку эта оценка касается лично меня, она тоже, конечно, совершенный вздор, так как отступил я от задачи критики царской власти не только вследствие уверенности в ее неизбежной безрезультатности в этой аудитории, но и вследствие нежелания поставить на карту положительные результаты моей речи.

После ухода председателя моя речь продолжалась еще с полчаса (а всего, с перерывами, свыше двух с половиной). Но дальнейшее продолжение оказалось невозможным. Кричали и

говорили с мест, роль председателя самозванным образом взял на себя мой спаситель-мужик, но, не располагая ни председательской опытностью, ни каким-либо личным авторитетом, он не мог ее исполнить.

– Ты чего, Андрюха, лезешь! Помолчи лучше. А ты, кто там, что ты говоришь? Говори, – выкрикивал он из-за председательского стола.

Говорили о том, кого выбрать в уполномоченные от волостей, – мои разъяснения избирательного закона, видимо, были поняты и усвоены, но намечать кандидатов от волости в этом собрании, объединявшем все волости уезда, было, очевидно, невозможно. Выкрикивались и имена выборщика от уезда, но называлось несколько разных имен, причем было ясно, что нет ни одного крестьянского имени, известного всему уезду. Я был оттиснут и должен был замолчать, не вполне закончив мою речь.

В эту минуту ко мне подошел один учитель.

– На площади собралась полиция; сейчас, очевидно, войдет в собрание. Вероятно, Буткевич отсюда побежал с доносом. Я вас выведу задним ходом.

Я ушел к местному доктору, у которого остановился.

– Вам необходимо сейчас же уезжать.

Это был общий голос всех собравшихся сюда из зала земского собрания.

Железная дорога от Петербурга к Вологде, по которой я приехал, только незадолго перед тем открылась, – по ней было только так называемое временное движение¹¹⁶; поезда ходили раз в день, и то неаккуратно, и единственный поезд в Петербург отошел часа за два перед тем. Ждать следующего приходилось почти сутки, точно так же и поезда в обратном направлении, к Вологде. И мне предложили ехать на почтовых к Шлиссельбургу, что я и сделал.

Между тем в собрании, как мне рассказывали потом, минут через двадцать меня хватились.

– А где же Водовозов?

Один из учителей объяснил:

– Его хотела арестовать полиция, и мы его увели.

– А он не арестован?

– Нет, он в безопасности, у друзей.

– Мы все его друзья. А только вы скажите, если он арестован. Мы пойдем его отбивать.

– Нет, нет, он в полной безопасности.

Собрание начало мирно расходиться. Полиция вошла в зал, только когда он уже наполовину опустел, и мирно распустила оставшихся. Никаких инцидентов не произошло.

К доктору явилась полиция, осмотрела все комнаты и удалилась, не найдя меня. В тот же вечер она посетила еще несколько квартир с той же целью, но я был уже далеко. В Петербург, видимо, не было послано требование об аресте, и вся эта история прошла мне даром.

Недели через три после этого митинга, в январе 1906 г., я ездил в Казань по приглашению одной местной общественной группы прочитать три публичные лекции. Первая лекция – о всеобщем избирательном праве (чисто теоретическая, хотя и с практическим применением к России) – прошла благополучно. На второй лекции, о Государственной думе на основании законов о ней, по своим заданиям тоже теоретической, произошел инцидент. Я говорил о собраниях выборщиков. Объяснил их права и обязанности по закону и, желая сохранить возможно объективный, теоретический тон, не в форме предложения, а в форме теоретического соображения – о вероятности, что собрания выборщиков от некоторых курий сочтут нужным сохранить свое существование для контроля за деятельностью Думы. Частный пристав немедленно поднялся с места и объявил о закрытии собрания. В публике это вызвало сильнейшее возмущение. Она потребовала составления протокола и в протокол включила протест против ничем не

---

¹¹⁶ Временное движение по Петербурго-Вологодской железной дороге было открыто в сентябре 1905 г.

обоснованного закрытия. Под протестом подписалось много людей, самый протест писал А. В. Васильев, профессор математики, кадет, присутствовавший на обеих лекциях. Третья лекция – о роли политических партий в государственной жизни конституционных государств – была запрещена и не состоялась¹¹⁷.

Вспоминается мне еще одно собрание в Петербурге, собравшееся или, лучше сказать, не состоявшееся за несколько дней, может быть, накануне открытия Думы в апреле 1906 г.¹¹⁸ Собрание было созвано кадетами в зале Вольного экономического общества¹¹⁹. На нем присутствовало несколько уже выбранных членов Думы, в том числе Родичев. Цель собрания – тактика в Государственной думе. Председателем был Родичев. Не знаю, по какой причине, но едва только Родичев произнес несколько вступительных слов, как в залу явилась полиция.

– Объявляю собрание распущенным, – возгласил пристав.

Закрытие было особенно наглым. Никаких поводов к его закрытию не было, и оно было просто заявлением о торжестве новых начал во внутренней политике, связанных с образованием нового министерства (Горемыкина)¹²⁰. Во всяком случае, истекшая зима подобных прецедентов не знала.

Публика в негодовании повскакала с мест, раздались возмущенные крики. Родичев сделал величественный жест рукой, успокаивая публику, и трагическим голосом обратился к приставу:

– Господин частный пристав! Назовите ваше имя, чтобы оно было покрыто презрением в истории, как имя человека, посягнувшего на права избранных русского народа.

Пристав назвал себя (увы, в моем, по крайней мере, лице как мемуариста история обнаружила слишком короткую память, и я не могу предать его имя вечному презрению), но повторил требование о расхождении. Родичев обратился к публике:

– Мы разойдемся, разойдемся спокойно, чтобы не доставить удовольствия людям, желающим обогатить кровью первую страницу истории русского конституционализма. Мы разойдемся, но дадим себе клятву не забыть этого насилия над волей народа и пригвоздим ваше имя к позорному столбу.

По-видимому, перед духовным взором Родичева носился образ Мирабо. Но историческая обстановка была другая, и пафос Родичева производил впечатление скорее комическое

---

¹¹⁷ В. В. Водовозов был приглашен юридическим обществом при Казанском университете для прочтения публичных лекций – «Всеобщее избирательное право», «О системе выборов в Государственную думу» и «Что такое конституция?», назначенных соответственно на 23, 24 и 25 января 1906 г. Но вторая лекция была сорвана полицией, ибо оратор «блистательно, дельно, оставаясь все время последовательным» критиковал избирательную систему как «неумелый плод бюрократического творчества» (см.: *Б-н Илья*. Вторая лекция В. В. Водовозова. (Письмо в редакцию) // Казанский телеграф. 1906. № 3898. 26 янв.). В «Протоколе о закрытии собрания юридического общества 24 января» указывалось, что Водовозов, читая лекцию «в клубе служащих правительственных и общественных учреждений на публичном платном заседании», назвал Государственную думу «обманом правительства», высказываясь «в оскорбительных тонах против самодержавия», на основании чего по требованию временно исправляющего должность полицеймейстера Казани собрание было «распущено». Протестуя, члены юридического общества указали «г. полицеймейстеру на несоблюдение им закона 12 октября о двукратном предупреждении», которое он должен был сделать лектору, прежде чем закрывать собрание (на что тот ответил: «Незаконно – тем лучше!»), подчеркивая, что «вся лекция г. Водовозова носила характер академический и никаких оскорбительных слов против самодержавия им произнесено не было» (Из зала юридического заседания 24 января // Волжский листок. 1906. № 364. 26 янв.). Поскольку третью лекцию запретили, в тот же день, 25 января, Водовозов покинул Казань (см. также: Из юридического заседания 23 января // Там же. № 363. 25 янв.; 2-я лекция В. Водовозова // Вечернее эхо. 1906. № 30, 31. 26, 27 янв.).

¹¹⁸ Открытие 1-й Государственной думы состоялось 27 апреля 1906 г.

¹¹⁹ Императорское Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства – научное общество, учрежденное в 1765 г., которое, согласно уставу 1872 г., включало три отделения: сельскохозяйственное, технических сельскохозяйственных производств и земледельческой техники, политической экономии и сельскохозяйственной статистики; один из центров сплочения либерально-демократической оппозиции; В. В. Водовозов был избран членом ВЭО на его общем собрании 24 февраля 1905 г. (см.: ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2114. Л. 8).

¹²⁰ И. Л. Горемыкин сменил С. Ю. Витте на посту председателя Совета министров 22 апреля 1906 г.

или даже водевильное, чем трагическое. Пристав к позорной памяти в истории относился, видимо, совершенно хладнокровно¹²¹.

Революция кончилась, иначе беспричинный роспуск собрания с несколькими членами Думы не мог бы произойти так спокойно, а произошло бы по меньшей степени то, что было в Киеве на лекции Лункевича. И этот мирный роспуск собрания был прообразом близкого роспуска самой Думы, который тоже не вызвал протеста. Мысль о возможности такого роспуска уже тогда, до ее открытия бродила в головах и порой высказывалась. И на ней особенно настаивали бойкотисты.

Когда первые результаты выборов явственно обнаружили совершенную ошибочность всех прогнозов, то бойкотисты неизбежно должны были изменить характер своей критики. С критики избирательного закона они перенесли ее на органический закон о Думе и стали напирать на ее бесправие и предсказывать ее скорый разгон, если она действительно решится потребовать серьезных реформ.

Расскажу здесь еще об одном митинге, на котором главную роль сыграл тоже Родичев и который происходил недели за две, за три до митинга в Вольном экономическом обществе. Возражая социал-демократам на их пророчество о скором роспуске Думы, Родичев на этом митинге со свойственным ему страстным пафосом сказал:

– Не найдется такого безумца, который посмеет разогнать Думу. А если найдется, то он немедленно свалится в пропасть!

Фраза, как все подобные фразы, вызвала громкие аплодисменты. Аплодировали кадеты все, может быть, даже те, кто только что соглашался с мрачным пророчеством. Фраза была действительно очень красиво построена и эффектно произнесена, с соответственной жестикуляцией. В ней была уверенность в народной поддержке и скрытая угроза революцией, столь чуждая духу кадетизма и объясняющаяся не столько личными убеждениями или даже личным темпераментом Родичева, сколько характером его красноречия, в котором не столько оратор

¹²¹ Неточность: речь идет о заседании III отделения Вольного экономического общества 24 апреля 1906 г., на котором председательствовал Н. Ф. Анненский и ожидалась дискуссия на тему «Современное положение страны и Государственная дума». Среди публики находилось около 100 депутатов и члены Государственного совета, но «после вступительного слова Н. Ф. Анненского и доклада В. А. Мякотина совершенно неожиданно появился пристав и заявил, что настоящее заседание по распоряжению градоначальника немедленно должно быть закрыто. Председательствующий, обращаясь к приставу, заявляет: “Требование градоначальника незаконно. Мы действуем на основании Высочайше утвержденного устава, по которому никто не имеет права без моего разрешения сюда входить. Вы нарушили устав. Прошу вас оставить зал заседания”. Сказав это, Н. Ф. предоставил слово следующему по списку оратору – В. В. Водовозову. Но не успел еще В. В. взойти на кафедру, как в зал заседания введен был усиленный отряд вооруженных городовых, человек в 100. Публика заволновалась, и некоторые из присутствовавших устремились к выходу. Председатель просит собрание оставаться совершенно спокойно на местах и предоставляет слово президенту Вольного экономического общества, члену государственной думы, гр. Гейдену. Гр. Гейден требует немедленного составления протокола, чтобы иметь, таким образом, возможность обжаловать незаконные действия градоначальника в Сенате. Пристав заявляет, что ничего не имеет против составления протокола, но находит, что публика должна заранее оставить зал заседания. <...> При выходе публике пришлось буквально проходить “сквозь строй” двух рот солдат Измайловского полка, в полной боевой амуниции расположившихся против здания Вольного экономического общества, усиленного наряда конных городовых, вооруженных винтовками, и конных жандармов, оцепивших всю улицу» (Заседание Вольного экономического общества // Речь. 1906. № 57. 25 апр.). На следующем заседании общества 25 апреля снова председательствовал Н. Ф. Анненский, но когда С. Н. Прокопович начал свой доклад по аграрному вопросу, опять «в зал ураганом ворвался отряд городовых, человек в сто, занявших все входы и выходы», а «предводительствовавший им участковый пристав объявил заседание закрытым». Отказавшись подчиниться, Анненский тут же огласил грамоту Екатерины II о предоставлении обществу «известных вольностей» и подтверждающий их «рескрипт царствующего монарха». На вопрос, продолжает ли пристав настаивать на закрытии заседания, последовал ответ: «Я послан сюда для действия вооруженной силой в случае сопротивления нашим требованиям». Заявив, что «уступает одной только физической силе, против которой собрание бессильно», Анненский попросил публику оставить зал, что было встречено «громкими протестами и резкими возгласами» (В Вольно-экономическом обществе // Там же. № 58. 26 апр.). Вслед за этим на собрании избирателей Коломенского района в Большом зале Дома трудолюбия на трибуне появился «встреченный бурными аплодисментами В. В. Водовозов», начавший свою речь «с рассказа о насилии, только что совершенном над собранием в В[ольно]-э[кономическом] о[бществе]», после чего была единогласно принята резолюция, призывавшая думу «покончить с нынешним режимом, освободить борцов за права народа, утвердить свободы, выработать избирательный закон, обеспечивающий народовластие, вырвать власть из грязных рук бюрократии и предать суду насильников» (Е. К. В Коломенском районе // Наша жизнь. 1906. № 431. 28 апр.).

владеет словом, сколько слово – оратором. Фраза эта имела в следующем году свой отголосок, о котором я расскажу в своем месте.

Дошла ли тактика бойкота до широких народных масс и каков ее общий итог?

Официальная статистика выборов никогда не была опубликована, и, следовательно, общих цифр абсентеизма избирателей мы определить не можем.

По отрывочным горсткам данных мы, однако, знаем, что из городских избирателей явилось на выборы около 50%, а в Петербурге – даже 54%, – цифра очень значительная для первых политических выборов, да еще двухстепенных (двухстепенность всегда усиливала абсентеизм). В Германии на выборы в рейхстаг 1876 г. явилось к урнам даже несколько меньше, а там это были не первые выборы и выборы, происходившие на основе всеобщности, которая всегда высоко поднимает избирательную энергию. Следовательно, нужно признать, что на городских избирателей агитация бойкотистов сколько-нибудь заметного влияния не произвела. Не статистически, но индивидуально я знаю, что очень многие избиратели, во время кампании стоявшие за бойкот, в последнюю минуту не удержались и голосовали за чуждых им кадетов; некоторые сами сознавались мне в этом (между прочими – В. И. Семевский). Но некоторое влияние бойкот все-таки произвел: в следующем году, когда бойкота не было, при выборах во 2-ю Думу в Петербурге на выборы явилось 70% избирателей.

Крестьянство к выборам отнеслось восторженно; до него агитация бойкота не дошла вовсе. И именно в крестьянских выборах имеются с этой точки зрения в высшей степени комические явления. От крестьянства Саратовской губернии был выбран Г. К. Ульянов (однофамилец, не родственник Ленина), по партийной принадлежности – социалист-революционер. Он был решительным сторонником бойкота, но не мог протестовать против своего избрания, так как сидел в тюрьме¹²² (в первую Думу заочное избрание сидящих в тюрьме или находившихся в административной ссылке было возможно и признавалось; так был избран из числа кадетов Гредескул¹²³, из трудовиков – очень многие). После избрания он был освобожден. Намеревался отказаться, но не сделал этого. Почему? Кто знает; объяснения на этот счет он давал мне довольно путанные: то ли он хотел сделать свой отказ более эффектным, произведя его в самой Думе, то ли переменил свое мнение. Вероятно, сыграли свою роль самые различные мотивы, не исключая и мотивов самолюбия. Во всяком случае, он свой отказ отложил, а пока что был очень дельным и порядочным, хотя и второстепенным деятелем Трудовой группы. Заочно был выбран и Аникин¹²⁴, тоже эсер и тоже бойкотист. Некоторые бойкотисты были выбраны не заочно, а так, что их избрали в уполномоченные против их желания; они приняли избрание, чтобы на съезде уполномоченных говорить против избрания выборщиков, но там повторилась та же история. Ну а на собрании выборщиков отказаться идти в Думу уже не хватило силы воли, – уж очень это лестно было. Если меня не обманывает память, так был избран Седельников¹²⁵, тоже социалист-революционер, примкнувший к трудовикам.

Наконец, рабочая курия. Сюда проповедь бойкота несомненно дошла и произвела свое влияние. Петербургские рабочие почти поголовно либо отказались выбирать, либо в виде иронического протеста избирали собаку Розу или фабричную трубу, о чем составляли протоколы.

¹²² Г. К. Ульянов, член Саратовского комитета ПСР, арестованный в сентябре и высланный в декабре 1905 г. в Восточную Сибирь, был возвращен с этапа в связи с избранием 14 апреля 1906 г. в Государственную думу от общего состава выборщиков Саратовского губернского избирательного собрания.

¹²³ Н. А. Гредескул, редактировавший харьковскую газету «Мир», был арестован и сослан на три года в Архангельскую губернию, но освобожден в связи с избранием 21 апреля 1906 г. в Государственную думу от съезда городских избирателей Харькова.

¹²⁴ С. В. Аникин, подвергавшийся арестам в 1904 и 1905 гг., являясь членом губернского бюро Всероссийского крестьянского союза, был избран в Государственную думу 14 апреля 1906 г. съездом уполномоченных от волостей Саратовской губернии.

¹²⁵ Т. И. Седельников, землемер, был избран в Государственную думу 20 апреля 1906 г. от общего состава выборщиков Оренбургского губернского избирательного собрания.

Однако партия рабочих-монархистов (ушаковцев)¹²⁶, весьма немногочисленная, едва ли не вся состоящая на жаловании у полиции, пользуясь абсентеизмом рабочих, провела избрание необходимого числа выборщиков, и вся рабочая курия Петербурга состояла из ухаковцев.

В провинции, однако, нашлись некоторые личности, в которых в рабочей курии идея бойкота встретила сознательный протест и где рабочие, за воздержанием партийных эсдеков, выбрали рабочих¹²⁷, формально к ним не принадлежащих, но им сочувствующих. Фамилия наиболее выдающегося из них – Михайличенко. Первоначально он вместе с несколькими товарищами примкнул к Трудовой группе; потом, когда подъехали депутаты с Кавказа, где вследствие отказа от тактики бойкота было избрано несколько социал-демократов, они вышли из группы и присоединились к социал-демократам¹²⁸. Это было перед самым разгоном Думы¹²⁹.

Итак, в общем и целом нужно признать, что влияние бойкота на ход выборов сказалось заметным образом только в рабочей курии. Но на составе Думы оно отразилось весьма значительно: благодаря ему в Думе не было левых партий (если не считать нескольких уже указанных мною исключений) и, вероятно, только благодаря ему в Думе образовалась Трудовая группа.

Но каков итог бойкота в других отношениях, в его влиянии на общий ход истории? Ответ на этот вопрос несомненно может быть только субъективным. С моей стороны я даю такой.

Во-первых, бойкот лишил русский народ или, по крайней мере, население городов на время первых выборов такой прекрасной школы, какой всегда являются политические выборы, и в особенности первые. Никогда ни раньше, ни позже, вплоть до 1917 г., не было таких благоприятных условий для сообщения народу начатков политических знаний. Собрания были почти совершенно свободны; несколько нарушений этой свободы не уничтожают ее. Созывались легко. Жажда учиться была у горожан громадная. Все митинги были переполнены. И вот вместо того, чтобы говорить о формах политической жизни, о парламентаризме и конституционализме, о различных системах государственных финансов, о местном самоуправлении, об аграрной реформе, о необходимых социальных реформах, мы бестолково топтались на одном и том же узком вопросе, имеющем второстепенное значение. То, что народ потерял таким образом целую зиму обучения в политической школе, – это результат тактики бойкота. Конечно, невозможно определить, как это отразилось на уровне общего политического развития.

Во-вторых, бойкот помешал левым партиям провозгласить лозунг всемерной поддержки Думы, содействовал понижению ее авторитета и облегчил правительству ее разгон, а после разгона содействовал тому, что Выборгское воззвание¹³⁰ почти не имело отголосков и самый разгон не вызвал протеста.

В-третьих, рекомендуя абсентеизм, он вообще содействовал понижению политической активности.

Таковы, по моему мнению, три результата бойкота.

---

¹²⁶ Независимая социальная рабочая партия (независимцы, ухаковцы) была основана в конце 1905 г. рабочим Экспедиции заготовления государственных бумаг М. А. Ушаковым, пользовавшимся покровительством С. В. Зубатова и С. Ю. Витте; выступала за примирение труда и капитала, невмешательство рабочих в политику; издавала «Рабочую газету» (1906. № 1–46; 1908. № 1–4).

¹²⁷ В состав 1-й Государственной думы были избрано 23 рабочих (см.: Государственная дума Российской империи. 1906–1917. М., 2008. С. 447).

¹²⁸ Социал-демократическая фракция 1-й Государственной думы насчитывала 18 человек.

¹²⁹ 1-я Государственная дума была распущена 9 июля 1906 г., ибо выборные от населения, пенял им Николай II в своем Манифесте, «уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от нас местных властей, к указаниям нам на несовершенство законов Основных, изменения которых могут быть предприняты лишь нашей монаршей волей, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению», из-за чего «смущенное таковыми беспорядками крестьянство, не ожидая законного улучшения своего положения, перешло в целом ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества, неповиновению закону и законным властям» (Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. 26. 1906. Отд. I. СПб., 1909. № 28105. С. 738).

¹³⁰ Воззвание «Народу от народных представителей», принятое 8 июля 1906 г. в Выборге бывшими депутатами 1-й Государственной думы в связи с ее роспуском, содержало призыв к гражданскому неповиновению.

Несомненно, однако, что нет надобности преувеличивать значение этого второго и третьего результатов бойкота: он, как я уже сказал, вообще дошел только до рабочих, а на остальные курии имел только частичное влияние. Если же разгон Думы не вызвал революционной вспышки, то главным образом это объяснялось тем, что революционная волна спала, революционная энергия сильно понизилась. Объяснять такое широкое и общее историческое явление не место в простых воспоминаниях; для этого нужно историческое исследование. Но факт налицо: той революционной энергии, которая имелась во время октябрьской забастовки, во время Думы уже не было. И участие в выборах в Думу несомненно находилось в некоторой связи с этим явлением; только нет оснований думать, чтобы эта связь была причинной.

Можно отметить еще один результат бойкота, не столько общественный, сколько личный. Благодаря ему целый ряд талантливых людей, которые могли бы развернуться на думской арене, в нее не попали. К числу таких людей я причисляю прежде всего редакторов «Русского богатства» Мякотина, Анненского, Пешехонова; очень много вероятности, что они или, по крайней мере, кто-нибудь из них мог пройти в Думу по городскому цензу в Петербурге в блоке с кадетами. Потом, когда они отказались от тактики бойкота, эта возможность была потеряна: вследствие привлечения к суду¹³¹ они утратили цензы.

---

¹³¹ 12 января 1907 г. судебный следователь 6-го участка г. С.-Петербурга, вследствие предложения прокурора С.-Петербургской судебной палаты от 31 декабря 1906 г., постановил привлечь в качестве обвиняемых Н. Ф. Анненского, М. В. Беренштама, В. Г. Богораза (Тана), С. Я. Елпатьевского, Ф. Д. Крюкова, В. А. Мякотина, А. В. Пешехонова, В. И. Семевского, В. И. Чарнолуцкого и др., «предъявив им обвинение в том, что в 1906 г. в г. С.-Петербурге, действуя по предварительному между собой соглашению, они составили сообщество под наименованием “Трудовая (народно-социалистическая) партия”, поставив целью деятельности этого сообщества ниспровержение существующего общественного строя посредством созыва учредительного собрания» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 950. Л. 1).

Глава IV. Дума народного гнева. – Всеобщая вера в нее. – Кадеты. – Образование Трудовой группы. – Аладьин, Аникин, Жилкин, Брамсон. – Политические настроения в Трудовой группе. – Разногласия в ней. – Указания на факт раскола неосновательны. – Поездка в Выборг и составление Выборгского воззвания. – Его значение

«Дума народного гнева» была избрана. Такую кличку я дал ей на одном из последних перед ее открытием митингов¹³², и кличка пошла в ход¹³³. Я противопоставлял «народный гнев» «народной воле», настаивая на том, что за точную выразительницу народной воли, за верное народное представительство нельзя признать собрание, избранное на основе крайне уродливого закона, искаженного цензом, куриальностью, неравенством и отсутствием свободы агитации. То же, что Дума будет выразительницей народного гнева, было ясно видно еще до ее открытия. Через несколько лет, однако, перечитывая ее стенографические отчеты¹³⁴, я, не отказываясь от этой клички, был склонен вместе с тем признать ее и органом народной воли, согласившись с указанием Милюкова, что в известные исторические моменты одна воля охватывает все слои населения и содержание избирательного закона сравнительно мало влияет на состав палаты.

Трудно теперь представить себе тот общий восторг, который в последние дни перед ее открытием охватывал, все нарастая, все население России и достиг своего апогея в самый день открытия, 27 апреля 1906 г., чтобы скоро смениться сперва некоторым недоумением, потом полнейшим разочарованием. Трудно потому, что теперь, хорошо зная последующие факты, останавливаешься перед вопросом: на чем же основывались надежды? Выборы ясно говорили, что народ настроен против правительства, но вся деятельность правительства за последние месяцы свидетельствовала о все еще не сломленной его силе и о том, что оно вовсе не намерено склоняться перед народной волей. Помимо всей полицейской деятельности министра внутренних дел Дурново, вновь наполнившего тюрьмы и ссылку, опустошенные октябрьской амнистией, об этом ясно говорило назначение министерства старого и упрямого бюрократа Горемыкина (за несколько дней до открытия Думы); издание основных законов, явно избегавших слова «конституция»; весь тон официальной и официозной печати; погромная деятельность черносотенных организаций, находивших открытую поддержку в правительстве и встречавших покровительственное одобрение в самом монархе.

Оснований для надежды не было, и тем не менее она была и среди широких крестьянских масс, и среди интеллигенции. Крестьяне толпами провожали своих избранников на вокзалы и кричали им:

---

¹³² Выступая 16 марта в театре Немецки на собрании с участием около 3 тыс. человек, В. В. Водовозов говорил: «...дума – оппозиционная. Выборы доказали, что у правительства нет сторонников, что нет ни одного класса, ни одной группы населения, на которую оно могло бы опереться. И чиновники, и купцы, и помещики подавали свои голоса за к[а]д[етов] и этим самым подчеркивали свое недоверие правительству. Преступления же военных агентов, избияния, казни, пред которыми бледнеют ужасы французской революции, толкают массы в ряды революционеров. <...> В чем же должна выразиться деятельность думы? Она должна помнить, что не является органом народной воли, а только *органом народного гнева*. Она не должна заниматься положительной работой. Все основные вопросы нашей жизни, аграрный, рабочий и др., может решить только народ в лице его истинных представителей. Поэтому дума должна потребовать учредительного собрания» (цит. по: Б. Э. О тактике левых в думе // Наша жизнь. 1906. № 422. 18 апр.).

¹³³ См., например: «Дума народного гнева». Избранные места из речей, произнесенных в Первой русской думе / Сост. Михаил Гурлянд. СПб., 1907.

¹³⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 1–3.

– Без воли и земли не возвращайтесь!

Депутаты тоже были охвачены верой. Всего горячее верили победители-кадеты¹³⁵. Родичев прямо сиял торжеством победы, и даже рассказанный мной эпизод с разгоном без всякого повода митинга, на котором он председательствовал, не поколебал его убежденности. Так же горячо верили крестьяне-трудовики. Нотки сомнения прорывались у трудовиков-интеллигентов, например у Л. М. Брамсона, но и то очень слабые и у очень немногих. Такую же веру имело и подавляющее большинство как кадетской, так и внепартийной интеллигенции, отчасти даже массовых социал-демократов и социалистов-революционеров, кроме лидеров и профессиональных партийных деятелей, обязанных – в силу верности своему знамени и своему недавнему прошлому – сомневаться. Недаром, когда пароход с депутатами проезжал по Неве вблизи так называемых Крестов, из-за железных тюремных решеток потянулись руки с носовыми платками, приветствовавшие депутатов, а большинство заключенных принадлежало ведь к одной из двух социалистических партий, вчера еще бойкотировавших выборы. На эту трогательную демонстрацию депутаты отвечали криками:

– Первая наша задача – амнистия для вас!

Крики с парохода, вероятно, до тюремных камер не доносились, но в смысле их арестанты могли не сомневаться. Требование амнистии носилось в воздухе¹³⁶, о нем кричали народные толпы, приветствовавшие депутатов, входивших в Таврический дворец.

И все, и депутаты, и публика верили, что стоит только Думе потребовать политической амнистии, и тюремные двери откроются. Стоит им потребовать отставки министерства, и оно уйдет, и места министров займут Муромцев, Милюков, Набоков. Стоит им потребовать аграрной реформы, и... Тут, конечно, приходилось остановиться. Всякому интеллигенту было понятно, что аграрная реформа слишком трудна для уверенности, что она может пройти без сучка и задоринки. Но в остальное верили, не допуская сомнения. А в это верили крестьяне.

Сомнения, как я уже сказал, позволяли себе официальные партийные ораторы левых (бойкотировавших) партий, а также некоторые отдельные лица. В их числе был я, издавна склонный к пессимизму, и некоторые (не все) члены нашей редакции. Во всяком случае, «Наша жизнь», встретившая новый, 1906 г. (моим) пророчеством о потоках крови, и при открытии Думы предавалась ликованиям гораздо умереннее, чем другие газеты.

Недели через две после открытия Думы я на одном митинге, протестуя против излишества восторгов и ожиданий, сказал:

– Многие верили, что стоит собраться Думе, и при первых же ее речах раскроются двери тюрем и падут твердыни самодержавия, как от иерихонских труб. Но вот уже две недели, как Дума собралась, а двери тюрем до сих пор крепко заперты, и бюрократический Иерихон стоит прочно.

¹³⁵ Конституционно-демократическая фракция 1-й Государственной думы оказалась самой многочисленной и к концу сессии объединяла 178 депутатов (см.: Государственная дума Российской империи. 1906–1917. С. 283). Но В. В. Водовозов считал, что, поскольку выборы проводились не на основе всеобщего голосования, кадеты, которые из-за тактики бойкота, проводимой левыми партиями, «тщательно остерегались мараить себя союзами налево и в то же время делали охотно книксены направо», не имеют «ни малейшего права называть себя избранниками или представителями народа». И далее он писал: «Пусть кадеты исполнят данные ими обещания, или в случае невозможности их исполнить пусть мужественно борются за них в думе и вне думы, и мы, избиратели поневоле, избиравшие их за отсутствием других кандидатов, забудем их ошибки. В таком случае, но только в таком случае, после завоевания всеобщего избирательного права они смогут, может быть, действительно получить свой мандат от народа и обратиться в действительных народных представителей» (Водовозов В. Поражение правительства // Наша жизнь. 1906. № 406. 29 марта). На это орган кадетов отвечал: «В “Нашей жизни” г. Водовозов великодушно обещает к.-д. партии забыть ее ошибки, допущенные по отношению к правым и левым, если партия в думе исполнит то, что рекомендует г. Водовозов. Так как указываемые г. Водовозовым ошибки в действительности не имели места, то мы бы могли утешиться тем, что и прощать нечего. Но увы! Нам все-таки не удастся заслужить прощения г. Водовозова, ибо, как бы мы этим ни дорожили, мы предпочтем идти той именно дорогой, по которой г. Водовозов отказался с нами идти» (Печать // Речь. 1906. № 35. 30 марта).

¹³⁶ См.: Водовозов В. Амнистия // Наша жизнь. 1906. № 463, 465. 4, 7 июня; *Он же*. Дума и партии. К вопросу об амнистии // Там же. № 482. 27 июня.

Эти слова в кадетских газетах были приведены без их мотивировки, т. е. обращены в обвинение мною Думы, которая должна бы, но не сумела в две недели произвести преобразование всего государственного строя, и высмеяны как наивность. Не раз на митингах Родичев и другие кадеты приводили их против меня как явную нелепость, тогда как они были сказаны мною не против Думы, а против их необоснованных надежд и обещаний. Если же деятельность Думы обманула мои от нее ожидания, то только к лучшему, а не худшему.

Итак, настроение в день открытия Думы должно быть охарактеризовано одним словом: общий восторг. А между тем характерно, что власти в это праздничное настроение постарались без всякой нужды влить несколько капель горечи. Как известно, Дума должна была собраться в Зимнем дворце. Там Николай II открыл ее небольшой тронной речью, в которой на Думу налагалась обязанность служения «мне» и родине; «я» было на первом месте и еще нарочито подчеркнуто тоном голоса¹³⁷. После речи Николая депутаты на пароходе были отведены по Неве к Таврическому дворцу. И вот по каким-то непонятным соображениям администрации Дворцовый, наверное, а кажется, также Троицкий и Литейный мосты были разведены, а по некоторым примыкающим к Зимнему дворцу улицам движение как экипажей, так даже и пешеходов было приостановлено на несколько часов. Смысл этой меры вызывал общее недоумение. Для людей, живших на Васильевском острове (или, по крайней мере, в его восточной части), имевших необходимость утром пройти куда-нибудь в район Гостиного двора, эта мера представляла некоторое, но, главное, совершенно лишнее затруднение¹³⁸. Она ясно говорила, что от своего произвола правительственная власть отказываться не намерена.

Первая Дума должна была состоять из 524 депутатов, но вначале состояла менее чем из 500, да и под конец – только из 499. Депутаты от Кавказа были избраны только в мае, а депутаты от Сибири и Среднеазиатской России вовсе не были избраны до разгона Думы. Из них было 160 кадетов¹³⁹, около 40 было поляков и треть представителей разных национальностей; остальные, избранные в качестве беспартийных, представляли бесформенную массу депутатов различных политических оттенков.

Из кадетов в Думе налицо был весь ее цвет: Муромцев, Петрункевич, Герценштейн, Шаховской, Родичев, Петр Долгоруков, Кокошкин, Набоков и другие. Не хватало только Милюкова, который не имел избирательного ценза и в Думу не попал. Были и люди, не сделавшие чести своему лагерю, как Гредескул (даже избранный товарищем председателя), впоследствии, после 1917 г., перебежавший в лагерь большевиков и обливавший грязью своих бывших товарищей. Был и священник Афанасьев, через несколько лет разоблаченный в качестве шпиона на постоянном, хотя и очень скромном жаловании из Департамента полиции (помнится, не то 50, не то даже 30 рублей в месяц). После этого разоблачения кадеты (особенно упорно Аджемов) публично отрекались от него, утверждая, будто он никогда к кадетской партии не

¹³⁷ В «Приветственном слове его императорского величества государя императора Государственному совету и Государственной думе», в частности, говорилось: «С пламенной верой в светлое будущее России я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых я повелею возлюбленным моим подданным выбрать от себя. <...> Я же буду охранять непоколебимыми установления, мною дарованные, с твердою уверенностью, что вы отдадите все свои силы на самоотверженное служение Отечеству для выяснения нужд столь близкого моему сердцу крестьянства, просвещения народа и развития его благосостояния, памятуя, что для духовного величия и благоденствия государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права. Да исполнятся горячие мои желания видеть народ мой счастливым и передать сыну моему в наследие государство крепкое, благоустроенное и просвещенное. <...> Приступите с благоговением к работе, на которую Я вас призвал, и оправдайте достойно доверие царя и народа. Бог в помощь мне и вам» (Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. С. 5).

¹³⁸ Ср.: «С раннего утра развели на Неве Дворцовый мост, закрыли Николаевский и прекратили движение пароходов финляндского общества и яликов, и таким образом было произведено разобщение центральных частей от заречных. <...> На площади у Николаевского моста, у Исаакиевского собора и у Государственного совета выстроилась конная полиция. На Васильевском острове внутри многих домов засады из городских. На набережной – казаки, на мосту – жандармы и полиция. Через мост пропускаются лишь военные и почтальоны» (На улицах // Речь. 1906. № 60. 28 апр.).

¹³⁹ После середины мая 1906 г. кадетская фракция пополнилась 22 вновь прибывшими депутатами и в нее перешли 12 депутатов из других фракций.

принадлежал, а приходил в нее в качестве гостя, но в списке членов партии, напечатанном в издававшемся тогда «Вестнике (или «Еженедельнике», не помню точно) Партии народной свободы»¹⁴⁰, он значился в числе полноправных членов.

Остановлюсь на одном рядовом члене кадетской партии, которого я близко знал, Ал[ексandre] Ев[графовиче] Исупове. Это был мелочной лавочник из Шенкурска Архангельской губернии, с которым я дружески сошелся во время нахождения в ссылке в этом городе (1888–1891 гг.). Крестьянин Архангельской губернии по происхождению, содержатель лавки по профессии, это был человек с формальным образованием не выше народной школы¹⁴¹, но от природы умный, много читавший и думавший, выписывавший «Неделю» и «Русские ведомости», бравший у нас (политических ссыльных) журналы и книги, находившийся с нами в хороших отношениях и бывший под заметным нашим влиянием. Когда я прочитал в газетах, что он избран в Думу по крестьянской курии Шенкурского уезда, то был уверен, что он и в Думе окажется под влиянием левых, в частности моим, но в этом ошибся: с первых же дней он примкнул к кадетам, а меня даже не посетил. Позже, когда он приезжал в Петербург судиться по делу Выборгского воззвания, затем еще раз, чтобы отсидеть трехмесячное тюремное заключение, и затем по какому-то чисто личному делу, он бывал у меня. О времени Думы он вспоминал как о каком-то чудном сновидении, когда он был в совершенном чаду. О своем избрании говорил, что его совершенно не ожидал и принял с величайшим недоумением. Я спрашивал его, как он оказался в рядах кадетов; по-моему, ему самое место было в рядах Трудовой группы. Он отвечал, что он во всем согласен с кадетами, кроме аграрной программы, что эта последняя у трудовиков ему действительно больше нравилась, но что ведь Трудовой группы еще не было, когда открылась Дума, что он еще по дороге в Петербург из Шенкурска определенно решил примкнуть к кадетам (избран он был как беспартийный), а затем у него уже не было повода выходить из партии.

В пленарном заседании Думы он выступал всего один раз с речью по аграрному вопросу. Я этой речи не слышал, но читал и помню о ней только общее впечатление слабости и то, что она многократно прерывалась возгласами с мест:

– Громче, громче!

– Я не могу громче, господа! – огрызнулся он¹⁴².

Очевидно, сказывалась полная непривычка к публичным речам. В числе прочих он был в Выборге, подписал Выборгское воззвание и отбыл тюремную повинность. После последнего нашего свидания не очень задолго до войны я потерял его из виду, и только совсем недавно, года два тому назад, я прочитал его имя в одной статье в «Архиве русской революции»¹⁴³ в числе расстрелянных большевиками. Что он сделал для того, чтобы вызвать этот конец, и сделал ли что, – совершенно не знаю¹⁴⁴. И о самом событии я узнал только лет через 10 после него. Сильно сжалось у меня в груди при этом известии. Человек – средний, но очень хороший, – с ним у меня прочно связывались мои ссыльные воспоминания.

¹⁴⁰ Правильно: «Вестник Партии народной свободы».

¹⁴¹ А. Е. Исупов окончил приходское училище.

¹⁴² См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия I. СПб., 1906. Т. 1. Заседание 16. 27 мая 1906 г. С. 702–704.

¹⁴³ «Архив русской революции» – мемуарно-документальное издание (в 22 т.), выпущенное И. В. Гессеном в Берлине в 1922–1937 гг. Фамилия А. Е. Исупова в издании не упоминается. О его гибели сообщалось в книге С. П. Мельгунова «Красный террор в России, 1918–1923» (Берлин, 1924), в которой указано, что 2 ноября 1920 г. в «Известиях Архангельского губисполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и губкома РКП (большевиков)» помещен список из 36 человек, расстрелянных «за контрреволюцию и шпионаж» по постановлению Архангельской губернской ЧК, среди которых был и Исупов. Подробнее см.: Дойков Ю. Памятная книжка: Красный террор в советской Арктике. 1920–1923 (документальные материалы). Архангельск, 2022. С. 172.

¹⁴⁴ Городской голова Шенкурска в 1917 г. А. Е. Исупов после антисоветского переворота в Архангельске с августа 1918 г. состоял уездным правительственным комиссаром по Шенкурскому уезду и, арестованный 30 июля 1920 г. большевиками, был расстрелян 15 октября.

В противоположность кадетам список внепартийных депутатов громкими именами не блистал, а если таковые и были, то в рядах, стоявших правее кадетов. Здесь были М. М. Ковалевский, Кузьмин-Караваев, М. Острогорский, М. М. Стахович, граф Гейден и еще несколько. В рядах «левее кадетов» сколько-нибудь известных имен было только два: И. В. Жилкин и Л. М. Брамсон. Я случайно знал еще имя Аладьина; из остальных немногие приобрели небольшую известность только во время самой избирательной кампании (Назаренко¹⁴⁵), а остальные стали известны только по списку избранных депутатов.

Жилкин был членом редакции «Нашей жизни». Он был способным журналистом, умея писать для газеты бойко и интересно, но не более. Особенно хорош он был как интеллигентный репортер, умеющий умно и хорошо излагать научные и политические заседания, всегда не только верно передавая смысл отдельных речей, но [и] умея схватывать общий характер заседания. Между прочим, он первый пустил в ход кличку «зубры» в применении к черносотенцам, воспользовавшись фразой, сказанной на дворянском съезде, кажется, Марковым, что крупных землевладельцев следует сохранять, как зубров в Беловежской пуще. Жилкин был вполне порядочный человек и хороший товарищ. В нашей редакции он играл только второстепенную роль¹⁴⁶. Во время избирательной кампании он уехал к себе на родину. Неожиданно для нас вернулся оттуда уже депутатом, и стало известно о том триумфе, который встретили там его выступления.

Л. М. Брамсон был петербургский адвокат, большой известностью не пользовавшийся, но зато пользовавшийся большим уважением всех его знавших.

Имя Аладьина я узнал вот по какому поводу. Когда я был еще в Киеве в редакции «Киевских откликов», я получил от него корреспонденцию из Лондона. Корреспонденция была слабая, но все-таки приемлемая, и я ее напечатал. Потом получилось несколько корреспонденций, из которых некоторые были еще слабее. Напечатать их было нельзя, и я написал ему некоторые разъяснения о том, как следует писать. В ответ получил письмо, что он сам признает слабость своих писаний, что она объясняется дурным материальным положением, иногда тем, что по несколько дней не обедает, но что постарается принять во внимание мои указания. В дальнейшем он изредка присылал корреспонденции, из которых, может быть, одну половину я печатал, подвергнув серьезной редакторской правке; остальные браковал. Вместе со мной он из «Киевских откликов» перешел в «Нашу жизнь», но скоро вслед за тем замолчал. На этом прекратились мои с ним отношения, и я только слышал от моего товарища по редакции В. В. Португалова, что А. Аладьин – его товарищ по Казанскому университету, из которого был исключен за участие в беспорядках.

И вот, лишь только открылась Дума, Аладьин, Жилкин, Брамсон и еще Аникин взялись за сплочение беспартийной массы крестьянских депутатов в компактную Трудовую группу, что очень быстро им и удалось¹⁴⁷. Они привлекли меня как специалиста по вопросам государственного права в качестве совещательного члена при Трудовой группе. Я легко сошелся со своими товарищами по работе, скоро получил право решающего голоса на ее заседаниях и таким образом оказался тесно связанным с думской работой группы с первых дней Первой думы¹⁴⁸ до последних предреволюционных (1917 г.) дней.

¹⁴⁵ См.: «Д. И. Назаренко. Крестьянин – окончил двухклассное училище и был 20 лет лесником на Кавказе. В период освободительного движения принимал в нем деятельное участие, агитируя среди крестьян Старобельского у.; был заключен в Старобельскую тюрьму и освобожден благодаря получению от Государя благодарности на его имя за адрес от крестьян. Обладает редким ораторским талантом» (Наша жизнь. 1906. № 411. 5 апр.).

¹⁴⁶ В рукописи далее зачеркнуто: «После Думы он числился членом редакции “Вестника Европы”, но и тогда, опираясь на свою думскую известность, не смог создать себе сколько-нибудь значительной литературной известности».

¹⁴⁷ См. сообщение об утреннем совещании 28 апреля 1906 г., на котором была образована Трудовая группа: В парламентской трудовой группе // Речь. 1906. № 61. 29 апр.

¹⁴⁸ 1 мая В. В. Водовозов выступил перед депутатами Трудовой группы с докладом «О технике парламентаризма», 2 мая – «О проекте наказа думы» (см.: В парламентской Трудовой группе // Наша жизнь. 1906. № 435. 3 мая), а, например, 11

В Первой думе Трудовая группа насчитывала более 100 членов¹⁴⁹; цифра колебалась, так как время от времени приходили новые члены из аморфной массы беспартийных депутатов; некоторые, напротив, не чувствовали тесной связи с группой и уходили из нее в эту массу, иногда, чтобы потом вновь вернуться в группу, а иногда – нет. Однако в процессе думской работы в общем происходило внутреннее спайвание.

Для организационного создания и сплочения группы наибольшее значение имели Аладьин и Брамсон, несколько меньше – Аникин и Жилкин. Для деятельности ее в Думе – Аладьин, Аникин и Жилкин, особенно прославившийся как оратор. Из них Аладьин как человек, долго живший за границей, в частности в Англии, и работавший там на заводах в качестве рабочего, лучше других был осведомлен в вопросах парламентской жизни, лучше других понимал значение партийной организации. В качестве крестьянина он на собственной спине или, по крайней мере, на спине своих родителей испытал значение малоземелья, хотя научного знакомства с аграрным вопросом у него не было. Первые же его речи создали ему славу первостепенного оратора, но лично я с такой его оценкой никогда не соглашался и не могу согласиться теперь. Его красноречие того же типа, что и Родичева. Оно основано на пафосе, который я склонен назвать ложным или искусственным. Оно гонится более за красивым построением фразы и содержанием всегда готово пожертвовать ради формы. Когда слушаешь оратора такого типа, то всегда кажется, что не он владеет словом, а слово владеет им.

Я поясню эту общую мысль примером, заимствованным не из речи Аладьина, а из речи Родичева. Сделать заявление о необходимости общей амнистии кадетская партия поручила в первое же заседание Думы Петрункевичу, и оно было сделано превосходно¹⁵⁰. Но за развитие его взялся (в одном из следующих заседаний) Родичев. С первых же слов на язык его повернулось какое-то слово, говорящее о милосердии, милости, и вся речь его оказалась рядом красивых словооборотов на тему христианского милосердия¹⁵¹. В этом виде речь Родичева не соответствовала ни общему смыслу политического момента, ни настроению кадетов, без всякого сомнения – настроению и желаниям самого Родичева, который за несколько дней перед тем напечатал в «Праве» статью на ту же тему¹⁵², но совершенно в ином тоне: речь в ней шла о требовании амнистии как акта справедливости и исторической необходимости, а не о христианском прощении и милости заблуждающимся. (Считаю нужным оговориться, что по памяти

июня прочел лекцию «об организации местного самоуправления в связи с вопросом о местных комитетах для урегулирования земельного вопроса» (В Трудовой группе // Там же. № 471. 14 июня).

¹⁴⁹ Трудовая группа в начале работы 1-й Государственной думы включала около 120 депутатов, а к концу сессии состояла из 110 депутатов, что составляло 23% состава думы (см.: Государственная дума Российской империи. 1906–1917: энциклопедия. С. 625).

¹⁵⁰ И. И. Петрункевич говорил: «Долг чести, долг нашей совести повелевает, чтобы первая наша мысль, первое наше свободное слово было посвящено тем, кто пожертвовал своей свободой за освобождение дорогой нам всем Родины (*грам аплодисментов*). Все тюрьмы в стране переполнены (*продолжительные аплодисменты*), тысячи рук протягиваются к нам с надеждой и мольбой, и я полагаю, что долг нашей совести заставляет нас употребить все усилия, которое дает нам наше положение, чтобы свобода, которую покупает себе Россия, не стоила больше никаких жертв (*продолжительные аплодисменты*)». Свою короткую речь оратор закончил словами: «свободная Россия требует освобождения всех пострадавших...» (Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия I. СПб., 1906. Т. I. Заседание I. 27 апреля 1906 г. С. 3).

¹⁵¹ Ср. с речью Ф. И. Родичева: «Амнистия и помилование – это прерогативы Монарха, и наше заявление есть заявление потребности, заявление страданий всего народа, обращенное к Монарху. <...> Если вы желаете уничтожить ту ненависть, которая в настоящее время горит ярким пламенем с той и другой стороны, возьмите на себя почин и щедрою рукой дайте всепрощение. Это акт высшей политической мудрости. Когда страна охвачена порывом обновления, когда страна жаждет успокоиться, прошлое должно быть стерто начисто. Не портите радости народной – скупостью, ограничениями, торгом в милости; милость широка, и прощение награждается народным чувством только тогда, когда оно всеобщее. <...> За все те преступления, мотивами которых было не низменное своекорыстие, а увлечение – для всех для них прощение. Я вам напомним, господа, что один из первых апостолов христианства – апостол Петр – он был преступником против общего права, он отсек ухо; преступление не политическое, но оно было совершено во имя любви, и во имя этой любви все подобные преступления должны быть прощены, хотя бы люди, сделавшие их, не обладали чистотой апостола» (Там же. Заседание 2. 29 апреля 1906 г. С. 24).

¹⁵² Неточность: статья была опубликована за полгода до открытия Государственной думы, см.: Родичев Ф. Они прощают?! // Право. 1905. № 41. 25 окт. Стлб. 3407–3409.

восстанавливаю мое – и очень многих других – тогдашнее впечатление и не могу безусловно поручиться, что, перечитав речь, я не отказался бы от этих замечаний.) В данном случае слово и художественный образ увлекли Родичева на дорогу, чуждую желанию его самого и партии, от имени которой он говорил.

Такого же рода ляпсусов, только еще более грубых и более частых, можно насчитать сколько угодно в речах Аладына. Но так как речи Аладына, при всей их несомненной талантливости, все же менее значительны и более бледны, чем родичевские, и вся личность его не так крупна, то, к сожалению, примеры у меня не так отчетливо сохранились в памяти.

Собственно, почти все содержание речей Аладына исчерпывается одной постоянно повторяющейся мыслью, как бы одним постоянным обращением к правительству: «Берегитесь! Мы, Дума, самим фактом своего существования и тем обещанием, которое оно дает народу, сдерживаем волну народного негодования в легальных рамках; но если Дума будет распущена или если ее деятельность вследствие вашего противодействия не принесет необходимых плодов, то знайте, что тогда поднимется грозный поток, который моментально смоет вас с лица земли».

Эту мысль Аладын развивал на разные лады, всегда красиво и довольно разнообразно по форме. Хороша, хотя не без преувеличений была его речь о произведенной Гурко растрате казенных сумм, ассигнованных на борьбу с голодом¹⁵³. Но иногда Аладын позволял себе изумительно снижать содержание своих речей. Так, однажды здание Думы в свободное от заседания часы осматривала какая-то высокопоставленная особа и сказала чиновнику канцелярии что-то в таком роде:

– А хорошо было бы, если бы наиболее видных членов Думы повесить на этих перекладинах.

Чиновник передал это Аладыну, а тот счел нужным зачем-то довести эту глупость до общего сведения в пленарном заседании, причем, однако, фамилии особы не назвал, чем окончательно обесценил свой протест. Вероятно, эта особа была кем-нибудь из великих князей, но и в этом случае, и даже с именем, подобное сообщение вряд ли имело бы какой-нибудь смысл и производило впечатление жалкой сплетни¹⁵⁴.

¹⁵³ Мемуарист ошибся, так как А. Ф. Аладын говорил о В. И. Гурко 12 июня, при обсуждении ответа П. А. Столыпина на думский запрос о помощи голодающим из-за неурожая губерниям: «В продовольственный комитет, находившийся под председательством г. Ватаци, поступило предложение начальника земского отдела, действительного статского советника Гурко, лишить всех крестьян, участвовавших в аграрных беспорядках, продовольственной помощи (*аплодисменты слева. Голоса: Bravo! браво!*). Комитет этого предложения не принял (даже и комитет не принял!), и тогда действительный статский советник Гурко в порядке подчиненности внес это предложение министру внутренних дел, тайному советнику Дурново. Последний предложил губернаторам не выдавать крестьянам, принимавшим участие в движении, пособий. Необходимо отметить, что действительный статский советник Гурко в настоящее время назначен заведующим всем продовольственным делом в Империи. (*Голоса: Отставка! Долой! Председатель звонит*)». Продолжая, Аладын заявил: «Каждый раз, когда нужны многомиллионные затраты, господа министры являются своевременно [в думу], и мы знаем результаты их появления: три четверти денег остаются в карманах, начиная с министерства и кончая последними... (*взрыв аплодисментов*). Русский народ грабить мы никогда не опаздывали, господа министры!» Аладын призывал «не дать ни одной копейки министерству, в состав которого входит г. Гурко», которому, подчеркивал он, «мы публично выразили здесь недоверие» (Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Т. 2. С. 1248–1249). Скандал с так называемой «растратой казенных сумм» произошел уже после роспуска думы, когда заказ на поставку 10 млн пудов ржи, предназначавшихся голодающим, Гурко передал шведскому подданному Э.-Л. И. Лидвалю, а тот, получив от казны задаток в 800 тыс. рублей, не выполнил договорных обязательств. Гурко был уволен 17 сентября 1907 г. по обвинению «в превышении власти и нерадении в отправлении должности» (см.: Доклад комиссии д. т. с. Голубева по делу Гурко – Лидваля [от 22 декабря 1906 г.]. Всеподданнейшее донесение о расследовании Высочайше назначенными лицами обстоятельств дела о сдаче торговой фирме Лидваль поставки хлеба для местностей, пострадавших от неурожая // Речь. 1907. № 5, 6, 6, 7 янв.).

¹⁵⁴ Выступая 8 июня 1906 г., А. Ф. Аладын говорил: «... я расскажу о посещении нашей Думы одним генерал-лейтенантом в прошлое воскресенье. Их превосходительство соблаговолил явиться сюда, в эту залу, причем, обращаясь к сторожу, спросил: “Не будете ли любезны указать, где сидит «этот»?” И потом называет на своем жаргоне меня, и называет мою фамилию. Сторож соглашается и говорит: “Вот, ваше превосходительство...” Затем, наблюдая нашу люстру, которая до известной степени красива, его превосходительство говорит: “Если бы несколько членов Трудовой группы были повешены на эту люстру, как это было бы приятно!” (*Председатель: “Но кто это сказал?”*). Это было сказано здесь, в этой зале, при свидетелях. Если

В общем, речи Аладына производили впечатление на думцев и еще большее на всех читателей газет и создали ему крупную популярность. Но после разгона Думы эта популярность сразу потускнела.

Во время роспуска Думы Аладын был в отсутствии; как человек, хорошо владеющий английским языком, он вместе с Родичевым и некоторыми другими был послан Думой в Лондон, чтобы сделать визит английским парламентариям. Поэтому в Выборге он не был и Выборгского воззвания не подписал¹⁵⁵. Но прямая обязанность его как одного из лидеров группы была вернуться в Россию, участвовать в съезде группы в Финляндии¹⁵⁶ и вообще как-нибудь открыто действовать в этот тяжелый момент. И, однако, Аладын предпочел остаться в Англии. Что его побудило к этому? Нужно заметить, что над ним не тяготело никакого обвинения и вернуться он мог совершенно свободно.

У меня есть только одно объяснение: побоялся, – объяснение, в то время общепринятое в нашей группе. Я очень не люблю бросаться этим обвинением и тем не менее в данном случае не знаю другого. Но ведь Аладын во время Думы не обнаруживал трусости? Не обнаруживал он ее и на митингах, на которых выступал (во время думской сессии) с очень смелыми речами, которые могли бы дать удобный повод для ареста и возбуждения тяжелого преследования по очень серьезным статьям Уголовного кодекса или для расправы такого рода, как с Герценштейном, Иоллосом, Караваевым. Совершенно верно. Но Аладын принадлежит к числу тех людей, которые мужественны, когда на них устремлены (не в переносном, а в прямом смысле) тысячи глаз, и которые теряют все свое мужество, когда этого возбудителя налицо нет. Так объясняю я психику Аладына. Как всякое психологическое объяснение, оно субъективно и не может быть доказано неопровержимым образом.

Как бы то ни было, Аладын после очень громкой известности сразу сошел совершенно на нет. Он делал попытки агитировать в Англии по русским вопросам¹⁵⁷, но деятельность его совершенно не обращала на себя внимания. Вероятно, вследствие нужды он сделался корреспондентом «Нового времени», но даже как измена своему знамени это сотрудничество бывшего радикала в консервативной газете не обратило на себя ничего внимания и не произвело шума. В 1917 г. он вернулся в Россию и играл какую-то очень малозаметную, но в общем недостойную роль.

Совершенно другого душевного склада и другого калибра С. Аникин. Тоже крестьянин, с примесью инородческой (мордовской) крови, собравший и напечатавший (через несколько лет после Думы) сборник мордовских сказок¹⁵⁸, он был народным учителем в Саратовской губернии; революционер и народник по убеждениям и настроению, формально принадлежал к эсеровской партии и был сторонником бойкота. Во время избирательной кампании он был на нелегальном положении и участия в ней принимать не мог. Заочно избранный в Думу, избрание принял.

бы это был обыкновенный человек, то за простое название меня таким словом, каким он назвал, а тем более за желание такого украшения нашей люстры я мог бы притянуть его в обыкновенный суд, куда тянут обыкновенного человека, выражающегося на ругательном языке. Эполеты генерал-лейтенанта при современном положении дают ему привилегию и заставляют меня, представителя Думы, когда я оскорблен, просить у министра разрешения преследовать его по суду, иначе я преследовать его по суду не могу» (Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Т. 2. С. 1100–1101).

¹⁵⁵ Неточность: на заседании Государственной думы 30 июня 1906 г. было принято решение направить своих представителей в Лондон на XIV межпарламентскую конференцию о международном третейском суде; 3 июля в состав делегации были избраны А. Ф. Аладын, А. В. Васильев, М. М. Ковалевский, М. Я. Острогорский, Ф. И. Родичев, А. А. Свечин (см.: Там же. С. 1941), которые, за исключением Аладына, узнав о роспуске думы, вернулись на родину.

¹⁵⁶ 1-й съезд Трудовой группы состоялся 4–7 октября 1906 г. в Иматре.

¹⁵⁷ Ср.: «Время от времени А[ладын] помещает статьи о русских делах в “Times” и др. английских газетах; в 1907 г. он ездил в Америку, где читал лекции...» (В[одовозов] В. Аладын Алексей Федорович // Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К^о». 7-е изд. Т. 2. С. 58–59).

¹⁵⁸ См.: Аникин С. В. Мордовские народные сказки. СПб., 1909.

Для активного участия в Думе ему нужно было легализоваться. Но как? Он взял у социалистов-революционеров бланк для фальшивого паспорта, вписал в него свое имя и с этой фальшивкой на свое имя поехал в Петербург. Курьез в истории, вероятно, совершенно исключительный. С фальшивкой он жил во время Думы и некоторое время потом. Дело о нем, ведшееся в административном порядке, было, однако, прекращено, и он получил обратно свои настоящие документы. Несколько лет спустя против него было возбуждено новое дело за участие в Крестьянском союзе¹⁵⁹, он сидел, потом был выпущен и бежал за границу. В Выборге он не был, так как был послан Трудовой группой в Лондон на социалистический съезд¹⁶⁰. Поэтому в следующем году он был вновь избран выборщиком в Государственную думу, но избрание его было кассировано Сенатом на том основании, что он, будучи крестьянином по происхождению, своего хозяйства не ведет. В следующие после Думы года он был верным членом Трудовой группы и, когда бывал в Петербурге, всегда участвовал на заседаниях ее центрального комитета и думской фракции. Чем он мог существовать за границей – решительно не представляю себе. Он, правда, выступил в литературе¹⁶¹, писал недурные беллетристические очерки (между прочим, в «Вестнике Европы»¹⁶²), пописывал статьи, но этого было очень мало. В 1917 г. он вернулся в Россию¹⁶³ и проездом через Петербург был у меня, но, к сожалению, одним свиданием наше возобновленное знакомство и ограничилось. Тогда он колебался, возвращаться ли в партию социалистов-революционеров или примкнуть к народным социалистам. Я убеждал его ни в каком случае не делать первого, указывая на крайне вредную деятельность социалистов-революционеров; со многими моими указаниями он соглашался, но все-таки убедить его мне, очевидно, не удалось. Он уехал, я потерял его из виду и окончательного решения не знаю. Скоро после этого, кажется в 1919 г., он умер.

Его роль в Думе вызывала не менее отголосков в стране, но была гораздо более серьезна, чем роль Аладына. Он тщательно готовился к речам и всегда знал тот вопрос, по которому выступал, чего про Аладына сказать нельзя. Готовился он, не только изучая материалы, но [и] много предварительно расспрашивая людей, от которых надеялся получить сведения по вопросу, а также подвергая свои речи предварительному обсуждению в заседаниях группы и внимательно прислушиваясь ко всем указаниям. Страстного пафоса Аладына в его речах не было, но была большая серьезность, соединенная с горячей, глубокой, выстраданной и прочувствованной убежденностью. И за эти черты он пользовался всеобщим уважением и любовью товарищей, чего опять-таки про тщеславного Аладына сказать нельзя.

Жилкин был образованнее и шире Аникина, но мельче его по размерам таланта и вообще личности. Аникин – человек aus einem Guss¹⁶⁴, иудей, по известному определению Гейне¹⁶⁵; он

¹⁵⁹ Всероссийский крестьянский союз – массовая революционная организация крестьян и сельской интеллигенции, учредительный съезд которой с участием более 100 делегатов из 22 губерний прошел в Москве 31 июля – 1 августа 1905 г.; состоялись еще два съезда, в ноябре 1905 г. и марте 1906 г.; объединяя к концу 1905 г. до 200 тыс. человек только в Европейской России, провел депутатов во 2-ю Государственную думу; прекратил деятельность в 1908 г., возобновив ее ненадолго в 1917 г.; см.: Водовозов В. Крестьянский Союз всероссийский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1906. Доп. т. 2. С. 13.

¹⁶⁰ Имеется в виду межпарламентская социалистическая конференция.

¹⁶¹ См.: Аникин С. В. Деревенские рассказы. СПб., 1911; *Он же*. Когда откроются райские двери: (Старинное сказание). М., 1912.

¹⁶² См.: Стена глухая // Вестник Европы. 1910. № 10. С. 156–192; На Чардыме // Там же. 1911. № 11. С. 52–90; Бунт // Там же. 1912. № 2. С. 61–73; Фельдфебель // Там же. 1913. № 9. С. 78–115; Безземельный // Там же. 1914. № 5. С. 74–107; № 6. С. 5–44, и др.

¹⁶³ Неточность: С. В. Аникин вернулся в Россию в 1914 г.

¹⁶⁴ цельный (нем.).

¹⁶⁵ В книге «Людвиг Берне» (1840) Г. Гейне писал: «Иудеи» и «христиане» – для меня это слова, совершенно близкие по смыслу, в противоположность слову «эллины», – именем этим я называю тоже не отдельный народ, но столько же врожденное, сколько и приобретенное развитием направление ума и взгляд на мир. В этом смысле можно бы сказать: все люди – или иудеи, или эллины; или это люди с аскетическими, иконоборческими, спиритуалистическими задатками, или же это люди жизнерадостные, гордящиеся способностью к прогрессу, реалисты по своей природе. Так в немецких пасторских семействах

весь целиком был погружен в политическую борьбу, и вне ее у него не было жизни. Жилкин, напротив, жил и дорожил всеми благами жизни. Трудно было ожидать от него крупной роли в Думе, и, однако, он сыграл ее. Он был из тех людей, которые под влиянием толчка, полученного извне, духовно растут и на известное время в известном положении становятся большими людьми. Проходит момент, их настроение падает, и они опускаются до уровня золотой середины. Таких крупных людей на один исторический момент всегда создают революции; немало их во Франции создали революции – Великая и 1848 г.; были они и у нас, притом в Трудовой группе – в большем числе, чем среди кадетов, и Жилкин принадлежал к их числу. Вся его деятельность во время избирательной кампании, потом в Думе и в группе была проникнута подъемом революционного момента. Прошел момент, упало настроение, и Жилкин вернулся к литературной работе заурядного журналиста. Даже громкая известность, приобретенная им в думский период, не помогла ему упрочить места в литературе. После обновления состава редакции «Вестника Европы» (1909 г.) он входил в него и вел там провинциальную хронику, но на нее никто не обращал более внимания, чем на иностранную хронику Слонимского.

Особое место занимал в группе Л. М. Брамсон. Оратором он был посредственным и говорить публично не любил, поэтому выступал в пленарных заседаниях Думы редко, а так как широкую известность дают только такие выступления, то ее он и не приобрел. Но внутри Трудовой группы он был едва ли не главным цементом. Незаметной деятельностью он умел сплачивать разнородных людей, мирить разногласия и ссоры и направлять общие силы на одну цель. Вовсе лишенный самолюбия, он не только не стремился играть заметную роль, но [и] всегда очень охотно уступал место и дорогу другим. Когда готовились выступления в Думе, он щедро снабжал думских ораторов сведениями и мыслями и предоставлял им получать триумфы, подготовленные его работой. Таким я его узнал во время Первой думы¹⁶⁶, и таким я знал его вплоть до конца 1917 г. или начала 1918 г., когда он уехал за границу.

За этими лидерами шла многочисленная (свыше 100 человек) рядовая армия трудовиков. Политический состав ее был не вполне однороден. В нее входил целый ряд партийных эсеров, выбранных помимо своего желания, и еще большее число эсерствующих, в партию организационно не входивших, но по духу ей принадлежавших, хотя и не согласных с бойкотом. Затем вначале были внепартийные эсдеки или эсдекствующие, которые под конец Думы из группы ушли. Остальные, составлявшие большинство, были рыхлой массой, которая могла бы присоединиться к кадетам, если бы Аладьин и другие не увлекли их в Трудовую группу.

Значительное большинство группы составляли крестьяне, но были и интеллигенты: присяжные поверенные и др.¹⁶⁷ Средний интеллектуальный уровень не только первых, но и вторых был невысок. Из первых многие писали совершенно неграмотно. Для характеристики вторых приведу такой эпизод.

В комиссии Трудовой группы, разрабатывавшей вопрос об избирательном праве, я упомянул о «пассивном избирательном праве». На это раздалась реплика:

– Зачем нам пассивное избирательное право? У нас такого не должно быть.

Увы, эта реплика исходила от члена Думы, присяжного поверенного Заболотного.

Помню инцидент в самой Думе, виновником которого на этот раз был крестьянин (фамилии не помню).

При обсуждении какого-то вопроса, никакого отношения к земле не имеющего, он вдруг перескочил на малоземелье. Муромцев, конечно, вернул его к порядку дня.

встречались эллины, и были иудеи, родившиеся в Афинах и происходившие, быть может, от Тесея» (Гейне Г. Собр. соч. Л., 1958. Т. 7. С. 15–16. Пер. А. Федорова).

¹⁶⁶ См.: Брамсон Л. М. К истории Трудовой партии. Трудовая группа первой Государственной думы. Пг., 1917.

¹⁶⁷ Землепашцы составляли почти половину Трудовой группы – 57 депутатов; в нее также входили 12 учителей начальных школ, 11 земских и частных служащих, 11 адвокатов, 8 рабочих, 4 врача, 4 журналиста, 2 волостных писаря, 1 профессор, 1 преподаватель гимназии и т. д. (Государственная дума Российской империи. 1906–1917: энциклопедия. С. 626).

- Извините, господин председатель, но ведь я простой крестьянин.
- Но и член Думы тоже, – строго заметил Муромцев.

Но при всем том работать в Трудовой группе было в высшей степени приятно: я не встречал другой аудитории, столь внимательной, столь интересующейся, столь осмысленно требовавшей разъяснений и направлявшей оратора, куда ей было нужно, и столь много умевшей извлечь из его слов.

Большой радикализм нашей группы сравнительно с кадетами сказывался почти по всем вопросам, всего резче – по аграрному, но также и по разным тактическим; трудовический ответ на тронную речь был проецирован гораздо решительнее, чем кадетский. Воззвание к народу по аграрному вопросу, долженствовавшее служить ответом на правительственное, в кадетской редакции оканчивалось призывом спокойно ожидать окончания работ Думы. Трудовики были решительно против этого окончания: они понимали, что Дума если может что-нибудь сделать, то только опираясь на содействие народных масс, тогда как кадеты верили в самостоятельную силу Думы как уже законченного органа законодательной власти. Воззвание было принято почти только кадетскими голосами при воздержании трудовиков.

Но я не буду излагать думской борьбы, – ее следует изучать на основании источников, и она не может быть темой для простых воспоминаний, в особенности человека, к Думе не принадлежавшего. Я буду говорить главным образом о внутренней жизни Трудовой группы.

Группа наняла помещение с обширной залой в конце Невского (у Знаменской церкви). Там постоянно кипела работа. В промежутках между думскими заседаниями происходили заседания группы, на которых готовились выступления в Думе. Я был постоянным участником этих собраний. По временам появлялись и другие внедумские участники, являвшиеся с докладом или с разъяснениями по разным вопросам, особо приглашенные или сами предлагавшие свои услуги. В их числе было немало и вчерашних бойкотистов: так, например, раза два я видел там В. М. Чернова, встречал А. В. Пешехонова. По аграрному вопросу постоянно являлся В. П. Воронцов. По вопросу об амнистии делал очень интересный доклад проф. П. И. Люблинский¹⁶⁸.

Секретарем (штатным) группа пригласила моего бывшего ученика, о котором я говорил в первой части своих воспоминаний и которого я знаю как Ваню Бонч-Осмоловского. Через кого он получил это место, я не знаю, но, во всяком случае, не через меня. Исполнял он свои секретарские обязанности очень хорошо¹⁶⁹, хотя ввиду частых обращений к нему газетных репортеров он слишком по-мальчишески вообразил себя важной фигурой и с репортерами обращался свысока, иногда нетактично, без нужды раздражая их своими резкими отказами в информации.

Значение группы росло с каждым днем. Ее выступления в Думе вызывали отголоски во всей стране, ее главные ораторы приобрели широкую всенародную популярность. В нее постоянно приходили ходоки из деревень заявить о сочувствии и просить при решении аграрного вопроса принять во внимание особенности положения их деревни. Беспреданно мы получали приговоры волостных сходов о присоединении их волости целиком к Трудовой группе. Пусть подобные приговоры свидетельствовали о наивном непонимании самого смысла присоединения, но ходоки, толпившиеся у нас, приговоры, которые наш секретарь не успевал регистрировать и докладывать, газетные репортеры, – все это свидетельствовало об интересе к группе, о сочувствии ей, все это как будто (увы, только как будто!) давало право рассчитывать в случае чего на народную поддержку. Популярность группы вызывала интерес к ней в среде студен-

---

¹⁶⁸ Неточность: П. И. Люблинский, являясь с 1904 г. хранителем кабинета уголовного права юридического факультета С.-Петербургского университета, только в 1907 г. защитил магистерскую диссертацию, после чего с 1908 г. состоял приват-доцентом по кафедре уголовного права и судопроизводства.

¹⁶⁹ См.: Работы первой Государственной Думы / По стенографическим отчетам составил И. Бонч-Осмоловский под редакцией С. И. Бондарева, члена Трудовой Группы Государственной Думы первого созыва. СПб., 1906.

ческой и радикальной интеллигенции, которая валила в группу массажи, прося разрешения присутствовать на ее заседаниях.

– Я же ничем вам мешать не буду, я сяду здесь в уголке и буду сидеть смирно, – умоляли они.

Но члены группы, особенно крестьянские, стеснялись посторонних, да и само по себе присутствие неизвестных посторонних лиц на партийных заседаниях недопустимо, – и Ваня Бонч-Осмоловский, согласно с полученной им инструкцией, гонял их безжалостно. Само собою разумеется, что в тех редких случаях, когда посторонние все-таки оказывались, они своего обещания не исполняли и участием в аплодисментах поддерживали понравившихся им ораторов, что, разумеется, являлось неправильным вмешательством в жизнь группы.

Я выше сказал, что твердого постоянного состава группа не имела (не имела его и кадетская партия). Наиболее важным был случай, незадолго до роспуска Думы, ухода из нее группы социал-демократов с Михайличенко во главе. Но одного случая внутреннего кризиса, о котором говорилось в печати, положительно не было.

В кадетской печати в близкие к Первой думе годы несколько раз упорно был повторен (и один раз в статье за подписью Петрункевича) следующий рассказ.

В Трудовой группе имела значительная группа, недовольная радикализмом ее лидеров. Накануне роспуска Думы эта группа в числе около 40 человек под председательством лица, пользовавшегося в группе уважением не меньшим, чем ее официальные лидеры, составила и подписала протокол об уходе из Трудовой группы.

Рассказ повторялся с утверждением, что он известен из источников, вполне заслуживающих доверия, и что он не подлежит сомнению¹⁷⁰. Между тем для меня он не только подлежит сомнению, но [и] является совершенно не соответствующим действительности. Прежде всего – почему не названо ни одно имя? В частности, кто этот член Думы, пользующийся уважением наряду с лидерами?

Здесь почти несомненно имелся в виду Назаренко, хотя столь же несомненно, что уважением наряду с лидерами он не пользовался. Назаренко был крестьянин Харьковской губернии, произнесший в собрании выборщиков речь, которая была напечатана в газетах и обратила на себя большое внимание. Благодаря ей Назаренко явился в Петербург уже известностью. Было известно также, что он знаком с М. М. Ковалевским, что этот последний относится к нему с большой симпатией и рассчитывает найти в нем сильного парламентского деятеля. Дешево приобретенная популярность вскружила ему, однако, голову. Он вступил в Трудовую группу, но обнаруживал большие претензии на лидерство, на которое не имел никаких прав ни по размерам своего второстепенного ораторского таланта, ни по своему более чем скромному образованию, ни по умению руководить другими. Во всех отношениях он явно уступал

---

¹⁷⁰ В. В. Водовозов, писала кадетская «Речь», пытается «опровергнуть факт, указанный И. И. Петрункевичем, что 40 крестьян-трудовиков и 20 беспартийных накануне роспуска первой Думы подписали протокол об образовании особой крестьянской группы. Г. Водовозов утверждает, что “такого факта никогда не было”. <...> Но как раз пишущий эти строки слышал сам то же сообщение, о котором говорит И. И. Петрункевич, из уст одного крестьянского лидера трудовиков, который, может быть, не откажется от печатного разъяснения, если эти строки попадутся ему на глаза. Называть его имя, к сожалению, мы не уполномочены, но можем уверить г. Водовозова, что дело идет о лице, пользовавшемся не меньшим доверием крестьян, чем интеллигентские лидеры группы. Мы не удивляемся, если от них упомянутый факт сохранялся в глубокой тайне» (Еще о Трудовой группе // Речь. 1907. № 184. 7 (20) авг.). Вслед за этим газета привела «подробный рассказ» упомянутого лица, цитируемый из его «собственноручного» письма: «Незадолго (за 1–2 недели) перед роспуском Думы недовольство тактикой руководителей группы дошло до того, что явилась необходимость или переустройства ее на новых началах (переделка программы), или же образования из нее совершенно отдельной группы. Я стоял за последнее. Для разрешения этих вопросов в течение двух недель перед роспуском собирались мы отдельно от групповых заседаний ежедневно. В этих заседаниях, кроме лиц (членов Думы), фамилии коих позабыл, принимали участие члены Думы Б., Ш., Г., О., К., П., С. и, разумеется, я. <...> За 2–3 дня (до роспуска) было решено окончательно образовать отдельную крестьянскую группу. На заседании этого собрания, 7 июля, было поручено мне составить платформу группы. Это заседание (последнее) было под председательством депутата Т. Участвовало в нем 48 человек. <...> Могу побожиться, что Трудовую группу спас роспуск Думы» (Обломки «революционных иллюзий» // Там же. № 190. 14 (27) авг.).

и Аладыну, и Аникину, и Жилкину. Действительно ли по своим убеждениям он был правее Трудовой группы или стал правее вследствие обиженного самолюбия, – я этого не знаю. Во всяком случае, выборная речь его была очень радикальна, но это, конечно, еще мало значит. Как бы то ни было, он представлял в группе правое, кадетское крыло и довольно часто говорил против наших решений, причем всегда раздраженным тоном, в котором звучало не столько убеждение, сколько обиженное самолюбие. Пользоваться уважением, равным с лидерами, он не мог уже потому, что его слишком мало знали, что он был в Трудовой группе сравнительно редким гостем. Были ли у него сторонники? Правое крыло в группе было, но вряд ли его членов можно назвать «сторонниками Назаренко», – он никогда не производил впечатления лидера какой бы то ни было группы.

Во всякой партии и во всякой организации всегда неизбежно бывают разные течения, разные фланги, и раскол всегда грозит каждой; иногда и происходит. В наличности разногласий и в этой постоянной опасности – залог жизненности партии; иначе она застыла бы, мумифицировалась бы. Но нужно говорить не вообще о возможности раскола, а конкретно, применительно к данному случаю. Имел ли место описанный сейчас эпизод?

Я совершенно уверенно говорю: нет, не имел. Его не было не потому, чтобы в группе не было разногласий, – они были, – но не было потому, что никто из трудовиков о нем ничего не знал. Не было известно тогда, не стало известным и потом. Между тем что же за смысл в таком уходе, о котором упорно молчат 40 человек, ничего не сообщая тем, против кого они готовят свое пронунциаменто? Что же за смысл в уходе, который готовится втихомолку, без предъявления требований, без яркого протеста? По всей вероятности, кадеты в данном случае проявили легкомыслие, передавая без проверки неосновательный слух.

В дополнение к предыдущему рассказу я сообщу об одном моем споре с Назаренко, могущем характеризовать его со стороны, неожиданной для выразителя убеждений правого фланга, хотя бы и в левой группе.

Однажды после заседания, в котором он раздраженно спорил с Аникиным, он подошел к столу, на котором лежали газеты, и, выхватив номер «Нового времени», раздраженно обратился ко мне, случайно оказавшемуся тут же:

– Ну скажите, пожалуйста, зачем группа выписывает эту мерзость?!

– Как зачем? – возразил я. – Да ведь «Новое время» – самая богатая по материалу газета и притом выразительница взглядов правительства.

– Да ведь она против нас говорит; мы должны дать народу свободу, а она против свободы, она за бюрократию!

– Тем более избранныкам народа необходимо знать, что она говорит.

– Да ведь она сумбур в головах производит, ведь она вред приносит, ведь иной ее прочтет и такую ахиною понесет, что боже упаси.

– Послушайте, ведь вот вы ее читаете и понимаете, что она несет ахиною; почему же вы о других так дурно думаете, что они не сумеют разобраться в словах газеты?

– Другие... – закончил он с презрением в голосе, не решившись, однако, выразить словами то, что сказал тоном голоса.

В начале июля правительство создало себя силой и решило нанести удар Думе. 8 июля заседание группы затянулось за полночь, и я уехал домой – я жил тогда на даче в Парголово, и со мной была моя жена, – с последним ночным поездом. Утром 9 июля я еще спал, как ко мне вбежала с газетой в руках жена:

– Дума распущена!

Что такое? О роспуске Думы ходили слухи, и очень тревожные, недели две-три тому назад. Теперь они замолкли. Общее положение было, правда, совершенно ненормальное. В стране полновластно царило реакционное правительство, совершались погромы, шли аресты, газеты беспрестанно подвергались конфискациям под ничтожными предлогами, а в Тавриче-

ском дворце громко, очень решительно и совершенно свободно деятельность правительства подвергалась резкой критике. Ясно, что такое положение без конца продолжаться не могло: правительство должно было или уступить Думе, или разогнать ее. Но, как почти всегда случается, мы ждали, ждали и устали ждать. Как раз в последние дни опасность как будто рассеялась, и 8 июля о роспуске я не слышал ни одного слова.

В «Нашей жизни» о роспуске еще не знали. Номер «Речи», очевидно, тоже составлялся в неведении о нем, передовица была посвящена какому-то постороннему вопросу и только перед передовицей была вставлена заметка жирным шрифтом в две или три строки, гласившая приблизительно: «Во столько-то часов утра получено известие, что Дума распущена».

Текста указа не было, подробностей никаких. Я вскочил, оделся, напился чаю и с первым поездом уехал в город. В вагоне говорили о роспуске, но только на основании этой заметки. Никто ничего не знал.

С поезда Финляндской железной дороги я поехал к Государственной думе, так как она всего ближе к вокзалу, и увидел перед воротами полицейскую охрану, никого не пропускавшую внутрь дворца, а на воротах плакат с Высочайшим указом¹⁷¹.

От дворца я поехал, опять-таки по соображениям топографическим, в помещение кадетской партии и только оттуда – в Трудовую группу. В оба места проникнуть было вполне возможно, – они оставались свободными от полиции. И там я узнал, что кадеты решили собраться в Выборге, чтобы там на свободе обсудить положение, и приглашали и трудовиков, и кого можно было из беспартийных¹⁷². Я зашел еще в редакцию «Нашей жизни»; это был воскресный день, газеты по понедельникам тогда не выходили и, следовательно, по воскресеньям редакции обыкновенно были пусты. Тем не менее кое-кого из редакции я там нашел; все были очень растеряны.

Как я уже сказал, роспуск застал Думу врасплох. Однако кадеты еще за несколько недель до роспуска приняли на всякий случай некоторые решения. Думали, что указ о роспуске будет торжественно прочитан Горемыкиным в пленарном заседании, – и вот на этот-то случай, согласно принятому решению, была заготовлена демонстрация, в которой Родичев мог бы оказаться великолепным Мирабо. Но роспуск ночью, запертые ворота дворца – этого никто не предвидел, и на этот случай не было принято никакого решения. Решение ехать в Выборг было принято только уже после роспуска.

Трудовики оказались столь же или даже еще более непредусмотрительны: у нас не было принято решения даже на тот случай, что правительство сочтет нужным любезно предоставить нам прекрасную сцену для яркой и очень выгодной для Думы демонстрации. В воскресенье 9 июля, собравшись в своем помещении, трудовики тоже, конечно, спрашивали себя, что делать. Говорилось о необходимости собраться где-нибудь в городе, либо в кадетском, либо в трудовичском помещении, либо где-нибудь в другом месте, провозгласить себя Учредитель-

¹⁷¹ В высочайшем манифесте от 9 июля 1906 г., в частности, говорилось: «Выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от нас местных властей, к указаниям нам на несовершенство Законов Основных, изменения которых могут быть предприняты лишь нашею монаршею волею, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению. Смущенное же таковыми беспорядками крестьянство, не ожидая законного улучшения своего положения, перешло в целом ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества, неповиновению закону и законным властям. Но пусть помнят Наши подданные, что только при полном порядке и спокойствии возможно прочное улучшение народного быта. Да будет же ведомо, что мы не допустим никакого своеволия или беззакония и всею силою государственной мощи приведем ослушников закона к подчинению нашей царской воле. <...> Мы же, распуская нынешний состав Государственной Думы, подтверждаем вместе с тем неизменное намерение наше сохранить в силе самый закон об учреждении этого установления и, соответственно с указом нашим Правительствующему сенату, 8-го сего июля данным, назначили время нового ее созыва на 20 февраля 1907 года».

¹⁷² В рукописи далее зачеркнуто: «У трудовиков было сделано предложение собраться где-нибудь в городе, открыть заседание и ждать разгона полицейской силой; это предложение вызывало сочувствие у левого фланга, но нельзя было думать, что на него пойдут кадеты. Поэтому трудовики приняли кадетское предложение».

ным собранием и ждать разгона казаками. Но эта мысль была явно не реальна, и потому трудовики приняли кадетское предложение.

Однако поехали далеко не все. Были кадеты, которые уклонились от этой поездки, не дав никакого объяснения, и были трудовики, сделавшие то же; процент не поехавших трудовиков был даже больше. Немногочисленная группа «правее кадетов» не поехала принципиально; внепартийная масса не поехала, может быть, потому, что не вся она узнала вовремя о постановлении, а может быть, и по другим, принципиальным или личным соображениям. Но только из приблизительно 500 депутатов поехали всего около 170.

С депутатами поехали и лица, работавшие при думских партиях. С трудовиками поехали я и еще кто-то, с кадетами – В. М. Гессен (членом 1-й Думы он не был), Струве и еще несколько человек. К трудовикам присоединились и социал-демократы.

Кадеты, нужно отдать им справедливость, сумели быстро найти и подготовить помещение в одной гостинице, недалеко от вокзала, и столь же быстро подготовить материал для заседания.

Президиум весь был в полном составе. Заседание открыл Муромцев¹⁷³.

На это заседание посторонние, т. е. не члены Думы, допущены не были. На нем было быстро принято решение обратиться к народу с воззванием. Что же касается самого воззвания, то предложено составить его проект на предварительных заседаниях партий, а затем согласовать их на общем заседании. Однако проект кадетского воззвания был уже готов и дан трудовикам.

В заседании группы, к которой на этот раз присоединились и социал-демократы, я принимал участие и даже попал в комиссию, долженствовавшую выработать проект воззвания.

Кадетское воззвание было написано не от имени Думы как учреждения, а от имени собравшихся и долженствовавших подписаться под ним членов Думы. После отрицательной оценки правительственного акта оно предлагало народу ответить на этот акт прекращением уплаты податей и поставки рекрутов.

Я обратил внимание нашей комиссии на то, что, обращаясь к народу с таким революционным предложением, кадетское воззвание вместе с тем на самих депутатов не возлагает никаких обязанностей и ничего не делает для действительного осуществления этой меры. Поэтому, по моему мнению, следовало, во-первых, издать воззвание не от имени отдельных депутатов, а от имени Думы, а во-вторых, включить в него заявление, что Дума образует особый комитет, который будет руководить забастовочной деятельностью народа. В соответствии с этим было переделано все воззвание.

Мой проект был принят комиссией, потом, несмотря на некоторые возражения, – и группой.

Затем, уже часов в 12 ночи, началось общее заседание депутатов, на которое посторонние опять допущены не были.

Я ушел и встретился на бульваре с Вл. М. Гессеном, тоже в качестве постороннего на заседание не допущенным. Мы бродили с ним по морскому берегу почти всю ночь, светлую летнюю ночь, и любовались, как, говоря словами какого-то старинного стихотворения, «румяный вечер с утром золотым сливается в любовном поцелуе»¹⁷⁴. Погода была чудная, море тихо плескалось, а на душе было скверно.

---

¹⁷³ В совещании, проходившем в выборгской гостинице «Бельведер» 9–10 июля 1906 г., участвовало 220–230 депутатов из всех фракций, но, по данным следствия, воззвание «Народу от народных представителей» (автором кадетского проекта был П. Н. Милоков, а окончательную редакцию составил М. М. Винавер), призывавшее граждан до созыва народного представительства не давать «ни копейки в казну, ни одного солдата в армию», подписали 100 кадетов, 56 трудовиков, 15 социал-демократов и т. д., всего 180 человек, к которым позднее присоединились еще несколько десятков бывших депутатов (Государственная дума Российской империи. 1906–1917: энциклопедия. С. 113; см. также: Соловьев К. А. Выборгское воззвание: теория и практика пассивного сопротивления. М., 2021).

¹⁷⁴ Видимо, автор перефразировал строку из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...», в

Часов в 5 закончилось заседание. Наши трудовики, несмотря на присутствие в их рядах всего левого фланга с партийными и внепартийными эсерами, а также с эсдеками, очень слабо отстаивали наш проект воззвания и не настояли на его революционном предложении. Было принято кадетское воззвание, и трудовики добились только включения в него двух-трех фраз из вступительной части своего воззвания. Эти фразы только испортили кадетское воззвание, лишив его единства настроения, радикализировав его форму, но не придав ему радикальной сущности.

Рано утром все уехали из Выборга.

Высказывалось предположение, что возвращающиеся будут задержаны на границе или в Петербурге, но этого не случилось, и мы мирно вернулись по домам.

Воззвание было напечатано нелегально и распространено по всей России, но, как известно, произвело только слабое впечатление. Иначе и быть не могло: ни одна организация не взяла на себя проведение его в жизнь. Сами творцы воззвания настолько плохо понимали значение собственного произведения, что многие из них чуть ли не прямо с Финляндского вокзала поехали в градоначальство вносить паспортный сбор за заграничные паспорта. Это сделал, между прочим, и Н. И. Кареев, который случайно перед самым разгоном Думы по личным делам уехал из Петербурга, в Выборге поэтому не был, но по телеграфу подписался под воззванием. Впоследствии он мне сам говорил, что ему и в голову не пришло, что он своим заграничным паспортом нарушает требование воззвания. Не лучше поступил Родичев (тоже подписавший воззвание лишь заочно), который в качестве предводителя одного из уездных тверских дворянств¹⁷⁵ участвовал в воинском присутствии, производившем прием новобранцев. Оправданием ему может служить то, что это происходило в ноябре, т. е. через 4 месяца, когда уже стало слишком очевидно, что из воззвания ничего не вышло.

Повторяю, иначе и быть не могло, так как сами его главные творцы не смотрели на него как на революционное орудие. Позднее, на суде¹⁷⁶ Муромцев заявил, что он составлял воззвание для того, чтобы направить негодование народа в легальное русло¹⁷⁷. Против этого заявления со скамьи подсудимых раздался только один протестующий голос, и это был голос кавказского социал-демократа Рамишвили, сказавшего, что он преследовал другие цели. Больше голосов раздаться и не могло, так как заявление Муромцева было сделано в последнем слове подсудимого, а такое слово давалось подсудимым в алфавитном порядке. Совершенно непостижимо, как можно было смотреть по-муромцевски на воззвание, во всяком случае призывавшее к действиям, которые не только были нелегальны, но были бы и революционны, если бы они осуществились.

Через несколько времени Трудовая группа устроила в Финляндии свой первый партийный съезд, о чем я скажу подробнее в следующей главе; на нем между прочим обсуждался вопрос о проведении в жизнь Выборгского воззвания, но так как съезд, созыв которого потребовал времени, собрался только осенью, то сделать было уже ничего нельзя.

которой есть слова: «Румяным вечером иль утра в час златой...».

¹⁷⁵ Ф. И. Родичев являлся предводителем дворянства Весьегонского уезда Тверской губернии в 1879–1891 гг. и с 1906 г.

¹⁷⁶ По делу о Выборгском воззвании были привлечены к суду 169 бывших депутатов 1-й Государственной думы, дело которых разбиралось Особым присутствием С.-Петербургской судебной палаты 12–18 декабря 1907 г.; 155 подсудимых, признанных виновными, приговорили к трем месяцам тюремного заключения и лишению избирательных прав; кассационные жалобы, которые подали 144 осужденных, были отклонены, и основная часть их отбывала наказание в мае – августе 1908 г.

¹⁷⁷ Выступая на суде с последним словом, С. А. Муромцев, в частности, говорил: «Когда идет могучий горный поток, то чтобы спасти деревню, лежащую на пути потока, бросаются строить плотину, чтобы поток остановить; но кто думает, что поток нельзя остановить, тот ищет другие средства: он стремится прорыть каналы и отвести поток по этим каналам от угрожаемых им жилищ. Члены Государственной Думы думали, что правительство отнесется именно так к акту воззвания» (Дело о выборгском воззвании: стенографический отчет о заседаниях особого присутствия С.-Петербургской судебной палаты 12–18 декабря 1907 г. СПб., 1908. С. 146).

Произошло несколько бунтов, матросских и крестьянских; в некоторых из них принимали действенное участие отдельные трудовики (Онипко¹⁷⁸), поплатившиеся за это каторжными работами. Но скоро жизнь вошла в свои мирные берега, и от Выборгского воззвания осталось только историческое воспоминание.

Общая историческая причина безуспешности воззвания лежала в том, что революция кончилась уже до открытия Думы, революционное настроение упало, и поднять его было невозможно никаким воззванием. Отсюда – слабость и бледность самого воззвания.

Но имело ли в таком случае смысл его составлять? Не было ли оно ошибкой членов Думы, поехавших в Выборг, и в первую голову – кадетской партии?

Поездка в Выборг и какой-нибудь акт были психологической необходимостью; их не могло не быть. После революционного возбуждения *des tollen Jahres*¹⁷⁹, после подъема духа во время Думы думцы не могли, не должны были спокойно утереться, когда правительство плюнуло им в лицо. Если бы они это сделали, то они вызвали бы к себе общее презрение и этим свели на нет всю работу Думы, которая, во всяком случае, имела для народа громадное воспитательное значение. Этот отрицательный результат был бы горше, чем отсутствие всякого положительного результата.

---

¹⁷⁸ Депутат от Ставропольской губернии трудовик Ф. М. Онипко принял участие в Кронштадтском восстании, за что 29 августа 1906 г. был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Туруханский край, но бежал за границу.

¹⁷⁹ великого года (*нем.*).

Глава V. Первое междудумье. – Общий характер эпохи. – Газетная и литературная работа. – «Наша жизнь». – Газетная гекатомба 2 декабря 1905 г. – Дальнейшая судьба «Нашей жизни» и ее гибель в 1908 г. – Л. В. Ходский. – Моя литературная работа помимо «Нашей жизни». – Трудовая группа в первое междудумье; обращение ее в партию. – Избирательная кампания во 2-ю Думу. – Отголосок родичевского прошлогоднего пророчества о безумце, который разгонит Думу

Начался 8-месячный период первого междудумья. Вместе с ним ясно определилась грубая реакция. Убийство Герценштейна с попустительства, если не подстрекательства властей, столыпинский¹⁸⁰ закон о землеустройстве (9 ноября 1906 г.)¹⁸¹, аресты, преследования печати – все вызывало лишь бессильное негодование и никакого организованного народного протеста. Что революция кончилась, кончилась без надежды на ее возобновление в ближайший исторический момент, стало очевидным для всех сколько-нибудь критически оценивающих события, и только совсем зеленые юнцы могли еще ожидать его. Отдельные матросские и крестьянские восстания были, очевидно, последними всплесками явно утихавшей бури. Распуском Думы Столыпин искусно нанес последний, ловкий удар по революции.

Хотя оценка результатов первой революции была самая пессимистическая. «Мы остались у разбитого корыта» – этот образ из пушкинской сказки¹⁸² был в устах всех. Говорившие так выдавали себя, *testimonium paupertatis*¹⁸³: зачем было требовать себе положение морской царицы, когда достаточно было получить порядочную избу? Но виноваты ли были и мы, что, получив избу, захотели пользоваться ею, а не только любоваться, в нее не входя? В связи с этой оценкой результатов революции началось то похмелье, тот *Katzenjammer*¹⁸⁴, который сказался в появлении романа Арцыбашева «Санин»¹⁸⁵, а в жизни – многочисленных Саниных, в процессах огарков¹⁸⁶, в широком развитии провокации и т. д.

С тех пор прошло четверть века, и теперь мы хорошо знаем, что чрезмерная пессимистическая оценка результатов революции не была правильной. Разбитое корыто мы получили позже, в 1917 г. Как ни неудовлетворителен был избирательный закон 1905 г., а тем более 1907 г.¹⁸⁷, как ни бессильна была Дума, тем не менее она была если не парламентом, то его зароды-

---

¹⁸⁰ 8 июля 1906 г. председателем Совета министров был назначен П. А. Столыпин, сохранивший также пост министра внутренних дел.

¹⁸¹ Имеется в виду высочайший указ «О дополнениях некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 г., фактически уничтожавший общинную форму землевладения с заменой ее частной собственностью на землю.

¹⁸² Имеется в виду «Сказка о рыбаке и рыбке».

¹⁸³ собственную несостоятельность (*перен., лат.*).

¹⁸⁴ похмелье (*нем.*).

¹⁸⁵ За откровенные эротические сцены в романе «Санин» (Современный мир. 1907. № 1–5, 9) М. П. Арцыбашева обвиняли в порнографии; основная идея книги: «...желание – это все: когда в человеке умирают желания – умирает и его жизнь, а когда он убивает желания – убивает себя!»

¹⁸⁶ Огарок – остаток свечи, в переносном смысле – человек-неудачник (см.: *Скиталец* [Петров С. Г.] Огарки // Знание. СПб., 1906. Сб. 10); мемуарист имеет в виду собрания лиг свободной любви, происходившие при тусклом свете огарков (см., например: Ардов А. С. О лигах свободной любви: («Огарки»). Николаев. 1908).

¹⁸⁷ «Положение о выборах в Государственную думу» от 3 июня 1907 г.

шем, и положительная роль ее была не меньше, чем роль парламента в Англии при Тюдорах и Стюартах¹⁸⁸, в одном важном отношении даже больше, чем роль парламента в первой половине XVIII в.: ее заседания были публичны, ее отчеты печатались и потому служили хорошей школой для народа. И мы знаем, что если Думы не разрешили земельного вопроса и не смогли предупредить страшной революции 1917 г. и губительного торжества большевичьей власти, то все же они сделали немало положительного. В особенности велика положительная роль Думы в развитии народного образования.

Как ни малоудовлетворительно было положение печати, как ни курьезны те судебные процессы, которым она подвергалась (я испытал эти стеснения на собственной спине и расскажу о них в одной из следующих глав), тем не менее между положением печати в период между двумя революциями, даже не исключая военной эпохи, а тем более до нее, и ее же положением в первые годы царствования Николая II до первой революции не может быть даже и сравнения, как между состоянием свободы и крепостным правом, как бы ни была недостаточна эта свобода. А главное, теперь мы знаем, что весь исторический период 1906–1914 гг. был периодом довольно быстрого роста национального дохода и народного благосостояния.

Но в ту эпоху этого мы все (себя не исключая) не понимали.

Как ни ясно звучали упадочные настроения эпохи, сводить ее к ним одним было бы неправильно. Совершалась большая культурная работа, и люди, не охваченные упадочными настроениями, принимали в ней деятельное участие.

В первое междудумье и во время 2-й Думы были два главных дела: работа литературная, в газете и других изданиях, и работа политическая при Трудовой группе и связанная с нею работа митинговая и лекционная в Петербурге и провинции. Скоро, с осени 1906 г., к ним можно причислить еще работу в суде в качестве многолетнего подсудимого по литературным процессам, – но о ней ниже, в особой главе.

«Наша жизнь» продолжалась. Правда, она несколько раз меняла свои названия. В первый раз она сделала это¹⁸⁹ после запрещения 2 декабря 1905 г. и в течение месяца, 15 декабря 1905 г. – 21 января 1906 г., выходила под именем «Народного хозяйства». В январе 1906 г. запрещение было снято, и мы возобновились под старой кличкой. Новое запрещение в июле 1906 г. побудило нас переименоваться в «Товарища»¹⁹⁰, а в конце 1907 или начале 1908 г. – в «Столичную почту»¹⁹¹. Под этим именем мы и погибли¹⁹².

¹⁸⁸ При абсолютизме династий Тюдоров и Стюартов английский парламент, лишившись права ограничивать королевскую власть, вел борьбу за восстановление своих привилегий, которая привела к революции.

¹⁸⁹ В рукописи далее зачеркнуто: «добровольно или, лучше сказать, по личному желанию Л. В. Ходского Ходский пожелал обратить ее в “Товарища” и сам написал передовицу в оправдание этой перемены. Новое название как бы сближало ее внешним образом с двумя социалистическими партиями, в которых это слово было ходовым. Может быть, он рассчитывал этим названием привлечь к газете сочувствие и подписчиков из этих лагерей, может быть, просто вдруг почувствовал демократическую тягу к этому названию, но любопытно, что именно он, стоявший в редакции на крайнем правом фланге, явился больше чем инициатором новой клички: он твердо настоял на ней вопреки ясно выраженному нежеланию всей редакции».

¹⁹⁰ Последний, № 494 «Нашей жизни» вышел 11 июля 1906 г. (приговором Петербургской судебной палаты от 17 августа газета была запрещена).

¹⁹¹ Неточность: «Столичная почта» выходила с 1 октября 1906 г. по 4 марта 1908 г.

¹⁹² См.: «В девятом часу вечера 28 февраля наряд чинов полиции в сопровождении ротных городовых и агентов охранного отделения прибыл в д. 32 по Садовой ул. и занял помещение конторы и редакции газеты “Столичная почта”. При обыске в помещении для рукописей было найдено значительное количество нелегальной литературы, запрещенные брошюры Водовозова, Гр. Петрова и мн. др. Ввиду обширности помещения обыск затянулся до глубокой ночи. Приблизительно в четвертом часу утра в помещении одного из редакционных служащих, в сундуке, были неожиданно обнаружены пачки патронов для револьверов системы Маузера. Находка вызвала приезд в редакцию помощника начальника охранного отделения и нескольких жандармских офицеров. При дальнейшем обыске в другом помещении было найдено несколько револьверов системы Маузера и переписка нелегального характера. В пятом часу утра полицией были подвергнуты аресту и препровождены в охранное отделение профессор Л. В. Ходский, издательница газеты Н. Н. Русанова и служащие Петр Баранов, Игнатий и Петр Волнухины. По производстве дознания профессор Ходский в 11 ч. утра 29 февраля был освобожден» (Новое время. 1908. № 11483. 1 марта). После закрытия «Столичной почты» Культурно-просветительное товарищество издательского и печатного дела «Наша жизнь», которое учредил Л. В. Ходский, стало издавать «Нашу газету», выходившую с 16 по 22 марта 1908 г.

Но у меня вся моя газетная жизнь этого периода осталась в памяти как нечто цельное; хронологические границы между разными названиями, напротив, держатся в памяти только очень смутно (вышеприведенные цифры восстановлены не по памяти, а по справке с историческими материалами), и потому я говорю в этих воспоминаниях все время о «Нашей жизни», разумея под нею и «Народное хозяйство», и «Товарища», и «Столичную почту».

Запрещена «Наша жизнь» была в тот памятный день 2 декабря 1905 г., когда был арестован первый Совет рабочих депутатов и когда подверглась первому разгрому вся столичная печать, как новая, возникшая явочным порядком после 17 октября, так и более старая. В числе других газет был запрещен и «Сын Отечества», но с тем отличием, что ему воскрешение не удалось, а мы воскресли в виде «Народного хозяйства» уже через две недели. Из журналов были запрещены «Русское богатство» и «Мир Божий». Первое выходило после этого под двумя сменявшими друг друга вследствие запрещения названиями: одно было «Современные записки» (название, составленное из «Современника» и «Отечественных записок», двух журналов, бывших славными предшественниками «Русского богатства» в 1847–1866 и 1868–1884 гг.), другое – «Русские записки»¹⁹³. Месяца через три или четыре «Русское богатство» воскресло под прежним именем. Социал-демократический «Мир Божий» воскрес под именем «Современного мира» и с этим именем остался навсегда, до своей окончательной гибели при большевиках.

Поводом для запрещения всех этих изданий послужило напечатание в них манифеста Совета рабочих депутатов¹⁹⁴. Этот манифест был революционным актом социал-демократии, параллельным с московским восстанием – революционным актом эсеровской партии. Манифест призывал народ к революционным действиям и был составлен довольно невежественно. В числе других форм борьбы он выдвигал массовое истребование вкладов из сберегательных касс, причем по своему невежеству называл их не настоящим названием, а неведомо откуда взявшимся: «ссудо-сберегательных». Это действие должна была произвести по преимуществу мелкая буржуазия, так как рабочие, по утверждению социал-демократов, не могут откладывать

(№ 1–6), после чего ее редакция выступила со следующим заявлением: «Представители издательства “Нашей газеты” сообщили нам, что вследствие ряда последовательно пережитых им административных кар и создавшихся материальных затруднений издательство, несмотря на сохраняющийся большой тираж газеты, не в состоянии в настоящий момент продолжать издание. Оповещая о состоявшейся приостановке “Нашей газеты”, редакция принуждена настоящими строками проститься с тем постоянным кругом читателей, который образовался за три с половиной года, со дня выхода в свет газеты “Наша жизнь”, – 6 ноября 1904 года. Члены редакции “Нашей газеты”: В. Богучарский, Р. Бланк, В. Водовозов, Вас. Голубев, И. Жилкин, Е. Кускова, В. Португалов, С. Прокопович, А. Рыкачев, В. Хижняков, Л. Ходский, О. Чюмин[а], А. Яновский. 23 марта 1908 г.» (Письмо в редакцию // Русь. 1908. № 83. 24 марта). Но уже 26 августа 1908 г., приглашая В. В. Водовозова к сотрудничеству, Л. В. Ходский уведомил его, что предполагает возобновить издание «Нашей газеты» и «взять на себя инициативу создать внепартийный (конечно, не все-партийный) научный общественно-экономический журнал под названием “Познание России”» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2538. Л. 2). На этот раз «Наша газета» продержалась чуть больше трех с половиной месяцев: с 1 января по 19 апреля 1909 г. (№ 1–91). Параллельно Культурно-просветительное товарищество издательского и печатного дела «Наша жизнь» выпускало политическую, литературную и экономическую газету «Правда жизни» (1908. № 1–5. 1–29 дек.; 1909. № 6–22. 5 янв. – 27 апр.), «Иллюстрированный двухнедельник» (1909. № 1–7. 12 янв. – 13 апр.) и ежемесячный литературный и общественно-экономический журнал «Познание России» (1909. Кн. 1–3), официальным редактором которых был Ф. А. Кириллов.

¹⁹³ Неточность: до мая 1906 г. журнал «Русское богатство» выходил под названиями «Современные записки» (№ 1) и «Современность» (№ 1, март; № 2, апрель), с ноября 1914 г. по март 1917 г. – «Русские записки».

¹⁹⁴ Имеется в виду так называемый «Финансовый манифест» – обращение к населению от имени Петербургского совета рабочих депутатов, Главного комитета Всероссийского крестьянского союза, ЦК и ОК РСДРП, ЦК ПСР и Польской социалистической партии с обвинением царского правительства в доведении страны до финансового и военного банкротства и с призывом «свергнуть его, отнять у него последние силы» – финансовые доходы, отказав ему в казенных платежах, изъяв вклады из сберегательных касс и Государственного банка с требованием уплаты всей суммы золотом; манифест, напечатанный 2 декабря 1905 г. в восьми газетах («Начало», «Наша жизнь», «Новая жизнь», «Русская газета», «Русь», «Свободное слово», «Свободный народ», «Сын Отечества»), издание которых было приостановлено, стал поводом к аресту 3 декабря депутатов Петербургского совета и разгону на следующий день собрания Союза союзов в Вольном экономическом обществе; мемуарист считал, что тем самым «граф Витте окончательно и, наконец, формально объявил гражданскую войну русскому народу», который «принял этот вызов», и «на улицах Москвы загрозотали пушки» (Водовозов В. По поводу правительственного сообщения 4 декабря // Народное хозяйство. 1905. № 2. 16 дек.).

сбережений, и любопытно, что в этом пункте манифест произвел действительно сильное влияние: истребовано было несколько сот миллионов рублей, и кассы были совсем на той границе, за которой следует объявление моратория, – меры, которая при тогдашних условиях могла бы оказаться губительной для государственного кредита и государственных финансов вообще. Конечно, в данном случае сыграло свою роль не столько желание произвести определенное политическое воздействие на правительство, сколько страх перед государственным банкротством, и именно этот страх, а не действительное положение финансов чуть-чуть не вызвал банкротства.

Союз деятелей печати постановил, что напечатание этого манифеста было обязательно для всех органов печати à titre du document¹⁹⁵. В Союзе принимали участие все или почти все петербургские органы печати, не исключая и таких, как «Новое время». Я не могу, к сожалению, припомнить, было ли это постановление сделано еще до выработки манифеста в какой-нибудь общей форме, под которую этот манифест подходил как частное явление, или применительно именно к нему самому¹⁹⁶. Но, во всяком случае, для каждого уважающего свои обязательства деятеля петербургской печати напечатание документа было морально обязательно (с правом, конечно, его критиковать). И тут-то явственно сказалось, что в революционном настроении уже наступил перелом. «Новое время», «С.-Петербургские ведомости» и другие консервативные органы, морально столько же связанные постановлением, сколько и мы, громко говорившие о своей приверженности к принципу свободы печати и признававшие Союз как орудие борьбы за нее, документа не напечатали, причем из их редакции до поздней ночи говорили нам по телефону, что документ напечатан будет.

У нас Ходский, пораженный в самое свое сердце финансиста безграмотностью финансовой терминологии манифеста, потребовал высказаться против его напечатания именно с этой точки зрения, но, встреченный твердым отпором со стороны всей редакции, замолчал. Мы все соглашались с его специальной критикой, тем более что в нашей среде были и другие весьма сведущие финансисты, как С. Н. Прокопович, да и безграмотность бросалась в глаза; мы все чувствовали, что ставим на карту судьбу газеты, но о неисполнении постановления для нас не могло быть и речи. Документ был напечатан; за ним последовало запрещение газеты и предание суду ответственного редактора Л. В. Ходского¹⁹⁷, а затем трех- или четырехмесячное тюремное заключение (не скоро, года через четыре).

Если газеты для обсуждения и решения вопроса о напечатании манифеста имели в распоряжении всего несколько часов, то ежемесячные журналы имели их гораздо больше и к тому же уже определенно знали, какая кара их постигнет за его напечатание. «Русское богатство» и «Мир Божий» выходили в середине каждого месяца, следовательно, ближайшие их книжки – недели через две после того, как «Нашу жизнь» и «Сына Отечества» постигла кара. Тем не

¹⁹⁵ в качестве документа (*фр.*).

¹⁹⁶ Союз в защиту свободы печати, созданный 16 октября 1905 г. по инициативе редакции газеты «Наша жизнь», объединяя все петербургские издания, предлагал им действовать так, «как если бы они существовали в свободном государстве», а именно «перестали считаться с какими бы то ни было произвольными административными мерами, направленными против свободы слова, высказывая в своих изданиях, по долгу чести и совести, все, что предлагает им к обсуждению текущая жизнь» (см.: *Ганцман М.* Явочный период свободы // Свобода печати при обновленном строе. СПб., 1912. С. 47–48; *Короленко В. Г.* О свободе печати // Русское богатство. 1905. № 11/12. С. 205–206).

¹⁹⁷ Ср.: «За напечатание 2 декабря манифеста Совета рабочих депутатов “Н[аша] жизнь” была приостановлена по постановлению судебной палаты впредь до судебного приговора, а редакторы ее преданы суду по обвинению по 129 ст. угол. уложения. 15 дек. “Н[аша] жизнь” возобновилась под именем “Народное хозяйство”, а 22 янв. 1906 г., вскоре после судебного приговора, которым Котельников был оправдан, а Ходский признан виновным только в неосторожности и приговорен к штрафу в 500 руб., вновь стала выходить под прежним именем. Редактором с этих пор подписывался В. В. Водовозов, а Л. В. Ходский – только издателем. Газета не служит органом какой-либо партии; большая часть ее сотрудников ни к какой партии не принадлежит, а являются так называемыми “дикими”. Она стоит за сплочение по возможности всех оппозиционных общественных сил для борьбы за парламентарный строй. По жгучему в начале 1906 г. вопросу о бойкоте выборов в Государственную Думу она стала на сторону противников бойкота, но относится отрицательно к самой Думе, не допуская возможности правильной в ней работы» (*Водовозов В.* Наша жизнь // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1906. Доп. т. 2. С. 254–255).

менее они пошли на нее и были запрещены (первое, однако, как я уже сказал, потом возродилось под прежним именем). «Вестник Европы» выходил первого числа каждого месяца, а так как манифест был доставлен в редакцию 2 декабря, то у него в распоряжении был целый месяц. Он документа не напечатал, мотивируя, помнится, тем, что Союз печати к этому времени распался.

В качестве ответственного редактора на место Ходского вступил сперва В. Голубев¹⁹⁸, а через несколько недель, когда он тоже попал под суд¹⁹⁹, предложил свои услуги я²⁰⁰, и они были приняты Ходским и редакцией. Моего положения в редакции это не изменило, как оно не меняло и положения других ответственных редакторов. Действительным редактором я не был; таковой у нас выбирался закрытой баллотировкой; первым редактором был В. Я. Богучарский, потом недолго – Р. М. Бланк, затем до конца – В. В. Португалов²⁰¹. Я по-прежнему оставался членом редакции с голосом в ней, заведующим иностранным отделом и постоянным сотрудником по вопросам государственного, в частности избирательного, права и некоторым другим. Даже вознаграждение мое осталось прежним (200 рублей в месяц жалованья и построчный гонорар в размере 10 копеек). По нашей неписаной конституции я в качестве ответственного имел право безусловного veto на все статьи по соображениям их опасности, но я не только ни разу не воспользовался этим правом, но [и] не считал нужным читать до их появления в печати что бы то ни было, кроме моего отдела и тех статей, которые доводились до общего редакционного обсуждения. Ходский, бывший ответственным редактором до меня, этим своим правом иногда пользовался, но не спас им газету от двукратного запрещения.

Итак, мы возродились, и работа продолжалась. По-прежнему мы оставались беспартийной радикальной и социалистической газетой. Нередко подвергались нападкам как справа, так и слева, причем в то время беспартийность сама по себе в левых кругах считалась чем-то чуть ли не позорным. В редакции, как и везде, были разногласия. Я тянул газету в сторону трудовичества, Прокопович, Кускова и некоторые другие – в сторону правого (ревизионистского) социал-демократизма. Последняя (социал-демократическая) нота звучала у нас громче, но социал-демократизм Прокоповича не был узколобым, упрямым; нет, он прекрасно умел учитывать значение крестьянства в жизни государства вообще и России в частности, и потому «Наша жизнь» в общем все-таки представляла нечто цельное, хорошо спаянное; газета несомненно имела общее направление.

Несмотря на исчезновение с газетного рынка такого серьезного конкурента, как «Сын Отечества», тираж газеты несколько упал сравнительно с концом 1904 г., что объяснялось общим упадком в России интереса к газетам, но все-таки превышал 50 000 и был вполне достаточным, чтобы газета могла стоять прочно на своих ногах. Но период трехмесячного закрытия ее в начале 1905 г., о котором я говорил выше, наложил на нее долг, который лежал на ней тяжелым бременем. Долг бумажнику, долг типографии портил отношения с тем и другим, заставлял изворачиваться. Период лета и осени 1905 г. с периодическими конфискациями отдельных номеров все увеличивал этот долг. То же самое сделала октябрьская забастовка и запрещение в декабре 1905 г. Существовать стало трудно. Тем не менее мы существовали.

¹⁹⁸ Неточность: В. С. Голубев являлся редактором газеты «Народное хозяйство» (№ 1–22), выходившей вместо «Нашей жизни» с 15 декабря 1905 г.; В. В. Водовозов, сменив его, редактировал названное издание с 12 по 21 января 1906 г. (№ 23–31).

¹⁹⁹ 22 марта 1906 г. приговором 3-го отделения Петербургского окружного суда В. С. Голубев был признан виновным и подлежащим заключению в тюрьму на два месяца за то, что, являясь редактором газеты «Народное хозяйство», поместил в ее № 3 статью «Странички жизни» «явно оскорбительного содержания для действовавших при усмирении происходивших в разных частях Российской империи мятежей казачьих войск» (Дело редактора «Народного хозяйства» В. С. Голубева // Наша жизнь. 1906. № 401. 23 марта).

²⁰⁰ В. В. Водовозов числился редактором газеты «Наша жизнь» с 22 января по 19 апреля 1906 г.

²⁰¹ Неточность: В. В. Португалов являлся редактором газеты «Товарищ» с 26 августа 1906 г. по 30 декабря 1907 г. (№ 45–461).

Весной 1906 г. я получил первый обвинительный акт по делу газеты²⁰², за ним последовали другие. Скоро я потерял право быть ответственным редактором. Мое место занял Гордин²⁰³, потом его сменил Диксон. Тем не менее весь 1906 и 1907 гг. мы бились. Подвергались привлечению к суду и запрещениям, меняли названия. Наконец, в начале 1908 г. жить стало невмоготу. Были дни, когда мы не знали, выйдем ли мы на следующий день, причем причиной невыхода грозил послужить отказ бумажника доставить нужное количество бумаги. Наконец Ходский заявил, что он больше издавать газету не может.

У нас был возбужден вопрос: не сделать ли закрытие с треском, напечатав какую-нибудь очень резкую статью и вызвав новое запрещение. Но мы решили, что это был бы недостойный прием, и мирно закрылись, признав причиной закрытия недостаток средств.

За это мы были наказаны. «Новое время» обрадовалось нашей гибели и поспешило сообщить, что «Наша жизнь» погибла в борьбе с равнодушием публики. Как видно из предыдущего, это было неправдой. Но, конечно, было бы лучше, если бы мы прекратились после последнего запрещения, когда материальная непосильность борьбы стала для нас очевидной.

Запрещение газеты на ее сотрудиках отражалось, конечно, тяжело. Большинство их не имело других заработков и должно было их искать, переживая всю оскорбительную тяжесть подобных поисков. Но этого мало. Последние месяцы контора газеты выдавала нам наше вознаграждение с большими перебоями, и по отношению к большинству из нас на ней лежал более или менее значительный долг. Конечно, разнообразие личных характеров и личных талантов сказывается и в этой области: были лица, которые и в это тяжелое время не только получали все свое сполна, но [и] ухитрялись брать более или менее значительные авансы. Таких было человек 7–8. Назову из них двух, а именно А. А. Яблоновского и П. Е. Щеголева. Имя последнего я называю потому, что года два тому назад в эмигрантской печати и именно в «Возрождении» по поводу большевизанства Щеголева была дана ему общая, литературная и личная, весьма непривлекательная характеристика, причем в числе других его свойств было сообщено, что он специалист по литературным авансам, умеющий хватать редакторов и издателей мертвой хваткой²⁰⁴.

Хотя эта характеристика и не чужда преувеличения, но в общем она близка к истине, и тем не менее она меня возмутила. Возмутила потому, что автором ее был А. А. Яблоновский, который в этом отношении может дать Щеголеву сто очков вперед. По крайней мере, Щеголев из «Нашей жизни» ушел с несколькими десятками рублей аванса, а Яблоновский – с многими сотнями, категорически отказавшись вернуть хоть часть его и даже не придя на то собрание сотрудников, на котором обсуждался вопрос о распределении между ними последних сумм.

---

²⁰² 10 апреля 1906 г. товарищ прокурора С.-Петербургской судебной палаты К. Д. Бендер подписал обвинительный акт, согласно которому В. В. Водовозов обвинялся в том, что, являясь ответственным редактором газеты «Наша жизнь», поместил в ней в № 391 от 11 марта заметку с выдержками из воззвания С.-Петербургского объединенного комитета РСДРП и в № 402 от 24 марта статью «Странички жизни», тем самым распространил сочинения, заведомо для него возбуждавшие в первом случае – «к учинению бунтовщического деяния», а во втором – «к нарушению обязанностей военной службы». 12 апреля Бендер составил второй обвинительный акт, согласно которому Водовозов, являясь редактором газеты «Народное хозяйство», поместил в ее № 29 от 19 января 1906 г. статью «События в Харбине», «заведомо для него возбуждавшую к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы» (см.: Дело В. В. Водовозова в С.-Петербургской судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях, совершенных им в качестве редактора «Нашей жизни», «Сборника программ политических партий в России» и др. 17 августа 1906 года. Речи А. С. Зарудного и В. В. Водовозова. СПб.: Изд. Кн. магазина «Наша жизнь», 1906. С. 10–13).

²⁰³ Неточность: 20 апреля 1906 г., с № 424, В. В. Водовозова на посту редактора газеты «Наша жизнь» сменил Д. А. Левин; В. Н. Гордин состоял редактором газеты «Товарищ» с 1 по 30 апреля (№ 1–24) и, после возобновления ее, с 3 по 25 августа 1906 г. (№ 25–44).

²⁰⁴ См.: «Известный пушкинист, П. Е. Щеголев, принадлежит к числу тех литературных мешочников, во главе которых стоит “дедушка русского аванса”, А. Н. Толстой. Это теперь та пара гнедых, на которых в советской Москве возят и воду, и воеводу. <...> Забавнее всего, что ни г. Щеголев, ни его сомешочник, А. Толстой, никогда не были революционерами. Это из буржуев буржуи. Но в советской литературе они считаются “акулами большой воды” и, торгуя всякой революционной дрянью, делают деньги» (Печать // Возрождение. 1928. № 1066. 3 мая. С. 4).

В момент закрытия газеты касса была пуста, или, по крайней мере, Ходский заявил нам, что из нее он не может уделить сотрудникам ни копейки. Совершенно неожиданно Е. Д. Кускова заявила, что она «достала» 3000 рублей для ликвидации литературных долгов газеты. Откуда она их «достала», почему она, не бывшая ни основательницей, ни собственницей, ни редактором, ни издателем газеты, а только членом редакции (правда, при основании газеты она очень поддерживала Ходского в его решении), почему она считала себя обязанной платить чужие долги, никто не знал и не спрашивал. Все приняли это молча, с радостью и благодарностью.

На последнем заседании сотрудников я был председателем, и его я хорошо помню. Было выяснено, что если бы были возвращены авансы, то 3000 рублей покрыли бы значительную часть долга, без них – приблизительно половину. Авансы сразу решено простить; конечно, мотивом послужила невозможность их взыскивать, тем более что у всех, кроме Яблоновского, авансы были незначительны по размерам. Затем долго обсуждали вопрос, как расплачиваться, и, наконец, пришли к общему соглашению относительно ликвидации некоторых категорий долга и погашения других. Разумеется, непривлекательные стороны человеческой личности сказывались, но в слабой степени, и в общем мы пришли к дружескому улажению вопроса. Конечно, голос Кусковой почти по всем пунктам был решающим, так как ее бескорыстие было очевидно. Разошлись дружески, с взаимным уважением друг к другу, без всякой затаенной злобы.

Года через два Ходский каким-то непостижимым образом оправился и затеял новую газету. Он вошел в соглашение с некоторыми не пользовавшимися уважением в литературных кругах личностями, как проф. Мигулин, нововременец Гофштеттер, и с ними начал издавать газету под названием «Русская земля»²⁰⁵. Он звал в нее и нас, своих бывших сотрудников, но никто из нас не пошел. Газета была сумбурная, представлявшая странную смесь народничества, либерализма, неославянофильства и чего-то еще, и была совершенно бездарна. Внимание к себе она не привлекла; ее никто никогда не цитировал, никто даже не полемизировал с ней, и месяца через три она погибла. На этот раз, кажется, можно сказать, что она погибла в борьбе с равнодушием публики.

После этого я имел дело с Ходским еще два раза.

Кажется, в 1909 г. (а может быть, и позже) Ходский отбывал свое тюремное заключение²⁰⁶. В это время я судился по одному из своих многочисленных дел, связанных с моим редакторством «Нашей жизни». В свидетельстве его у меня не было ни малейшей нужды, но внешне благовидный предлог для вызова его найти было не трудно, и я думал, что доставлю ему удовольствие, если прерву скуку его тюремного заключения возможностью развлечься поездкой, хотя бы и в тюремной карете, в суд и повидать там, хотя бы издали, знакомых людей. Но из предосторожности раньше, чем потребовать формально его вызова, я передал это пожелание ему через ходившую к нему на свидания его племянницу и, к удивлению, получил и устно, и потом дополнительно письменно решительную, даже несколько раздраженную просьбу этого не делать. Я, конечно, охотно отказался от вызова, но решительно недоумевал о мотивах. Мне самому и, как мне кажется, почти всякому другому такой вызов был бы только приятен.

В начале революции 1917 г. он приехал ко мне и просил меня принять участие, прочтением доклада по избирательному праву, в организуемом им собрании студентов Лесного института, где он состоял профессором. Я с удовольствием принял предложение, и доклад был прочитан. Это было последнее наше свидание. Вскоре после этого он умер²⁰⁷.

²⁰⁵ Неточность: имеется в виду газета «Голос земли».

²⁰⁶ См.: «...Х[одский] в течение 1906 г. судился три раза в С.-Петербургской палате (первый раз – 500 р. штрафа, второй – оправдание, третий – 6 мес. тюрьмы); первые два приговора были кассированы сенатом» (Ходский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1907. Доп. т. 2а. С. 847).

²⁰⁷ Л. В. Ходский скончался 8 декабря 1919 г. от пневмонии.

Воспоминание о нем осталось у меня очень сложное, и разобраться в его личности я не могу, хотя в течение четырех лет видался с ним почти ежедневно. Что его толкнуло на газетную дорогу? Был он человек профессорского типа (притом был профессором добросовестным, знающим, но довольно заурядным); общественные инстинкты и интересы людей этого типа находят удовлетворение в научной работе и к непосредственной общественной работе влечения не чувствуют. Близким газетным сотрудником какой бы то ни было газеты он никогда не был. Вдруг он почувствовал газетный зуд, причем пожелал не вступить в какую-нибудь существующую газету, но непременно основать собственную. И произошло это не тогда, когда общий предреволюционный угар опьянил многих ранее политически неактивных людей, а раньше, еще в 1903 г. Находилось это, вероятно, в связи с получением им 20 000 рублей от продажи своего небольшого имения (продал ли он имение для газеты, или газета явилась неожиданным последствием продажи, – этого я не знаю). Но ведь 20 000 рублей можно истратить и на что-нибудь другое, а не только на газету; к тому же у Ходского была жена, которая, вероятно, могла бы помочь ему в этом (жена эта скоро умерла, когда издавалась «Наша жизнь»). К тому же для газеты 20 000 – сумма совершенно ничтожная; с нею начинать газету – это верное выбрасывание денег на ветер, и только совершенно исключительные условия революционного момента сделали ее достаточной для начала.

В 1903 г., когда Ходский начал хлопоты о газете, для ее возникновения требовалось разрешение Главного управления по делам печати, каковое давалось с очень большим трудом. Требовались долгие утомительные хлопоты, требовалась большая предварительная энергия. Ходский проявил ее. Обнаружить такую энергию могли люди двух категорий: или люди с большим газетным зудом, газетчики по призванию, или же дельцы, рассчитывающие на большой доход либо от ее ведения, либо от перепродажи разрешения в другие руки. Ни того, ни другого мотива я не могу приписать Ходскому.

В Главном управлении его спрашивали:

– Вы хотите создать новые «Русские ведомости» в Петербурге? Нам довольно неприятностей с одними в Москве.

– Нет, «Русские ведомости» сами по себе, а я сам по себе²⁰⁸.

Наконец, газету разрешили.

Как составить редакцию? И вот тут передо мной – вторая загадка.

Сам Ходский – человек очень умеренных воззрений и притом не без сумбура в голове. Он никогда не входил ни в какую политическую партию, не входил в силу недисциплинированности своей натуры, которую сам принимал за своеобразие своих убеждений. Ни в каком случае нельзя поместить его «левее кадетов»; он был либо кадетоидом, либо – и это ближе к истине – правее кадетов, и, может быть, издававшаяся им «Русская земля»²⁰⁹ была ближе к его действительным убеждениям, чем «Наша жизнь». И тем не менее он обратился к людям, которые почти все принадлежали к радикальному течению и после образования партий оказались «левее» кадетов. В большом числе он пригласил людей, лично ему знакомых по Саратову, откуда сам был родом; частью это были люди, в то время почти совсем неизвестные в литературе: Жилкин, Неманов (ныне близкий сотрудник милюковских «Последних новостей»), Португалов; из людей, уже тогда известных, имелись Прокопович, Кускова, В. С. Голубев. Затем, частью по самостоятельному выбору, частью по рекомендации вышеназванных, он пригласил

²⁰⁸ Сам Л. В. Ходский передавал этот диалог так: «Вы что же, хотите в Петербурге издавать вторые “Русские ведомости”? – Я не предполагаю копировать какую бы то ни было из существующих газет, в том числе и “Русские ведомости”. По направлению, конечно, моя газета не будет ни “Новым временем”, ни “Гражданином”, но конкурировать по распространению с “Новым временем” не собираюсь. Рассчитываю на средний успех, а потому и большой опасности она не представит» (*Ходский Л.* Как возникла «Наша жизнь» // Товарищ. 1906. № 106. 5 (18) нояб.).

²⁰⁹ Правильно: «Голос земли».

некоторых лиц, с которыми у него близкого знакомства не было: Богучарского, меня и некоторых других.

Что заставило его выбрать такой контингент сотрудников? Конечно, очень легко сказать: он почувствовал веяние эпохи и понял, что эти люди могут создать ему успех. Но такая мотивировка слишком шаблонна, слишком элементарно-грубая, чтобы быть верной; к тому же за Ходским я не могу признать такого тонкого политического нюха. Это совсем не Суворин²¹⁰ и не член суворинской семьи²¹¹. Тут несомненно было что-то более глубокое. Редакцию он подобрал, следовательно, индивидуально, но вполне удачно в том отношении, что она сразу спелась и оказалась однородной и дружной. Но затем он сразу предоставил все дело в ее руки на коллегиальных основах, сохранив за собой хозяйственное верховенство и положение ответственного редактора с правом цензурного вето, которым пользовался не всегда благоразумно. Избирать редактора он предоставил редакции и признал даже право браковать его собственные статьи, которым мы иногда и пользовались.

Значит ли это, что он обладал товарищескими чувствами, был человеком коллегиальным? Напротив. Товарищем он был дурным, иметь дело с ним было тяжело и неприятно. Он отстаивал каждую мелочь очень упрямо, раздраженно, неприятным тоном и только в случае очень решительного требования с нашей стороны уступал. Но неприятный осадок оставался после каждого с ним спора.

В денежных вопросах он был очень экономен, можно сказать – скуп. Жалованье и гонорары у нас были значительно, раза в полтора ниже, чем в «Сыне Отечества», не говоря уже о старых богатых газетах, как «Новое время». На всякое требование, вроде посылки корреспондента на войну с необходимо высокими путевыми расходами, он шел крайне неохотно, хотя это для газеты было совершенной необходимостью. Но вместе с тем в делах денежных он производил впечатление безукоризненно честного человека. Я уже рассказал выше, как он поступил во время запрещения газеты в начале 1905 г. Когда газета приближалась к гибели и у нас начались задержки в выдаче жалованья, он каждого сотрудника предупреждал:

– Газета находится в тяжелом положении. В настоящее время я не могу уплатить вам всего, что я вам должен, и несомненно это будет продолжаться еще некоторое время. Если газета оправится, вы получите свое сполна. Если не оправится, я вам уплатить своего долга не смогу. Решайте сами, оставаться ли вам в газете.

Я добрый десяток раз работал в гибнущих предприятиях и никогда такого отношения не встречал. Всегда издатели ввиду предстоящей гибели начинали давать неисполняемые обещания, лгать, уваливать, уклоняться от разговоров. Одних никак нельзя было поймать: они назначали время и место свидания для денежного разговора – и в назначенные время и место не являлись; другие говорили: «Простите, это случайная временная заминка, на будущей неделе я вам все пришлю по почте»; «Ах, действительно, я обещал уплатить на этой неделе; простите, понадобилось произвести экстренный платеж; на будущей неделе непременно». Третьи предоставляли объясняться с конторщиками, которые ничего сказать не могли, и т. д. Честные, откровенные заявления Ходского составляют совершенно исключительный уникум, и потеря мною за «Нашей жизнью» довольно значительной суммы, весьма для меня тяжелая, вместе с

²¹⁰ В. В. Водовозов считал, что А. С. Суворин всегда «шел за успехом»: «Он выступил либералом, когда либеральные идеи носились в воздухе и всякий молодой, свежий человек неизбежно ими заражался. В 1876–77 году он, в силу того же отсутствия прочных основ в своем мирозерцании, стал сторонником и бардом славянского восстания, а затем покатился вниз по покатой плоскости, сначала через легкое юдофобство к юдофобству ожесточенному и, наконец, к мелочно узкому антисемитизму, национализму, консерватизму, угодничеству перед властями» (*Водовозов В. Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912)* // Вятская речь. 1912. № 180. 17 авг.).

²¹¹ Имеются в виду сыновья А. С. Суворина: Михаил (1860–1936) – редактор газеты «Новое время» (1903–1916), возобновленной им в Белграде; Алексей (1862–1937) – издатель газет «Русь» (1903–1908), «Новая Русь» (1908–1917) и др.; Борис (1879–1940) – редактор газет «Вечернее время» (1911–1916), возобновленной им в Париже и Шанхае, и «Новое время» (1915–1916).

тем не оставила во мне ни малейшего чувства горечи лично против Ходского; напротив, [оставила] чувство уважения к нему как к очень корректному человеку.

Помимо «Нашей жизни» в описываемый период я работал и в других изданиях. Продолжалась моя давнишняя работа в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза – Ефрона, выпускавших в это время (1906–1907 гг.) последние свои дополнительные тома. Пописывал отдельные статьи в «Русском богатстве» и в других различных изданиях. Издал шестью отдельными выпусками «Сборник программ политических партий в России»²¹², который сначала имел громадный успех: первые выпуски, в которые вошли программы партий социалистов-революционеров и социал-демократов, разошлись в два-три месяца в 10 000 экземпляров; но следующие выпуски с программами партий правых расходились все медленнее, так что на шестом выпуске мне пришлось прекратить издание.

Но гораздо более душевно связан я был со своею политической деятельностью.

Осенью 1906 г. был созван первый партийный съезд Трудовой группы в Финляндии на берегу Сайменского канала²¹³.

Как я уже говорил, Трудовая группа образовалась в самой 1-й Думе из ряда беспартийных, а частью принадлежавших к другим партиям депутатов. Таким образом, она не являлась политической партией в точном смысле этого слова; никакой организации вне Думы у нее не было; слово «группа» вполне точно соответствовало ее характеру. Она была сначала только думской фракцией. Во время Думы, однако, начала обростать организацией. Прежде всего в Петербурге появились люди, к Думе не принадлежавшие, но вошедшие в состав группы, как я, что уже само по себе изменяло и нарушало ее характер как только думской фракции. Затем появилось значительное число лиц, заявлявших о своей готовности поддерживать группу. Я говорил о приговорах волостных собраний о присоединении к Трудовой группе. Такие приговоры были, конечно, наивны и говорили только о сочувствии, но не о реальной организации и практического значения не имели. Но уже во время Думы и особенно тотчас после ее разгона в разных местах начали возникать организации, ставившие своей задачей содействие Трудовой группе.

После разгона сразу выдвинулась задача содействия проведению членов Трудовой группы во вторую Думу. Такая организация образовалась и в Петербурге, и в нее сразу вошло свыше 100 членов, довольно регулярно плативших членские взносы. В нее вошли два небезызвестных педагога – С. Ф. Знаменский и Душечкин, писательницы Любовь Гуревич и О. Волькенштейн, проф. А. А. Жижиленко (года через два из нее вышедший и присоединившийся к кадетам) и, конечно, все бывшие депутаты, оставшиеся в Петербурге. Большинство депутатов, пришедших в группу из партии социалистов-революционеров, остались в группе; к ним принадлежали Аникин, Седельников, Григорий Карпович Ульянов и другие. Таким образом, месяца через два после разгона Думы Трудовая группа обратилась в настоящую политическую партию (хотя и сохранившую, ввиду его популярности, название группы), имевшую свои многочисленные отделения по всей России.

Явилась надобность оформить, конституировать эту партию. Для этого решено созвать общий съезд, который и собрался ранней осенью где-то на берегу Сайменского канала. Там был выбран Центральный Комитет, в который вошли Брамсон, Аникин, я и многие другие; комитету дано право кооптации, которым он и пользовался ввиду обнаружившейся невозможности созвать новый съезд. Выработана была программа группы. Некоторые участники съезда желали объявления группы социалистической, но большинство, заявляя себя лично социалистами, не видели в этом надобности. В программе была подробно развита практическая сторона, т. е. то, что в программах социалистических партий называется программой-минимум, а

---

²¹² См.: Сборник программ политических партий в России / С предисл. В. В. Водовозова. СПб., 1906. Вып. 1–6.

²¹³ Судходный канал между озером Сайма и Выборгским заливом, открытый в 1856 г.

именно: наши политические требования (всеобщее голосование, свобода слова и т. д.) и требования социальные, в частности и в особенности в области аграрного вопроса²¹⁴.

Тяжелый вопрос стоял перед нами: что делать для проведения в жизнь Выборгского воззвания? Несколько восстаний было подавлено. Налоги платились всеми. Можно ли было призывать к прекращению их платежа и к военной забастовке? Было ясно, что, кроме нескольких отдельных вспышек, которые будут залиты кровью, из таких призывов ничего не выйдет. Пришлось от Выборгского воззвания отказаться. И стало ясно, что как в Выборге мы (вместе с социал-демократами) оказались в хвосте у кадетов, так и теперь в отказе от него мы идем за ними же.

Затем решено принять деятельное участие в избирательной агитации и потом в выборах во 2-ю Думу под собственным флагом. Следовательно, Трудовая группа должна была явиться в следующую Думу уже не аморфным собранием беспартийных и не конгломератом разных партий, а уже готовой партией со своей программой, со своими традициями, опирающейся на партийную организацию в стране и ответственной перед нею.

Летом 1906 г., вскоре после разгона Думы, организовалась партия народных социалистов, во главе которой стояли Мякотин, Пешехонов, Анненский. Меня звали в эту партию, и на двух или трех предварительных собраниях для обсуждения ее программы я был²¹⁵. Программа-минимум этой партии почти совершенно совпадала с нашей, но она объявляла себя социалистической. Главный пункт разногласия между мною и ею – бойкот выборов – исчез: партия решила в них принять активное участие. Тем не менее после некоторого колебания я решил в партию не вступать. Мне казалось самое возникновение ее в это время рядом с Трудовой группой не нужным. Трудовая группа уже существовала, была очень популярна в крестьянстве, и создание новой политической организации рядом с нею вносило, как мне казалось, только путаницу в голове народа.

²¹⁴ Ср.: «В октябре состоялся на Иматре съезд Т[рудовой] группы, на который съехались бывшие депутаты, оставшиеся на свободе, и некоторые лица, близкие к Трудовой группе; туда же были приглашены представители партий соц.-револ[юционеров], соц.-демок[ратов], нар[одно]-соц[иалистической] и союзов крестьянского, железнодорожного и учительского. На этом съезде было решено, что Т[рудовая] группа должна являться политической организацией, не исключительно парламентской; задачей ее было поставлено объединение элементов, не охватываемых партиями, стоящими налево от к[а]-д[етов]. <...> Правительство относилось к Т[рудовой] группе как к организации революционной; некоторые газеты, напечатавшие ее платформу, были конфискованы, с привлечением редакторов к суду по 129 ст. К февр. 1907 г. в России имелось 32 местных комитета Т[рудовой] группы, со многими тысячами зарегистрированных активных членов. Организовавшись наподобие политической партии, Т[рудовая] группа все-таки дорожила своим названием “группы” и противопоставляла себя политическим партиям, настаивая на том, что она является политической организацией беспартийных. <...> В области политической платформа Трудовой группы требовала полного “осуществления народовласти” и всенародной Государственной Думы, избранной всеобщим голосованием по семичленной формуле; этой Думе должна принадлежать вся полнота законодательной власти и полнейший контроль над исполнительной властью. Подобные же радикальные требования были выставлены в вопросах административном, финансовом, военном, национальном. По отношению к земельному вопросу платформа выражает свое полное согласие с аграрным проектом 104-х. По отношению к вопросу фабричному платформа выдвигает требование 8-часового рабочего дня, с запрещением труда малолетним до 16 лет, с обязательным еженедельным 42-часовым отдыхом и т. д. Кроме этих практических требований, в платформе выражено стремление опереть Трудовую группу на делящийся союз трех или даже четырех общественных классов (рабочие, крестьянство, служащие в торгово-промышленных и других предприятиях, трудовая интеллигенция), которые вместе составляют “трудовой народ”» (*Водовозов В. Трудовая группа // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Доп. Т. 2а (1907). С. 787–790.*

²¹⁵ 26 мая 1906 г. на первом организационном собрании Трудовой (народно-социалистической) партии обсуждался проект ее программы, утвержденный 14 июня, а в состав Организационного комитета в числе прочих вошли члены редакционного комитета журнала «Русское богатство» Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин, А. Б. Петрищев, А. В. Пешехонов. Так как В. И. Семевский на собрании не присутствовал, 20 июня Мякотин информировал его: «“Беззаглавцы” различаются с нами, все – исходными пунктами мировоззрения и многие – аграрной платформой, то есть едва ли с ними можно будет сойтись. Из приглашавшихся на собрания сотрудников “Нашей жизни” бывали только Жилкин и Василий Васильевич [Водовозов]. Жилкин вошел к нам, но Василий Васильевич как раз заявил, что для него является препятствием философское введение [программы], которое он и предлагал выбросить. Для остальных это представлялось неприемлемым, так как партию можно создать только на основе определенного мировоззрения и умолчание о нем могло бы привести только к тому, что внутри самой партии вспыхнул бы вскоре спор двух направлений» (Трудовая народно-социалистическая партия: документы и материалы. М., 2003. С. 74).

Зима 1906–1907 года была опять наполнена избирательной борьбой. Но характер ее был уже не прежний. Избирательный закон в законодательном порядке изменен еще не был, но он был изменен в порядке сенатских разъяснений. Комната, сданная жильцу прямо от домохозяина, прежде считалась квартирой и давала квартирный ценз; теперь было разъяснено, что за квартиру признается только такое помещение, в котором имеется особый очаг для приготовления пищи. Для крестьянского ценза прежде было достаточно принадлежать к крестьянству какой-либо волости; теперь потребовалось еще ведение крестьянского хозяйства, так что многочисленные учителя из крестьян, в 1-ю Думу проходившие по крестьянскому цензу, теперь потеряли право голоса.

Может быть, еще хуже было сильное стеснение агитации. На избирательные собрания по закону могли являться только лица, пользующиеся правом голоса в данном избирательном округе, но прежде их права проверке не подвергались; теперь же по большей части у входа помещения собрания полиция требовала и проверяла документы. Благодаря этому ораторы, жительствовавшие на Васильевском острове, потеряли возможность говорить на Петербургской стороне, и обратно (хотя и те и другие должны были проводить общий список депутатов и делились только для первой стадии выборов, избрания выборщиков)²¹⁶. Но этого мало: проверка документов всех входящих затягивала открытие собрания, назначенного на восемь часов, до половины десятого или десяти. Неудобство обходилось тем, что организаторы объявляли не избирательное собрание, а общий митинг – не по выборному закону, а по закону о собраниях, и его *de facto* обращали в избирательное собрание. Такие митинги часто под различными предлогами запрещали, но все-таки общее число их, состоявшихся в эту зиму в Петербурге, было довольно значительно, хотя и гораздо меньше, чем в предшествующем году.

Лично я по-прежнему прав не имел. С осени 1906 г. я нанял квартиру на Васильевском острове и жил в ней с женой, но для ценза нужно было прожить не менее года; между тем до выборов оставалось не более нескольких месяцев. А к тому же с весны 1906 г. я состоял под судом по обвинению в тяжком преступлении, влекущем за собой лишение прав состояния, а с осени надо мной уже тяготел приговор²¹⁷, лишаящий избирательных прав навсегда, не восстанавливаемых даже помилованием²¹⁸.

Очень скоро попали под суд и тоже потеряли избирательные права названные выше лидеры партии народных социалистов. Не имел ценза и Милюков.

Благодаря недостаточной бдительности полиции раза два, однако, я проникал на избирательные собрания²¹⁹, а на общих митингах участвовал и по праву.

²¹⁶ См. отчет о беспартийном предвыборном собрании в театре Немецки 6 января 1907 г.: «Не успел оратор и рта открыть, как полицейский чиновник заявил, что г. Водовозов – избиратель не по Петербургской части, а потому и говорить в настоящем собрании права не имеет. Заявив, что он подчиняется насилию, г. Водовозов оставил трибуну. Этот инцидент вызвал шум и крики среди собравшихся. Председателю не удалось успокоить собрание. В. В. Водовозов снова взойшел на трибуну, чтобы просить не “срывать” собрания из-за требования полиции. Но чиновник, не выслушав заявления г. Водовозова, объявил собрание закрытым» (К выборам в Государ[ственную] думу // Речь. 1907. № 6. 7 янв.).

²¹⁷ 17 августа 1906 г. особое присутствие судебной палаты приговорило В. В. Водовозова к заключению в крепости на один год с воспрещением «принимать на себя в течение пяти лет звание редактора или издателя какого бы то ни было повременного издания» (Дело В. В. Водовозова в С.-Петербургской судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях, совершенных им в качестве редактора «Нашей жизни», «Сборника программ политических партий в России» и др. С. 56).

²¹⁸ 11 января 1907 г. губернская по выборам в Государственную думу комиссия отклонила жалобу В. В. Водовозова, который указывал, что приговорен к тюремному заключению «по статье закона, не лишаящей обвиняемого избирательных прав», и просил включить его в списки избирателей Петербурга. Но комиссия «не признала возможным руководствоваться в данном случае приговором суда, ссылаясь на то, что в момент составления списков г. Водовозов привлекался к ответственности по такой статье закона, которая угрожала обвиняемому лишением всех прав» (К выборам в государ[ственную] думу // Речь. 1907. № 12. 9 янв.). Сенат также 26 января отклонил жалобу Водовозова относительно исключения его из списка выборщиков, пояснив, что «изъятию из избирательных списков подлежат все лица, признанные виновными в деяниях, влекущих за собой лишение прав, независимо от степени наказания, примененного судебной инстанцией в каждом отдельном случае» (К выборам в государственную думу // Товарищ. 1907. № 177. 28 янв.).

²¹⁹ В отчете о предвыборном собрании, устроенном Партией мирного обновления в помещении Вольного экономического общества 5 января 1907 г., сообщалось: «...когда <...> на трибуне появился В. В. Водовозов и во вступлении к своей речи

Ход выборов, агитация, настроения на митингах и избирательных собраниях были гораздо спокойнее, чем в предыдущем году. Но полиция была гораздо придирчивее, чем раньше, и потому процент закрытых собраний был, вероятно, не меньше. Один не лишенный своеобразного остроумия прием их закрытия полиция выдумала теперь впервые. Состоял он в следующем.

Однажды я почувствовал во время митинга, что пристав пропустил один или два удобных предлога для закрытия митинга, что вообще он настроен как-то благодушно и все время ухмыляется. Меня это немного удивило. И вот ровно в 12 часов ночи он поднялся и заявил:

– 12 часов ночи. Объявляю собрание закрытым. Собрание разрешено только на такое-то число, – то есть на этот день, когда оно открылось, а с наступлением полночи начался новый день.

По-видимому, изобретение приема принадлежало именно этому приставу, и он был снисходителен, чтобы иметь возможность пустить его в ход. Но вслед за тем прием – не знаю, по особому ли предписанию свыше или по молчаливому соглашению всех, – стал общепринятым, и все собрания обязательно закрывались в 12 часов, что особенно было удобно для правительственных целей, когда оно вследствие придирок полиции открывалось в 10.

Резкое отличие этой второй кампании от первой состояло в том, что она была гораздо содержательнее. Тогда ее предметом был один вопрос: выбирать или бойкотировать. Теперь на очереди стояли программы различных партий во всем разнообразии их содержания. Теперь серьезно и разносторонне оценивался столыпинский закон о землеустройстве и другие законодательные вопросы. Прежде боролись только два течения, каждое из которых объединилось на одном случайном тактическом решении. Теперь боролись различные партии друг против друга, и предметом обсуждения была вся государственная жизнь. Таким образом, проходимый народом курс политического обучения был шире и серьезнее, но, к несчастью, число школьных часов и слушателей оказывалось гораздо меньше, и притом по двум совпадавшим причинам: большей придирчивости полиции²²⁰ и меньшего интереса народа.

Кроме вопросов теоретических по временам всплывали и вопросы партийно-практические.

коснулся положения страны и “победы конституционного нашего правительства, залившего страну кровью и покрывшего ее бесконечным рядом виселиц”, поднялся какой-то штатский господин и, отрекомендовавшись чиновником особых поручений при градоначальнике, потребовал от председателя прекращения этой речи, как “не касающейся разрешенной темы...” В. В. Водовозов заявляет, что подчиняется этому требованию, хотя находит его совершенно произвольным, и переходит к разбору деятельности п[артии] мир[ного] обновления. Деятельность эту оратор намерен иллюстрировать тактикой некоторых из лидеров п[артии] м[ирного] об[новления] в первой государственной думе. “Когда в Первой государственной думе, – начал г. Водовозов, – заговорили о какой-то телеграмме, полученной из одной деревни и сообщавшей о действии присланных туда казаков...” На этих словах оратор вновь был прерван тем же штатским, заявившим, что он не позволит на настоящем собрании касаться деятельности первой государственной думы и заседавших в ней партий. В противном случае он вынужден будет закрыть собрание. В. В. Водовозов недоуменно спрашивает: “Неужели и об этом нельзя говорить?” – и под оглушительными аплодисментами всей залы оставляет кафедру. Слово предоставляется следующему оратору. Но не успел еще последний занять место у кафедры, как показавшийся тут же полицейский офицер заявил, что он закрывает собрание и просит публику оставить зал» («Свобода собраний» // Речь. 1907. № 5. 6 янв.).

²²⁰ Например, 27 декабря 1906 г. в Военно-педагогическом музее в Соляном городке состоялся митинг с участием порядка 800 человек, на котором выступили П. Н. Милюков, Ф. И. Родичев, П. Б. Струве, Н. А. Гредескул, В. С. Войтинский, Н. В. Крыленко, В. А. Мякотин, В. В. Водовозов и др. (см.: Водовозов В. К митингу к.-д. 27 декабря // Товарищ. 1906. № 151. 29 дек.; см. также: Избирательное собрание в Соляном городке // Там же. № 150. 28 дек.; Кадетский митинг // Речь. 1906. № 88. 29 дек.; Идеи и настроение // Там же. № 256. 31 дек.). В тот же день начальник столичной охраны полковник А. В. Герасимов уведомил Департамент полиции, что речи Водовозова и Мякотина, которые на избирательном собрании кадетов призывали выбирать в думу «представителей партий, стоящих левее, и вообще не слагать оружия до тех пор, пока народ не добьется полной свободы, хотя бы эта победа стоила очень и очень больших жертв», были настолько «страстны и зажигательны, что даже присутствовавшие октябристы аплодировали». Вызванные 5 февраля 1907 г. на допрос в Петербургское жандармское управление, Водовозов и Мякотин были уведомлены, что «за произнесение речей, возбуждающих к ниспровержению существующего в государстве общественного строя» привлечены к дознанию в качестве обвиняемых, которое, впрочем, 12 марта было прекращено (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 204. 7 д-во. 1907. Д. 554. Л. 1–7; К выборам в государственную думу // Товарищ. 1907. № 184. 6 февр.).

В Петербурге на предыдущих выборах полную победу одержали кадеты. Все 160 выборщиков от городской курии были избраны по списку кадетской партии, и только выборщиками от рабочей курии (их было что-то около 12) оказались, вследствие бойкота социал-демократов, представители рабочей – монархической – партии (ушаковцы). Кадетские выборщики имели и полное моральное право, и полную практическую возможность игнорировать их, и потому все 6 депутатов от Петербурга были кадеты.

Теперь дело обстояло несколько иначе. В прошлом году блестящая победа кадетов по городской курии объяснялась бойкотом со стороны социалистических партий; у них просто не было соперников, так как октябристы и правые таковыми считаться не могли. Положение этих последних и теперь не стало лучшим; по-прежнему они не решались ни устраивать своих собраний, ни выступать на чужих. Но слева явились серьезные противники: все три партии – социал-демократы, социалисты-революционеры и Трудовая группа – в коалиции с народными социалистами выставили свои списки, и было совершенно неизвестно, за кого выскажется избиратель. Явился и один неожиданный, внепартийный, но все же серьезный кандидат – священник Григорий Петров. Кадеты на победу надеялись, но полной уверенности в успехе у них быть не могло; к тому же им хотелось чувствовать под собой опору всего петербургского населения. Поэтому у них была некоторая склонность к коалициям и соглашениям.

Они начали с того, что совершенно без переговоров с кем бы то ни было, вполне по собственной инициативе заявили, что одно депутатское место из 6 по городу Петербургу они уступают рабочей курии²²¹. Имея в коллегии выборщиков (или рассчитывая на) 160 мест из общего числа 170 с чем-то, они, конечно, не были обязаны делиться депутатскими местами ни с кем; поэтому такое заявление производило сильное впечатление как добровольный акт, свидетельствовавший о верности принципу всеобщего голосования. Конечно, с социал-демократической стороны раздалось утверждение, что если бы кадеты были действительно верны принципу всеобщего голосования, то они должны были бы уступить социал-демократам не одно, а чуть ли не все 6 мест. Само собой разумеется также, что в этом смысле верными принципу всеобщности сами социал-демократы нигде и никогда не были, никогда не отказываясь от какого-либо преимущества, создававшегося случаем в их пользу; в частности, они не оказались верными ему во время выборов в Петербурге во 2-ю Думу, когда в рабочей курии голоса разделились почти поровну между социал-демократами и социалистами-революционерами и социал-демократы, пользуясь некоторыми преимуществами своего положения, не пропустили в коллегию выборщиков ни одного социалиста-революционера.

Далее кадеты предложили баллотироваться по их списку Григорию Петрову. Это был акт совершенно другого политического значения. Григорий Петров был превосходный народный оратор, очень популярный в мелкой петербургской буржуазии. Но как политический мыслитель он был путаная голова без определенной программы, в которой клочки христианского социализма, политического радикализма и национализма переплетались и образовали значительный сумбур. Ни к кадетской, ни к какой другой партии он не принадлежал.

Я был довольно хорошо знаком с ним и нередко вел с ним беседы на политические темы. Однажды на мой вопрос: «Како веруеши?» он ответил таким образом (разговор происходил около времени принятия им кадетской кандидатуры):

– Я, собственно, анархист. Но к анархизму нужно идти через социализм. Так как, однако, в настоящее время все практические требования социалистов неосуществимы, то я поддерживаю кадетов.

²²¹ См.: «Партией народной свободы выставляются кандидатами в Государственную думу от г. С.-Петербурга: I. Пять лиц из следующих шести (порядок алфавитный): Гессен И. В., Ковалевский М. М., Кутлер Н. Н., отец Григорий Петров, Родичев Ф. И., Струве П. Б. II. Один рабочий, по указанию выборщиков рабочих» (Речь. 1907. № 26. 1 февр.).

Очевидно, что эту линию уступок можно было бы продолжить примерно так: «А так как требования кадетов при нынешнем, все еще очень сильном правительстве являются утопическими, то я готов быть сторонником октябристов. Но и октябристы...»

И можно было бы понемногу дойти до Союза русского народа. Очевидно, что такой человек может иметь значение в качестве митингового оратора, поскольку он критикует действия правительства (в некоторых случаях он действительно бывал незаменим), но в законодательном учреждении ему не место, и, во всяком случае, не серьезной партии проводить его кандидатуру. А если кадеты это сделали, то вряд ли можно сомневаться, что мотивом послужила погоня за голосами политически малоразвитой массы посредством коалиции с совершенно чуждым им и опасным деятелем. В Думе Петров оказался молчаливым депутатом; кажется, он не сказал в пленарных заседаниях ни одного слова.

И вот ввиду этих фактов я предложил в Трудовой группе: предложить всем партиям, от кадетов до социалистов, общее соглашение. Лично я, оценивая шансы партий, готов был удовлетвориться для всех левых двумя кандидатурами, т. е. чтобы одна была дана социал-демократам как имеющим в своих руках рабочую курию, а другая – какому-либо лицу, на котором могли бы согласиться все народнические партии; четыре же места предоставлены кадетам. В Трудовой группе мое предложение было встречено сочувственно, но разговаривать на эту тему с партийными организациями социалистов-революционеров и социал-демократов было невозможно. Если иногда они и готовы были согласиться на мое предложение в принципе, то с тем, чтобы левым дали 5 или по крайней мере 4 места, причем они основывали это на своем – конечно, очень наивном – учете борющихся сил. От партийных комитетов я перенес вопрос на один митинг, действуя по принципу: *flectere si nequeo superos, Acheronta movebo*²²² (разумея под *superos* партийных вождей, а под Ахероном – избирательские массы), но потерпел полное поражение. На митинге, где, конечно, тоже выступали партийные ораторы и в числе социал-демократов – упомянутый мною выше Товарищ Николай, было решено подавляющим большинством голосов предложить коалицию кадетам, потребовав от них 5 мест²²³.

Само собой разумеется, что идти с подобным предложением к кадетам было невысказано. Само собой разумеется также, что на выборах кадетский список прошел целиком абсолютным большинством, а все левые партии вместе получили хотя и довольно заметное, но все-таки только меньшинство голосов.

Из митингов этого времени, кроме описанного сейчас, у меня остался в памяти митинг в громадном зале Калашниковской биржи (где-то за Николаевским вокзалом), вмещавшем несколько тысяч человек, и остался в памяти благодаря той роли, которую сыграл на нем Родичев.

Один социал-демократ (если не ошибаюсь, это был молодой тогда Войтинский, ныне находящийся в эмиграции), человек безусловно талантливый, очень ехидно напомнил прошлогоднее пророчество Родичева о том, что в пропасть свалится тот безумец, который разгонит Думу.

²²² «Если небесных богов не склоню – Ахерон всколыхну я» (*лат.*; *Вергилий*. Энеида. VII, 312), т. е. приведу в движение подземные силы; Ахерон – мифическая река в подземном царстве.

²²³ 4 января 1907 г. В. В. Водовозов, говоря о соглашении на предвыборном собрании в театре Неметти, выражал недовольство тем, что кадеты уступают рабочей курии и левому блоку «лишь два места», возлагая на них ответственность за возможное прохождение в думу «черносотенцев» (Собрание к.-д. // Речь. 1907. № 5. 6 янв.). На другом собрании, состоявшемся в Соляном городке 6 января, Водовозов объяснял, что задача Трудовой группы «главным образом объединительная», но это ей удалось только отчасти: «Состоялось соглашение между трудовиками, н[ародными] с[оциалистами] и с[оциалистами]-р[еволюционерами]. Не удалось только пока привлечь две главные партии: к[а]-д[етов] и с[оциал]-д[емократов]. Первые упорно отказываются от соглашения, не желая уступить левому блоку более 2 мест, а с.-д. надеются провести борьбу самостоятельно. Трудовики требуют, чтобы к[а]-д[еты] уступили 1 место рабочим, 1 – с.-д. и 1 – [левому] блоку» (Предвыборные собрания // Там же. № 7. 9 янв.). Об этом же Водовозов говорил на собрании беспартийных избирателей 11 января в доме трудолюбия на Никольской площади, требуя немедленного, определенного и точного ответа, быть ли соглашению или нет, и большинство голосов было отдано за соглашение с уступкой кадетам двух мест (Предвыборные собрания // Там же. № 10. 13 янв.).

– Между тем, – говорил Войтинский, – разогнал Думу не безумец, а человек несомненно умный, и в пропасть он не свалился.

– Зато он свалился... в грязь! – была реплика со стороны Родичева.

Слово «грязь» было произнесено с особенной экспрессией, искусно усиленной предшествовавшей паузой. Гром аплодисментов приветствовал эту «грязь». А между тем ведь она не была ни возражением по существу, ни добросовестным признанием ошибки (ошибки в очень важном прогнозе, на котором строилась вся тактика), а была чисто словесным спасением от серьезного спора в подворотню. К сожалению, такими фразами всегда можно вызвать аплодисменты.

– Я думаю, что история не подпишет того патента на ум, который один из предыдущих ораторов выдал Столыпину, – сказал П. Б. Струве, тоже участвовавший в этом митинге²²⁴. Эта фраза тоже осталась не без шумных аплодисментов. Она любопытна для сравнения с теми восторженными отзывами, которые потом давал Струве тому же Столыпину²²⁵.

Если судить по настроению, господствовавшему на митингах, то полная победа левых над кадетами была неизбежна. На всех митингах, за немногими исключениями, торжествовали левые²²⁶. А выборы дали (по городской курии) безусловное торжество кадетам. Чем это объясняется?

В применении к выборам во 2-ю Думу это объясняется прежде всего тем, что, несмотря на все полицейские меры, главный контингент посетителей митингов составили не избиратели, а люди, либо вовсе лишенные избирательных прав, либо имевшие их по рабочей курии (которая и выбрала социал-демократов).

Далее, и на этот раз не только в применении к нашим выборам, а и в применении к большей части выборов в больших городах Западной Европы, – на митинги ходят по преимуществу левые. Еще в мою поездку в Германию в 1893 г. во время выборов в рейхстаг один свободомыслящий говорил мне:

---

²²⁴ Неточность: имеется в виду предвыборное собрание не в Калашниковской бирже, а в Соляном городке 27 декабря 1906 г., где В. С. Войтинский, не видевший смысла в «парламентской борьбе», которая, мол, «ни к чему не ведет», заявил, что «дума отточила секиру палача, и тот, кто разогнал думу, не безумец, а умный человек». На это П. Б. Струве ответил, что, по его мнению, «ни один сознательный человек в России не подпишет г. Столыпину диплома, свидетельствующего о его уме, о котором говорил г. Войтинский», а слова «секира палача» есть «прямое оскорбление первому русскому парламенту». Ф. И. Родичев, отвечая на «упрек, который непрестанно ему бросают крайние левые за сказанные им в прошлом году слова, что не будет безумца, который посмеет разогнать думу», заявил: «Да, я говорил: только слепое безумие может посягнуть на думу. Тот, кто это сделает, будет низвергнут в бездну. Относительно безумия – П. Б. Струве уже дал ответ. Я отвечаю еще. – Да, я ошибся: министерство роспуска свалилось не в бездну, а в грязь» (Собрание к.-д. // Речь. 1906. № 254. 29 дек.). Неделий позже на очередной упрек В. А. Мякотина, что заверения Ф. И. Родичева, «столь часто повторявшиеся: “клянусь, думу не разгонят!”», были только словами», П. Н. Милюков возразил: «Родичев, если правильно понимать его слова, говорил лишь о том глубоком негодовании, которое охватит народ при разгоне думы. Волны негодования действительно поднялись, но они быстро и упали...» (Собрание к.-д. // Речь. 1907. № 6. 7 янв.). Сам Родичев, выступая 11 января на собрании октябристов в Калашниковской бирже, говорил, что со всех сторон от него требуют ответа за его слова: «Я сказал тогда: “Только слепое безумие может посягнуть на думу. Как нельзя сломать иконостас Казанского собора, хотя для этого немного надо силы, так и думу разогнать нельзя”. – “А дума разогнана”, – злорадствуют справа и слева. На это я отвечаю: “Иды Марта еще не миновали”, или напомним слова Бориса Годунова Ивану Грозному: “Еще Кириллин день не миновал”. Вы, избиратели, решите этот вопрос, и я стою перед вами, как истец, и жду вашего решения. Оно будет то, которое я предсказал своим голосованием. Вы покажете, что думу разогнать нельзя. И та дума, которая соберется 20 февраля, будет думой, распущенной 9 июля, без тех или иных лиц, но – та же дума народной свободы» (Предвыборные собрания // Там же. № 13. 10 янв.).

²²⁵ Статью «Великая Россия» П. Б. Струве начинает с фразы П. А. Столыпина: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия» (Русская мысль. 1908. № 1. Паг. 2. С. 143).

²²⁶ См.: «3 февраля я был на митинге, устроенном кадетами в Народном доме Паниной. Против кадетов говорили Мякотин и я. Против нас выступил с речью П. Н. Милюков, очень резко. Публика, которая не забыла Милюкова с его “красной тряпкой”, встретила его раздраженно. После первых решительных нападений на нас Милюкова значительная часть публики (известно, что на митингах, устраиваемых кадетами, три четверти публики оказывается им враждебной) начала шикать, потом свистать. Сначала это были только знаки несочувствия и неодобрения, но скоро к ним присоединились громкие крики: “Долой, довольно”. Защитники Милюкова отвечали громкими аплодисментами, и борьба между двумя составными частями публики приняла характер, при котором митинг не мог продолжаться» ([Водовозов В.] Митинги и страсти // Товарищ. 1907. № 185. 7 февр.).

– Вы не смотрите на шумный успех социал-демократов на митингах. Он еще не говорит об их предстоящем успехе на выборах; его может и не быть. Зачем буржуазии идти на митинги? Только чтобы агитировать, но не для того, чтобы учиться; для учения она имеет университеты, книги, газеты. Она и не идет на митинги. А для рабочего они школа, и он очень дорожит ею.

Как я уже сказал, на выборах в Петербурге по городской курии победили кадеты. Они провели всех 160 выборщиков. В рабочей курии были большие нелады, и в уполномоченные прошло почти поровну социалистов-революционеров и эсдеков, что очень обескуражило и изумило этих последних. Но при избрании выборщиков социал-демократы не дали ни одного места с[оциалистам-революционе]рам.

На общегородском собрании выборщиков обеих курий И. В. Гессен от имени 160 кадетских выборщиков обратился к выборщикам рабочих:

– Наша партия обещала дать одно место представителю рабочей курии. Кого желает она?

– Мы не хотим разговаривать с буржуазией, – ответил Алексинский от имени рабочих.

Ответ был груб... и глуп. Мне кажется, что если бы кадеты, воспользовавшись этой грубостью, отказались от своего обещания, мотивировав тем, что они не знают, за кого голосовать, то трудно было бы их обвинять. Тем не менее они не пожелали сделать этого и выбрали этого самого Алексинского.

Другие их избранники были: И. В. Гессен, Родичев, Кутлер, П. В. Струве, Гр. Петров.

Кстати, об этом Алексинском. Я его немного знал. Года за три до Думы он был у меня в Киеве с теплым рекомендательным письмом от Дмитрия Ивановича Шаховского²²⁷. А теперь он не хотел разговаривать с буржуазией! Мне он не понравился, и мы с ним не сошлись сколько-нибудь близко. Впоследствии, в эмиграции, Алексинский сделал новый вольт, на этот раз направо, и в настоящее время числится чуть ли не в монархистах.

²²⁷ Осенью 1903 г. Г. А. Алексинский из Хотина Бессарабской губернии писал В. В. Водовозову: «Милостивый государь Василий Васильевич! Может быть, Вы не забыли, как я был у Вас в январе этого года с запиской от Дим[итрия] Ив. Шах[овского]. Я в течение нескольких лет, живя в Ярославле, работал в “Сев[ерном] крае”, но теперь мне вследствие семейных причин приходится жить на юге. Не можете ли Вы мне получить работу в новой киевской газете, к[ото]рую, как я слышал и читал в “Русс[ких] вед[омостях]”, будут издавать бр[атья] Александровские. Мой образовательный ценз – семь семестров историко-фил[ологического] ф[акультета] (Моск[овского] унив[ерситета]) по историч[ескому] отделению. В начале 8-го семестра (за 2 месяца до госуд[арственных] экзаменов (в феврале 1902 г.)) был арестован и уволен, до конца июля этого года лишен был столиц. Теперь срок ограничения кончился. Литературная практика: 3–4 года работы в “Сев[ерном] крае”, где был членом редакц[ионного] совещания и заведовал поочередно иностр[анными] известиями (знаю франц[узский], нем[ецкий], польский и немного новогреч[еский] языки), затем вел обзор печати и внутр[енние] известия. Писал передовицы по иностр[анной] политике два раза в неделю. Кроме заведывания отделом иностр[анных] известий и обзора печати, писал фельетоны на местные и общие темы, под псевдонимом Чужестранец, и литературно-исторические и критические фельетоны (последний из них о Помяловском – в начале октября). Одну зиму (1901 г.) работал в Москве, в “Курьере”, – перестал из-за ареста. В “Курьере” писал фельетоны по очередным вопросам. Теперь работаю в “Сев[ерном] крае” (посылаю статьи) и веду журнальное обозрение в “Южном курьере” (молодая газета в Керчи). Года два тому назад напечатал статью о Щапове в “Русс[кой] мысли”. Знаком и с технической стороной газетного дела, так как приходилось выпускать “номера” в “Сев[ерном] крае”. Кроме Дим. Ив. и других членов редакции “Сев[ерного] края”, отзыв обо мне может дать Евг. Ник. Чириков. Вы меня простите, что я так прямо обращаюсь к Вам с просьбой этой, но когда я уезжал из Ярославля, Дим. Ив. рекомендовал мне Вас как хорошего человека, с которым можно говорить откровенно» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2009. Л. 5–7).

Глава VI. 2-я Дума. – Партии в ней, в частности Трудовая группа. – Караваев, Березин. – Аграрный вопрос. – Законопроекты о смертной казни и амнистии. – Священник Тихвинский. Его расстрижение. – Роспуск 2-й Думы

20 февраля 1907 г. собралась 2-я Дума. Меры, принятые властью для искажения избирательного закона и для стеснения избирательной агитации, дали лишь ничтожные результаты: Дума осталась, с правительственной точки зрения, левой (то есть при причислении к левым и кадетов). Правда, в ней появился правый сектор (октябристы и правые), которого в 1-й Думе не было, но он был ничтожен численно, лишен сколько-нибудь крупных талантов и имел очень мало значения (разве для скандалов). Один Пуришкевич обращал на себя внимание если не талантом, то кривизной, грубостью и непристойностью.

В противоположность 1-й Думе 2-я была строго партийной. В ней были кадеты, всего 91 человек, по-прежнему составлявшие главное руководящее ядро Думы; свыше 100 человек трудовиков, около 60 социал-демократов (Алексинский, Церетели) и по несколько десятков н[ародных] с[оциалист]ов и эсеров²²⁸. Среди н[ародных] с[оциалист]ов не было их действительных вождей – Мякотина, Анненского, Пешехонова, так как они находились в состоянии подсудности, и были лишь деятели второстепенные, как Волк-Карачевский, Демьянов, священник Колокольников²²⁹. Еще вернее это было относительно эсеров, из которых ни Чернову, ни Савинкову не могло быть места в легальном учреждении все еще самодержавной России, и таковое нашлось только для совершенно бесцветных людей, вроде Ширского, В. Успенского и других. Таким образом, левый сектор был выражен ярче, чем в 1-й Думе. Некоторое поправление страны, однако, сказалось, но сказалось не в изменении партийного состава Думы, оно скорее могло бы свидетельствовать о полевении, – а в изменении в сторону большей умеренности и осторожности настроения кадетской партии, по-прежнему задававшей тон в Думе.

Существенной чертой новой Думы было отсутствие в ней всех наиболее видных деятелей первой, лишившихся избирательных прав вследствие их привлечения к суду из-за Выборгского воззвания. У кадетов недоставало Муромцева, князя Шаховского, князя Петра Долгорукова, Набокова, Кокошкина, и только один Родичев был как бы носителем традиций первой Думы. Не было и Герценштейна, который пал кровавой жертвой черносотенной деятельности правительства. Заменившие их Головин, Гессен И. В. и Гессен Вл. М., князь Павел Долгоруков, С. Н. Булгаков, Н. Кутлер, Пергамент, Кизеветтер, Струве, тем более священник Гр. Петров были в качестве политиков как бы кадетами второго сорта, хотя некоторые из них занимали очень высокое место в науке или адвокатуре; только один Маклаков, вместе с Родичевым, мог стоять на высоте перводумцев, да и он развернулся только в 3-й и 4-й Думах. К тому же именно он был как бы живым воплощением той перемены в настроении партии, о которой я только что сказал. Милюкова по-прежнему не было в кадетских рядах, и он все еще мог действовать только из-за кулис, принимая участие в партийных заседаниях кадетов.

---

²²⁸ Неточность: во 2-й Государственной думе распределение депутатов по названным фракциям было следующим: социал-демократическая фракция – 64, группа социалистов-революционеров – 38, народно-социалистическая фракция – 18, Трудовая группа и фракция Крестьянского союза – 78, конституционно-демократическая фракция – 124 (см.: Государственная дума Российской империи. 1906–1917: энциклопедия. С. 109–110).

²²⁹ Священник К. А. Колокольников входил в конституционно-демократическую фракцию, а его однофамилец В. В. Колокольников, служивший лесным ревизором, – в народно-социалистическую фракцию.

Для трудовиков тоже был потерян весь состав первой Думы: одни – потому что поехали в Выборг, другие – потому что не поехали. Первым «разъяснила» прокуратура, вторых не пожелали избиратели. Не было Аладьина, Аникина, Жилкина, Брамсона. Первый мог бы быть избран: Выборгского воззвания он не подписал, но не подписал по случайным причинам, и для его «разъяснения» не было оснований ни с той, ни с другой стороны. Но он разъяснил себя сам, как об этом я уже говорил в предыдущей главе. Аникин тоже не подписал Выборгского воззвания и был даже выбран в выборщики, но «разъяснен» на том основании, что хотя он крестьянин по происхождению, но крестьянского хозяйства не ведет. На место их явились доктор Ал. Л. Караваев, М. Е. Березин, священник Тихвинский, А. А. Булат и некоторые другие.

Из них доктора Караваева я знал в студенческие годы, когда он был врачом среди рабочего населения в пригороде Петербурга по Шлиссельбургскому тракту. Он пользовался самой горячей любовью населения как врач и человек. Потом он был арестован и выслан из места своей деятельности. Работал в частной больнице для крестьян, устроенной помещицей Барановской в своем поместье в Минской губернии недалеко от местечка Лоев. Перед самой Думой он был не то сельским, не то городским врачом в Екатеринославской губернии. В 1908 г. мне случилось проездом через Лоев несколько часов ожидать посланных мне навстречу лошадей. Сидя на завалинке перед избой, я разговорился с местными мужиками. От Думы и земли разговор перешел на Караваева, незадолго перед тем убитого. Когда мужики слышали, что я хорошо его знал, они просили меня рассказать о нем, в частности и в особенности о том, что он делал в Думе. Память о нем в этой местности была самая восторженная.

– Вот кто был доктор так доктор! Все поймет, все объяснит, так что лучше не надо; и какой он был добрый! Целые ночи просиживал у больного ребенка. И никогда не отказывался ехать к больному, ни днем, ни ночью! И лекарства давал, и деньги давал!

Чувствовалась действительная горячая любовь, приобретенная трудом и самоотвержением.

В своем общественном и политическом мировоззрении Караваев был восьмидесятником, представителем того течения, которое развивалось под влиянием «Отечественных записок» и «Русского богатства», но в момент революции и первых дум он стоял скорее на правом фланге этого течения. Он не был сторонником бойкота в первую Думу и, следовательно, должен был оказаться горячим сторонником Трудовой группы. После разгона 1-й Думы он написал брошюру «Партии и крестьянство в (первой) Государственной думе»²³⁰, в которой выступил ее апологетом; в Екатеринославской губернии он был одним из ее организаторов; как ее член был избран во 2-ю Думу. Был хорошим знатоком земельного вопроса. Не лишен был самолюбия, которое иногда доводило его до мелких ссор с группой и с отдельными ее членами.

М. Е. Березин был служащим Саратовского земства и также попал в Думу как член группы. Так же и священник Тихвинский, скромный сельский батюшка Вятской губернии, и большинство других. Сравнительно немногие будущие трудовики попали в Думу в качестве беспартийных.

Трудовая группа, так же как и в первой Думе, наняла помещение с большой залой, помнится – на Сергиевской улице, и работала там. Из внедумских трудовиков я был постоянным посетителем и участником ее заседаний. Менее частыми были Аникин (не все время находившийся в Петербурге) и Брамсон. Платным секретарем по-прежнему был Иван Бонч-Осмоловский.

Сочувствие народных масс по-прежнему оставалось на стороне Трудовой группы. Но упадок народного настроения чувствовался ясно. И ходоки, и адреса, и приговоры волостных сходов – все это имелось, но в значительно меньшем числе, чем прежде. А кроме того, и в

²³⁰ Львович А. [Караваев А. Л.] Партии и крестьянство в Государственной думе. Ростов-на-Дону, [1906].

самой группе не чувствовалось прежнего единодушного подъема; было больше разногласий, споров и даже ссор в самой группе.

Несмотря на то что Трудовая группа была первой по численности партией Думы²³¹, как-то само собою вышло, что председателем Думы был избран опять кадет²³². Трудовики должны были выдвинуть кандидата на пост товарища председателя.

Выбор представлял большие трудности, которых не знали кадеты. Последние имели в своем составе, даже и во второй Думе, большое число людей, известных по деятельности в земстве или городах; почти все они знали друг друга лично по земским съездам, собиравшимся в последние годы. Трудовики же были люди, за пределами своей губернии обыкновенно неизвестные. Если я знал, например, Караваева (и то по очень давним воспоминаниям), то это знакомство было совершенно случайное. Березин и Булат были на том съезде Трудовой группы в Финляндии, о котором я говорил выше, и, следовательно, уже несколько известны, но, во всяком случае, крайне недостаточно. Кого же выбирать? Я посоветовал было Караваева, и это встретило некоторую поддержку, но сам Караваев решительно запротестовал:

– Не могу, не хочу, никогда не был нигде председателем, не умею председательствовать.

Другие предложили Березина. Он согласился, был выдвинут группой и избран Думой. Оказался вполне удовлетворительным товарищем председателя и приобрел значительный вес и в президиуме, и в Думе. Другим товарищем председателя был избран беспартийный левый Познанский, иногда тоже появлявшийся в Трудовой группе, но официально к ней не примкнувший. Личность довольно бесцветная и председатель неумелый.

Благодаря наличности крайнего правого и крайнего левого сектора Дума не была столь однородной и единодушной, как первая. Внутренние противоречия в ней были гораздо ярче, и внутренняя борьба, очень слабая в первой Думе, была ожесточеннее. Прежде были: Дума и правительство. Теперь были в Думе: левая, правая и центр. Тем не менее несомненное руководство по-прежнему принадлежало кадетам. Отличие трудовиков от них сказывалось тоже сильнее, чем раньше.

Сказывалось по-прежнему в аграрном вопросе, которому трудовики давали более радикальное решение, чем кадеты, и который по-прежнему занимал очень важное место в прениях Думы. Он же был на очереди в одной частной форме. Столыпинский аграрный закон 9 ноября 1906 г. был внесен в Думу самим правительством, как все законы, проведенные по статье 87 Основных законов во время междудумья²³³, и мог быть отменен постановлением одной Думы (помимо Государственного совета). Он был сдан в комиссию и в ней служил предметом постоянной распри между кадетами и трудовиками: последние хотели его просто отвергнуть, первые же настаивали на принятии, хотя и в радикально переработанном виде, а пока что тормозили. К сожалению, трудовики и левые не проявили достаточной энергии в отстаивании своей точки зрения и позволили похоронить его в комиссии на все время деятельности Думы вплоть до ее роспуска. Потом уже он был принят 3-й Думой и в 1910 г. окончательно стал законом.

Одним из виновников этой оплошности был Караваев, который в нескольких случаях голосовал (в комиссии) за кадетские предложения. В группе появилось недовольство этими голосованиями, и против Караваева обнаружилось какое-то движение. В нем сыграл нехорошую роль Иван Бонч-Осмоловский, который подливал горячего масла в это недовольство. На

---

²³¹ Неточность: во 2-й Государственной думе первой по численности являлась конституционно-демократическая фракция.

²³² Председателем думы был избран Ф. А. Головин.

²³³ Статья 87 главы девятой новой редакции «Свода Основных государственных законов Российской империи», утвержденной 23 апреля 1906 г., гласила: «Во время прекращения занятий Государственной думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет министров представляет о ней государю императору непосредственно. <...> Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельную часть не будет внесен в Государственную думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект или его не примут Государственная дума или Государственный совет».

заседании группы во время прений по этому вопросу Караваев обиделся и заявил о выходе из нее²³⁴. Я и другие внедумские трудовики употребляли все усилия, чтобы утихомирить страсти, но нам это не удалось, и Караваев подал формальное заявление о выходе из группы. По парламентским обычаям стран с прочным и давним парламентаризмом это должно было повести за собой также сложение депутатских полномочий, но Караваев этого не сделал, и никто не счел нужным напомнить ему об этом парламентском правиле. Недели через две было принято по моему предложению постановление просить Караваева вернуться в группу, и ссора была ликвидирована.

У нас было постановление внести в Думу законопроекты об отмене смертной казни и об амнистии. Кадеты по каким-то соображениям считали первый из них в тот момент не вполне своевременным, а второй совершенно нежелательным. Тем не менее мы составили первый. Работать над ним не пришлось, так как такой проект был уже принят первой Думой, и мы целиком взяли его себе.

Совершенно неожиданно мы натолкнулись на возражения со стороны партии социалистов-революционеров. Конечно, возражения были не принципиального, а чисто тактического характера. Наш (или, лучше сказать, перводумский) проект был составлен так, как и должен быть составлен проект, целиком и исключительно направленный против смертной казни. Смертная казнь отменяется; для всех преступлений, для которых она назначена действующим законом, заменяется каторжными работами без срока.

К нам на заседание группы пришли два думских социалиста-революционера (к сожалению, забыл их фамилии) и сказали от имени их фракции следующее:

– Если бы Трудовая группа рассчитывала на проведение и вступление в силу закона об отмене смертной казни, то, конечно, с ним нужно было бы очень торопиться. Но ведь для вас, трудовиков, законопроект имеет значение только декларативное или демонстративное; вы так же, как и мы, знаете, что если даже он будет принят Думой, то все-таки либо застрянет в Государственном совете, или не будет утвержден монархом. Поэтому особенно с ним торопиться нечего и лучше позаботиться о том, чтобы он производил как можно больше впечатления. [Э]с[е]ровская фракция тоже собирается внести законопроект против смертной казни, но хочет построить его иначе. Вместо простой общей замены казни каторжными работами эсеры хотят разработать его детальнее, т. е. пересмотреть все стадии существующих (общих и военных) законов, говорящих о смертной казни, и вместо каждой из них предложить новую. Поэтому они просят трудовиков отложить внесение нашего проекта для согласования с ними.

Я выступил с решительным возражением против этого предложения. Я указывал, что их предложение есть не проект отмены смертной казни, а проект частичного пересмотра уголовных законов, притом в совершенно недопустимой форме. После него могут оказаться и, наверное, окажутся совершенные несогласованности:

– Вы, например, можете понизить наказание за цареубийство до того, что оно окажется ниже наказания за словесное оскорбление царя. Это будет явная нелепость, которая будет вызывать только насмешки. Мы в настоящее время настаиваем на отмене смертной казни, а не на пересмотре уголовных законов. Практичен или демонстративен наш проект – это не важно. Даже для того, чтобы быть демонстративным, он должен бить ясно в одну точку, а не гоняться сразу за несколькими зайцами.

Пришедшие к нам посланцы [э]с[е]р[о]вской фракции стояли не на высоте задачи; к этой аргументации, несмотря на всю ее элементарность, они были не подготовлены и не сумели

²³⁴ 14 апреля 1907 г. А. Л. Караваев, порицаемый за то, что вопреки договоренности «левого блока» содействовал избранию кадета Н. Н. Кутлера на место председателя думской аграрной комиссии, подал заявление о своем выходе из фракции (см.: ГАРФ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 9. Л. 29).

ничего возразить по существу. Они говорили что-то бессвязное о солидарности двух наших партий и ушли очень недовольные нами и мною в особенности.

Законопроект был нами внесен, и затем Дума похоронила его в комиссии.

С амнистией дело было сложнее. В ответном адресе на тронную речь, выработанном в 1-й Думе, было ходатайство перед царем о даровании амнистии политическим преступникам. На ходатайство был грубый отказ.

Теперь я предложил не ходатайствовать перед верховной властью, а самим выработать законопроект. Я мотивировал свое предложение следующим образом.

Ни наши законы, ни наша практика ничего не говорят об амнистии. У нас имеется простое (частное) помилование и «общее помилование», причем и то и другое составляют исключительную прерогативу монарха. Между тем помилование и амнистия далеко не то же самое, и западноевропейские законодательства (французское, бельгийское и др.) различают их очень отчетливо. Помилование делается в частном интересе милуемого и дается главой государства: монархом или президентом. Амнистия дается в общественном интересе, и потому она проходит не иначе как в законодательном порядке. Поэтому мы не сойдем с легальной почвы, если в умолчании закона об амнистии увидим не запрещение Думе смотреть на него как на законодательный акт, а [предложение смотреть на него] лишь как на случайный пробел законодательства, который может и должен быть пополнен.

Моя аргументация понравилась в Трудовой группе многим. Но некоторые, например Караваев, отнеслись к ней резко отрицательно, настаивая на том, что общее помилование и есть амнистия. Тем не менее у нас решено было выработать такой законопроект.

Кадеты, узнав об этом, высказались решительно против. Им законопроект об амнистии казался посягательством на прерогативы монарха, а таковых они во 2-й Думе хотели решительно избегать, чтобы не давать лишнего повода к недовольству Думой. Чтобы переубедить нас, они прислали к нам Набокова (не бывшего членом 2-й Думы)²³⁵. С этим спорить было труднее, чем с делегатами эсеровской фракции. Глубокий знаток права, прекрасный оратор, очень умный человек, он умел производить сильное впечатление и очень многих в Трудовой группе переубедил. Тем не менее за выработку такого законопроекта оказалось большинство, но большинство ничтожное. Была составлена комиссия для его выработки; я вошел в эту комиссию, но работать при малом сочувствии группы было трудно, и до разгона Думы мы своего проекта не окончили. Он оказался похороненным даже не в думской, а в партийной комиссии.

По вопросу о необходимости постановки на очередь амнистии трудовики выступили в Думе с несколькими речами. Я помню из них две: Березина и священника Тихвинского. Первая была серьезная речь, хорошо разработанная с юридической стороны и выражавшая взгляды нашей группы. Вторая в некоторых отношениях напоминала прошлогоднюю речь Родичева, т. е. говорила не об амнистии, а о христианском милосердии. Но если родичевская речь оставила впечатление чего-то неуместного, то эта, сказанная оратором в священнической рясе, напротив, была чрезвычайно трогательна.

Незадолго до роспуска Думы митрополит Антоний вызвал к себе нескольких думских священников, принадлежавших к левым партиям, и решительно потребовал от них, чтобы они

---

²³⁵ На совещании, вспоминал В. В. Водовозов, «г. Набоков, не отрицая шаткости юридического обоснования отрицательного отношения к проекту трудовиков об амнистии, выдвигал политический мотив. Теперь, говорил он, “звездная палата” (то есть придворная клика. – В. Г.) и министерство не в ладах, и это нужно использовать. Проект об амнистии объединит “звездную палату” с Горемыкиным; в этом его страшный дефект. Я же ответил Набокову, что считаю ниже достоинства серьезной партии строить свою политику на внутренних неладах в рядах противников и заменять политическую борьбу политической интригой» (Водовозов В. Еще об амнистии // Товарищ. 1907. № 280. 31 мая; см. также: Еще об амнистии // Речь. 1907. № 125. 30 мая). В ответной реплике В. Д. Набоков возражал: «О “звездной палате”, изобретенной в редакции “Товарища”, я вообще не говорил. Я сказал, что с политической точки зрения внести законопроект об амнистии – значит усилить позицию министерства, дав ему возможность в борьбе с Думой выступить защитником прерогативы верховной власти» (Набоков В. О «памяти» г. Водовозова // Речь. 1907. № 129. 3 июня).

переменили свои убеждения. Так, по крайней мере, передал нам приказ священник Тихвинский; возможно, в этой передаче есть некоторая неточность, что Антоний требовал выхода из партий (хотя какой смысл для Антония был в формальном выходе, если бы общее направление деятельности священников осталось прежним?); при этом Антоний требовал ответа непременно очень быстрого, «до пятницы», угрожая в противном случае расстрижением²³⁶.

Очень трогателен был рассказ Тихвинского об этом требовании, и сам Тихвинский был очень трогателен. Несомненно глубоко верующий человек (чего я бы не сказал о Гр. Петрове), сильно напоминавший священников из лесковских «Соборян», Тихвинский был глубоко потрясен. Расстрижение было для него угрозой очень страшной. И он, чуть не плача, наивно говорил:

– Я всю жизнь составлял свои убеждения. Как же я вдруг их переменю? Да еще – до пятницы.

Нам нужно было решить, как мы будем реагировать на это требование Антония.

– Вот что, господа, – говорил Тихвинский. – Делайте что хотите; решайте как хотите. Мне тяжело это слушать; я лучше уйду. Но только прошу вас об одном: не оскорбляйте церковь. Она не виновата, что делают ее именем отдельные пастыри.

Он поднялся, чтобы уходить.

– Нет, батюшка, – остановил его я. – Я очень прошу вас остаться; мне важно, чтобы вы слышали, что хочу сказать я. Есть две церкви. Одна, которую основал Иисус Христос, сказав Петру: на сем камени созижду церковь мою, и врата адовы не одолеют ее²³⁷. Эту церковь я глубоко чту и оскорблять ее не могу. Из этой церкви вас изгнать митрополит Антоний не может. Но есть другая церковь; врата адовы уже одолели ее, из нее Антоний может вас выгнать, и эту церковь я не могу не оскорблять²³⁸.

Затем я предложил внести по этому поводу запрос, причем предложил и приблизительную редакцию его. Кажется, Тихвинский остался доволен моей речью.

Инцидент сильно затронул и кадетов, тем более что и в их среде были священники, которым грозило расстрижение, и они тоже возмутились наглым требованием Антония. Запрос был внесен²³⁹, и, конечно, из него ничего не вышло.

²³⁶ 12 мая 1907 г. Синод, отмечая, что некоторые священники, состоящие членами Государственной думы, отсутствовали на ее заседании 7 мая при обсуждении депутатского запроса по поводу заговора на жизнь Николая II, чем «явно уклонились от порицания замыслов царевубийства», и исходя из положения, что «по существу пастырского служения со священным саном неразрывно связано уважение к существующей государственной власти и государственному строю, а тем более уважение и нелицемерная преданность государю императору как помазаннику Божию, на верность которому все священнослужители не только присягают сами, но и обязаны приводить других к присяге», нашел недопустимой принадлежность духовных лиц к «крайним» политическим партиям и поручил митрополиту С.-Петербургскому и Ладожскому Антонию объявить указанным депутатам, что они должны оставить те партии, к которым себя причисляют, о чем сделать публичное заявление, а в случае нежелания исполнить это требование – сложить с себя священный сан как решительно несовместимый с революционными взглядами, причем в случае неповиновения обсуждение их поведения будет передано на усмотрение местных епархиальных начальств, из подчинения коим они, как продолжающие быть священниками, не освобождены и в статусе членов Государственной думы; при этом допускалось участие их во фракциях монархистов, октябристов и беспартийных правых (Постановление Св. синода о депутатах-священниках // Речь. 1907. № 111. 13 мая). 14 мая Антоний вызвал к себе депутатов-священников и, зачитав им указ Синода, предупредил, что если до пятницы, 18 мая, они не дадут удовлетворительного ответа, а формальный выход из фракции при сохранении существующего образа мыслей будет лицемерием и лишь усугубит их вину, то это приведет к лишению их сана (Священники-депутаты // Там же. № 112. 15 мая; см. также: Письма священников митрополиту Антонию // Товарищ. 1907. № 270. 19 мая; Письмо священника Тихвинского митрополиту Антонию // Там же. № 271. 20 мая).

²³⁷ Строка из Евангелия от Матфея (Мф. 16: 18).

²³⁸ В первоначальной редакции статьи в газете «Столичные отклики», посвященной кончине 2 ноября 1912 г. митрополита Антония, В. В. Водовозов дает более радикальную версию своего ответа Ф. В. Тихвинскому: «Но существует другая церковь, которую врата адовы уже одолели и которая составляет филиальное отделение полицейского участка. Митрополит Антоний принадлежит к этой церкви и только из этой церкви грозит вас выгнать, если вы не перемените, по его приказу, убеждений до пятницы. Я думаю, что он не совсем не прав: в этой церкви есть место ему, а вам в самом деле не место» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1776. Л. 2).

²³⁹ Думский запрос, внесенный за подписью 171 депутата и адресованный председателю Совета министров и обер-прокурору Синода, был принят без прений 15 мая 1907 г., и требование о перемене убеждений расценивалось в нем как «гру-

Любопытно, что депутат кадетской партии С. Н. Булгаков посмотрел на эту историю совершенно другими глазами. Он поместил в «Речи» статью, в которой доказывал, что хотя Антоний поступил, может быть, и неправильно, но неправильность эту может и должна оценивать только сама церковь. Никакая светская власть, никакое светское учреждение не имеет права вмешиваться во внутреннюю жизнь церкви²⁴⁰. Автор этой изумительной статьи, очевидно, забыл, что церковь существует на средства, даваемые государством и собираемые с налогоплательщиков налогов, которые, следовательно, должны платить и не смеют спрашивать, на что идут их деньги. Он забыл и то, что, расстригая священника, Антоний тем самым изгоняет его из Думы и, следовательно, лишает избирателей их избранника без права его переизбрания. Статья эта шла вразрез, конечно, и с убеждениями кадетской партии, поэтому было не вполне понятно, почему «Речь» ее поместила (я не помню, была ли сделана редакционная оговорка о несогласии или нет).

Тихвинский был расстрижен уже после роспуска Думы, и, следовательно, этот акт мог повлиять только на его неизбираемость в следующей. После этого он, в возрасте под 50 лет, поступил на медицинский факультет в Юрьеве²⁴¹. Я в этом городе несколько раз бывал для чтения лекций и каждый раз посещал его. Он был уже в пиджаке, но эта смена одежды не

бое нарушение свободы мнений членов Думы», пользующихся «полной свободой суждений и мнений по делам, подлежащим ведению Думы», и «ст. 8 закона 8 марта 1906 г., карающего за воспрепятствование угрозами или злоупотреблениями власти члену Думы исполнять его обязанности» (Государственная дума // Речь. 1907. № 111. 13 мая).

²⁴⁰ С. Н. Булгаков писал: «Может быть, <...> духовным лицам совсем не следует давать избирательных прав по закону или избирать их в депутаты, но несомненно, что каждое такое лицо находится под, так сказать, двойной ответственностью: под гражданской как депутат, принимающий обязанности перед своими избирателями, и пред духовной. <...> Вмешательство светской власти в церковный распорядок, давление на церковь, желание присвоить себе права церковной юрисдикции есть застарелое злоупотребление со стороны государства над церковью, и ради достоинства и церкви, и государства путь этот нужно оставить, признав автономию церкви в своих делах. Между тем думский запрос ставит Государственную думу именно на этот путь, заставляет повторить ошибки старого режима». Это происшествие Булгаков считал «глубоко прискорбным», отмечая, что Антоний, угрожая репрессиями священникам-депутатам, «стоит не на почве общеэтических, христианских или даже поместно-церковных воззрений, но на чисто политической почве, на почве даже партийной. Выставляя требование присоединиться к тому, а не иному политическому или социальному мировоззрению, он не может придать им характера церковного, ибо церковь как таковая не имеет определенной, *церковной*, экономической или политической программы и, оставаясь сама собою, не может ее иметь, владея “царством не от мира сего” и давая место в среде своей сторонникам разных общественных мировоззрений». В заключение Булгаков писал: «Церковная власть или должна была своевременно воспрепятствовать включению духовных лиц в число народных представителей, или же должна признать за ними право и обязанность в своей думской деятельности идти путем своего разумения, слушаясь лишь велений своей христианской совести и работая в меру своего понимания» (Булгаков С. Св. синод и Государственная Дума // Речь. 1907. № 114. 17 мая).

²⁴¹ Из Вятки 20 июня 1907 г. Ф. В. Тихвинский написал В. В. Водовозову: «Долго и усердно я обдумывал свое положение и искал достойный выход из затруднения. Наконец, остановился на мысли – поступить для продолжения образования на юридический факультет. Духовную семинарию я окончил со званием студента, т. е. по 1-му разряду, а посему полагаю, что на юридический факультет меня примут без дополнительного экзамена, но так ли это – не уверен, не будете ли любезны, Василий Васильевич, сообщить мне о сем. Средств у меня на год хватит, а дальше Бог да добрые люди не оставят, быть может, найдется для меня стипендия. Лишение священнического сана, а к этому ведет дело наша местная консистория, лишает права проживания в столице, но ныне это право, я думаю, не строго применяется, да и в крайнем случае можно будет перейти в один из провинциальных университетов. Как отнесетесь Вы, Василий Васильевич, к моему желанию, одобрите ли? Я думаю, что моя голова еще не настолько стара, чтобы не осилить юридическую науку (мне 46 лет)» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2502. Л. 5). Уже 31 июля Водовозов пишет В. И. Вернадскому: «Обращаюсь к тебе с просьбой. Свящ[енник] Тихвинский (член 2-й Думы), лишенный сана, вздумал поступить в унив[ерситет]. Он выбрал Моск[овский] унив[ерситет] и историко-фил[ологи-ческий] факультет (хотя его тянет на юрид[ический]), к[а]к наиболее доступный для семинаристов. Но доступ туда все-таки обставлен препятствиями, по кр[айней] м[ере] для людей в его положении: он лишен или будет лишен сана. Я думаю, тебе не зачем говорить, что просьба Тихвинского, человека, так жестоко преследуемого судьбой, испытывавшего такой тяжелый удар, к[а]к лишение сана (он человек искренне и глубоко верующий), и на старости лет задумавшего начать учиться, заслуживает самого глубокого сочувствия. Уверен, что ты не откажешь Тихвинскому в своем деятельном и энергичном содействии, а также дружески примешь его, когда он к тебе явится. Прошение в университет им подано, но без бумаг: бумаги находятся в Синоде, и получить их пока он не мог» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 353. Л. 9). Но вятская консистория затянула выдачу необходимых документов, и 2 октября Тихвинский сообщил Водовозову, что намерен в декабре подать прошение в Юрьевский университет, ибо «там прием два раза в год». В конце концов он получил медицинское образование, и в последнем из его писем, от 7 августа 1917 г., из Ржева, куда эвакуировали Холмский военный госпиталь, «доктор» Тихвинский от имени уездной земской управы приглашал Водовозова прочесть «несколько лекций по вопросам текущего момента и главным образом об Учредительном собрании» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2502. Л. 1, 3).

производила того отталкивающего впечатления, как на Гапоне; Тихвинский оставался очень привлекательной личностью. Его, а еще более его жену очень трогало, что я по-прежнему, игнорируя его пиджак, обращался к нему как к «батюшке». Он признавал, что учиться ему на старости лет трудно, что хорошим врачом не будет, а так себе, захудалым. Потом он получил где-то место врача. Как исполнял эти свои новые обязанности, не знаю. Не знаю и того, жив ли он. Вероятно, нет: ему было бы теперь около 80 лет.

Я не стану говорить о столкновениях трудовиков с кадетами по поводу государственного бюджета и контингента новобранцев, где трудовики вели тактику революционную, а кадеты стремились во что бы то ни стало «беречь Думу», так как эта история хорошо известна и лично я к ней касательства почти не имел. Не имел я касательства и к последнему событию из жизни 2-й Думы: к ответу Думы на правительственное требование о выдаче на суд всей социал-демократической фракции и о разрешении предварительного ареста, кажется, 16 человек из нее²⁴².

Это требование возмутило всех порядочных людей одинаково, и только правые и октябристы были за него. Однако и тут произошли некоторые тактические разногласия. Социал-демократы и социалисты-революционеры требовали отклонения требования начисто, без предварительного комиссионного обсуждения. Правые, напротив, требовали принятия требования, тоже без комиссионного рассмотрения. Кадеты желали соблюдения обычной парламентарной формы и сдали его в комиссию. Трудовики и народные социалисты поддержали их в этом. Но правительство увидело в этом постановлении (и совершенно основательно) отказ в удовлетворении требования и распустило Думу, дополнив акт о роспуске совершенно противоположным актом отмены избирательного закона 1905 г. и заменив его новым, гораздо худшим – знаменитым законом 3 июня 1907 г. Даже «Новое время» было возмущено и называло этот акт *coup d'état*²⁴³.

Указ о роспуске был опубликован по образцу прошлогоднего: не на думском заседании. В момент его опубликования, вечером 3 июня, в помещении Трудовой группы шло заседание. На этот раз роспуска тревожно ожидали все. На наше заседание явилась полиция, заперла выход и произвела обыск в помещении. Во время обыска, продолжавшегося несколько часов, все были задержаны, потом переписаны, но тотчас же отпущены²⁴⁴.

²⁴² 1 июня 1907 г. состоялось закрытое заседание 2-й Государственной думы, на котором после краткой речи премьер-министра П. А. Столыпина прокурор столичной судебной палаты в течение полутора часов зачитывал постановление следователя по важнейшим делам при С.-Петербургском окружном суде о привлечении к ответственности по 102-й ст. уголовного уложения всех членов социал-демократической фракции 2-й Государственной думы в составе 55 депутатов, испросив также разрешение на арест 16 из них, по обвинению в том, что «образовали преступное сообщество, которое составило заговор для насильственного ниспровержения посредством народного восстания установленного основными законами образа правления, лишения Государя Императора верховной власти и учреждения демократической республики» (Привлечение социал-демократической фракции // Речь. 1907. № 128. 2 июня).

²⁴³ государственный переворот (*фр.*).

²⁴⁴ См.: К роспуску Государственной Думы // Речь. 1907. № 130. 5 июня.

Глава VII. Мои литературные процессы с 1906 по 1912 г. и амнистия 1913 г. – Эпизод из жизни М. Ковалевского

В мае 1906 г., во время сессии 1-й Государственной думы, я был вызван к судебному следователю для допроса в качестве обвиняемого сразу по 9 литературным делам. Поводом для 8 из них послужили различные статьи в «Нашей жизни» за время моего ответственного редакторства в них²⁴⁵, а для одного – мой «Сборник политических программ»²⁴⁶.

Допрос у следователя был, как во всех подобных делах, чисто формальный.

– Состоите ли вы редактором «Нашей жизни»? Издали ли вы этот сборник программ? Признаете ли себя виновным в том, что, имея намерение в более или менее близком будущем ниспровергнуть существующий государственный строй или же дискредитировать правительственную власть, напечатали вот эти статьи, призывающие к ниспровержению власти или распространяющие заведомо ложные сведения о деятельности должностных лиц?

– Да, да, нет, – были неизбежные ответы²⁴⁷.

Обвинения и все дело казались мне совершенно несерьезными, и я, поместив в газете заметку о происшествии, почти не думал о предстоявшем мне деле.

Прошло недели 3–4. Я жил в это время на даче в Парголово. Однажды, когда я выходил из дому, направляясь к вокзалу железной дороги, чтобы ехать в город, навстречу мне явился полицейский. Он принес обвинительный акт по 9 делам, список судей и повестку с вызовом в

²⁴⁵ В четырех обвинительных актах от 10, 12, 24 апреля и 12 мая 1906 г. упоминались статья «События в Харбине» (Народное хозяйство. 1906. № 29. 19 янв.), заметка в разделе «Выборы и партии» с цитированием воззвания Петербургского объединенного комитета РСДРП (Наша жизнь. 1906. № 391. 11 марта), статья «Странички жизни» (Там же. № 402. 24 марта), письмо Александра Микеладзе в «Отделе писем» с редакционной заметкой «Петиция Грузии» (Там же. № 410. 2 апр.), заметка «К разгрому Ксениинского института» (Там же. № 413. 7 апр.), статьи «Об активном выступлении» (Там же. № 414. 8 апр.) и «К съезду социал-демократической партии. Проекты аграрных реформ» (Там же. № 412. 6 апр.). В. В. Водовозову как ответственному редактору газет «Народное хозяйство» и «Наша жизнь» инкриминировалось распространение сочинений, заведомо для него возбуждавших соответственно «к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы», «учинению бунтовщического деяния», «ложных о деятельности должностных лиц Ксениинского института сведений» и «к ниспровержению существующего в государстве общественного строя» (Дело В. В. Водовозова в С.-Петербургской судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях, совершенных им в качестве редактора «Нашей жизни», «Сборника программ политических партий в России» и др. С. 3–4, 10–22).

²⁴⁶ Речь идет о третьем выпуске «Сборника программ политических партий в России», изданном в мае 1906 г. как № 3 журнала «Вестник свободы» под редакцией В. В. Водовозова. Поскольку законом о печати от 24 ноября 1905 г. периодическим изданиям была предоставлена относительная свобода, а брошюры по-прежнему оставались под гнетом предварительной цензуры, то многие издатели выпускали их в форме номеров журналов, на которые даже не принимали подписку. Так, в апреле 1906 г. под видом № 1 и 2 «фиктивного» журнала «Вестник свободы» вышли два выпуска брошюры Водовозова «Всеобщее избирательное право и его применение в России». Издание третьего выпуска «Сборника...» с публикацией в нем «Программы партии социалистов-революционеров» и «Постановлений делегатского съезда Крестьянского союза 6–10 ноября 1905 г.» было расценено С.-Петербургской судебной палатой как несколько преступлений: в обвинительном акте от 17 июня 1906 г. Водовозову инкриминировалось распространение «сочинений, заведомо для него возбуждавших к учинению бунтовщического деяния, ниспровержению существующего в государстве общественного строя, неповиновению и противодействию закону и законному распоряжению власти» (Там же. С. 22–26).

²⁴⁷ Ср.: «22 марта редактор “Народного хозяйства” и “Нашей жизни” В. Водовозов вызывался к судебному следователю для допроса по обвинению в напечатании в названных газетах двух статей. Одна, в № 29 “Народного хозяйства”, представляет перепечатку из газеты “Наш край”, в которой описываются события в Харбине в октябре месяце и между прочим речь полковника Б. к солдатам; в этой речи полковник Б. говорил, что Государь Император Манифестом 17 октября выразил свою волю и что солдаты обязаны повиноваться этой воле, даже если бы какие-либо власти ей противились и давали приказания, явно противные воле Государя; такие приказания не должны быть исполнены. В этом заявлении полковника Б., напечатанном в местной газете и перепечатанном “Народным хозяйством”, прокуратура усмотрела обращенный к войскам призыв к неповиновению законным властям (это – в призыве повиноваться воле Государя) и привлекла за нее Водовозова по 129-й ст., п. 5. Другое обвинение, по п. 1 ст. 129, предъявлено ему за напечатание в № 391 “Нашей жизни” извлечения из обращения комитета с.-д. к рабочим, в котором либеральная буржуазия высмеивается за бумажные протесты против смертной казни и высказывается убеждение, что только борьба народных масс положит конец гнусному издевательству над народом. В этом предсказании прокуратура узрела призыв к бунту. На допросе Водовозов заявил, что первое обвинение он считает прямо смешным, второе немногим лучше. Обвиняемый оставлен на свободе до судебного разбирательства» (Наша жизнь. 1906. № 401. 23 марта).

судебную палату и с предложением назвать моих свидетелей и воспользоваться, если желаю, правом отвода определенных лиц из состава суда. Я торопился на поезд, спешно расписался в получении бумаг и поспешил на вокзал.

Только в поезде принялся я за чтение вороха полученных мною бумаг. Обвинительные акты – их было целых 9 – замахивались на меня несколькими страшными статьями Уголовного уложения, грозившими лишением всех прав состояния и каторжными работами. Тем не менее я прочел их совершенно спокойно. Они не вызвали разговоров в редакции и нисколько не помешали мне работать. Они только несколько удивили нас, сотрудников газеты, необычно быстрым ходом юстиции; о ее быстроте мы все были худшего мнения, и последующие стадии моего процесса его оправдали.

Не скажу, что у меня вообще «не дрожали шаги перед дверью тюрьмы»²⁴⁸. Нет, таким мужеством я не обладал. И не далее как за 8 или 9 месяцев до того я бежал из России за границу из-за грозившего мне всего только трехмесячного ареста. Но время было слишком богатое событиями, настроение, хотя и павшее сравнительно с предшествовавшим годом, все еще было слишком приподнятое, чтобы мысль останавливалась, – ведь еще не на каторге, а только на предстоявшем процессе. И я даже не подумал тогда о немедленном приглашении адвоката, откладывая это до завтра или послезавтра, и продолжал заниматься своим делом.

Прошло еще несколько дней. Тот же полицейский принес мне повестку, что дело, первоначально назначенное на такое-то (довольно близкое) число, отложено.

Хладнокровное отношение было, таким образом, оправдано.

Жизнь шла своим чередом. Разогнана была Дума, подписано и распространено Выборгское воззвание, отшумели бунты. Наконец, я получил новую повестку с известием, что мое дело или, лучше сказать, мои дела назначены на (кажется) 16 августа²⁴⁹; новый список судей и новое предложение предъявить отводы.

Суд в это время ввел обыкновение, являвшееся благовидным обходом закона, ясно требующего предъявления подсудимому списка его судей для права отвода. Вместо этого подсудимому посылался список всего состава судебной палаты, что-то, помнится, около 80 человек, список всех предводителей уездных дворянств Петербургской губернии, всех ее городских голов и волостных старшин, из которых могли быть назначены судьи и сословные представители. Таким способом право отвода делалось неосуществимым или, по крайней мере, сильно затруднялось.

Я зашел к моему старому другу, Александру Сергеевичу Зарудному, и просил его взять на себя мою защиту. Он охотно согласился, но вместе с тем страшно рассердился на меня:

– Как это можно так халатно относиться к своему делу! Ведь ты пропустил срок вызова свидетелей.

Это правда. У меня были два оправдания (перед Зарудным). Первое состояло в том, что я делом совершенно не интересовался. Конечно, профессионального юриста-практика, который в каждом частном деле видит арену борьбы за правовой строй вообще, такое оправдание только возмущало. Другое оправдание состояло в том, что мои дела имели чисто теоретический характер. Каких свидетелей можно звать, чтобы оправдывать напечатание социал-демократической или социал-революционной программы?

Но и тут моя позиция не выдержала строгой критики Зарудного. В числе 9 дел оказалось одно о распространении заведомо ложных сведений о деятельности правительственного учреждения, а именно – педагогического совета Ксениинского института²⁵⁰. Обвинительный акт

²⁴⁸ Правильно: «У кого не слабели шаги перед дверью тюрьмы и могилы?» – строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Не рыдай так безумно над ним...» (1868).

²⁴⁹ Правильно: 17 августа 1907 г.

²⁵⁰ Ксениинский институт – институт благородных девиц для обучения и воспитания дочерей генералов, офицеров и гражданских чиновников, личных и потомственных дворян; был учрежден 25 июля 1894 г. в ознаменование бракосочетания

по этому делу сразу остановил на себе внимание Зарудного, который с особенным интересом прочел его и стал допрашивать меня с пристрастием. Я позорно провалился: я ничего по этому делу не знал, ничего не мог сообщить моему сердитому другу и защитнику.

Из всех моих дел мне лично наиболее интересным казалось дело о двух социалистических программах. Их можно и нужно было поставить на принципиальную почву, защищая легальным образом свободу печати в рамках существующего закона. Зарудный не отрицал ни того, что это дело представляет большой теоретический интерес, ни того, что оно грозит мне наиболее серьезными последствиями.

– По всем остальным делам можно было бы добиться оправдания, если бы ты сам не испортил дело, а по этому – вряд ли. Если бы твои дела не были отложены и разбирались во время сессии Думы, то можно поручиться, что ты был бы начисто оправдан. Тогда было несколько подобных литературных процессов, и по всем последовало оправдание. Теперь же настроение суда изменилось, и я думаю, что без года крепости ты не уйдешь. Но все-таки твое поведение в этом деле о Ксенинском институте возмутительно.

Как известно, утерянное право вызова свидетелей может быть *de facto* восстановлено: следует самому привести свидетелей на суд, заявить, что я сам вчера или третьего дня узнал такие-то обстоятельства своего дела, которые делают допрос этих свидетелей важным для моего дела, и просить суд допросить их. Почти всегда суд на это соглашается, хотя в пределах его дискреционной власти²⁵¹ лежит и отказать в этом. Но пользование этой возможностью для подсудимого и его адвоката всегда представляет некоторые неудобства. Ведь не всякого свидетеля можно привести, иной и заартачится.

Дело о Ксенинском институте состояло в следующем. У нас была помещена заметка, доставленная нашим репортером Кальварским, что начальство этого института подвергло свой институт безжалостной чистке; целый ряд институток был исключен, и даже не исключен, а выгнан по самым ничтожным основаниям. Одна ученица, Худынцева, была исключена за то, что ела в пост колбасу, «демонстративно», как нашло начальство; другие – за столь же ничтожные преступления. Выгоняли прямо на улицу, не давая ни минуты отсрочки, не давая собрать своих вещей, не извещая родителей. Заметка была написана несколько наивным тоном и заканчивалась сентиментальной фразой приблизительно в таком роде: «Жестокосердые педагоги и не подумали о том, каково этим бедным девочкам...» и т. д.²⁵²

Я уже говорил в одной из предыдущих глав, что фактическим редактором газеты не был и потому в рукописи или корректуре этой заметки не читал вовсе. В день появления я, конечно, ее пробежал, но почти не остановил на ней своего внимания. Перед тем как пошел к Зарудному, я достал старые номера газеты и перечитал те статьи, которые мне инкриминировались; прочел и эту. Меня неприятно поразило ее сентиментальное окончание, и я пожалел, что тогдашний фактический редактор газеты Португалов не вычеркнул его.

дочери императора Александра III великой княжны Ксении Александровны; открыт 25 марта 1895 г.; находился в ведении Собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии.

²⁵¹ Дискреционная власть – право должностного лица или государственного органа действовать по своему усмотрению.

²⁵² См.: «Расправившись с преподавателями, княгиня Голицына, при благосклонном участии почетного опекуна шталмейстера Трубникова, принялась за воспитанниц, наиболее виновных, по ее мнению, в составлении “дерзких” петиций в октябре прошлого года: истинный педагог не спешит, он тщательно обдумает поход против воспитанниц и обрушится на них, когда они беззащитны и менее всего ожидают удара. В феврале была исключена воспитанница I курса Х[удынцева] за то, что ела колбасу (на первой неделе Великого поста!) в присутствии классной дамы, “демонстративно”, по выражению ее сиятельства. На днях исключены 5 воспитанниц I курса за то, что не пожелали заниматься с г. Сеньюхевым (занивающим бойкотируемое место) в сверхурочное время, после всенощной, накануне Благовещения. Заодно со старшей сестрой исключена из младшего класса одна воспитанница. Никакой жалости не чувствуют разбушевавшиеся на просторе сердца сановитых педагогов: воспитанницы изгоняются немедленно на улицу; не дают им возможности ни проститься с подругами, ни подыскать себе приюта для ночлега, ни запастись какими-нибудь средствами (даже без подушек и белья!). Несчастные сироты! Некому за них заступиться!» ([Кальварский Е. Д.] К разгрому Ксенинского института // Наша жизнь. 1906. № 413. 7 апр.).

Разумеется, Зарудный прочитал в суде «дело» обо мне, и в нем он нашел жалобу начальства института на меня и копию с протокола того заседания педагогического совета, на котором было решено исключение большого числа институток. Действительно, все исключения были мотивированы крайне слабо, и было видно, что они явились не педагогической мерой, а актом политической мести начальства ученицам за либеральный дух, проникший в стены опекаемого им учреждения²⁵³. Один из учителей, по фамилии Маштаков, возражая против постановления педагогического совета, кажется, отказался подписать протокол и за это должен был уйти из числа преподавателей²⁵⁴. По поводу институтки Худынцевой в протоколе было сказано: «Исключить Худынцеву за то, что демонстративно ела в пост колбасу, и за дерзкий ответ на замечание по этому поводу». Таким образом факт исключения за колбасу был удостоверен официальным документом.

Кальварский сообщил одной знакомой ему даме, Черняковской (или что-то в этом роде)²⁵⁵, матери одной из исключенных институток, о предстоящем процессе, и она сама явилась за несколько дней до процесса к Зарудному с предложением своих свидетельских услуг. Зарудный просил ее явиться на суд и привести кого можно из учениц и учителя Маштакова.

Как ни напрягаю я свою память, я решительно не могу вспомнить, в чем состояли 7 других моих дел.

Накануне процесса целый вечер я провел у Зарудного в беседе о предстоявшем деле. Зарудный подробно изложил мне весь свой план защиты, выслушал мои замечания и принял их во внимание. Он заставил меня сказать ему всю ту речь, которую я хотел произнести в качестве последнего слова подсудимого, и одобрил ее, соответственно изменив свою защитительную речь. Теперь уже я не относился к предстоявшему процессу с таким безразличием, как раньше; я чувствовал, что если состоится приговор, то его придется отбыть, а мысль о годе крепости безразлична для меня более не была. Тем не менее и теперь еще интерес к делу Зарудного был глубже и сильнее, чем мой, и он меня заражал и заряжал им, а не наоборот. Таково было всегдашнее отношение Зарудного ко всем делам, которые он вел, и оно характерно для него как адвоката. Наша беседа затянулась за полночь, и Зарудный не отпустил меня на дачу, но оставил у себя ночевать.

На следующий день в известном здании судебных мест, сожженном в февральскую революцию 1917 г., на Литейном проспекте, в судебной палате с сословными представителями происходил мой процесс. Председателем суда был Булатов, прокурором – Аксаков, если не ошибаюсь – племянник знаменитых К. и И. Аксаковых²⁵⁶, которые, как я писал потом в «Нашей

²⁵³ В заявлении, которое воспитанницы Ксенинского института подали в соединенное бюро союза родителей и педагогов еще в декабре 1905 г., говорилось: «В переживаемое нами время, когда общество, ища свободы и правды, разбирает всевозможные вопросы, освещает все темные уголки, следует обратить особенное внимание на женские институты с их исключительным режимом, который убивает малейшее проявление самостоятельности, мысли и индивидуальности. Мы больше не кисейные барышни, мы сознаем, что учиться и развиваться в таких условиях невыносимо, и всеми силами души протестуем против существующего институтского режима, против отживших традиций и рамок, которые нас душат. На основании всего сказанного мы требуем, наравне с нашими товарищами по другим учебным заведениям, автономии, дающей возможность учащимся нормально развиваться, и надеемся, что союзы учителей и родителей поддержат нас в этом справедливом требовании» (Требования институток // Биржевые ведомости. 1905. № 9110. 16 нояб.). Созванная 18 ноября конференция всего преподавательского и воспитательного персонала профессиональных курсов и общих классов Ксенинского института, посчитав, что «бунт» вызван нервным напряжением и подростковой неуравновешенностью воспитанниц, приняла решение распустить их по домам до 20 января 1906 г. (см.: *Лобок Д. В.* «Мы не кисейные барышни!» (Ксенинский институт в период первой русской революции 1905–1907 гг.) // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. Чебоксары, 2019. С. 224–231).

²⁵⁴ Неточность: 10 декабря 1905 г. в правление Ксенинского института поступили заявления трех преподавателей, в том числе П. Л. Маштакова, о том, что в силу решения «Союза учащихся в кредитных учебных заведениях» они примыкают ко всеобщей политической забастовке и прекращают вести занятия, вследствие чего 12 декабря забастовщики были уволены, а 28 декабря – еще один за проявленную солидарность с сослуживцами (см.: *Лобок Д. В.* Указ. соч.).

²⁵⁵ Правильно: М. П. Черниковой.

²⁵⁶ В. С. Аксаков не был племянником И. С. и К. С. Аксаковых.

жизни», вероятно, переворачивались в гробу, когда их племянник призывал кары на печать. Были стенографисты, посланные «Нашей жизнью». Публики было немного, вероятно, человек 25–30: репортеры разных газет, наша редакция, журналисты.

В качестве свидетелей явилась Черняковская-мать²⁵⁷, ее дочь, две-три исключенные институтки, в том числе Худынцева; но эта последняя по незнанию села в публике, а так как ни Зарудный, ни я в лицо ее не знали, то и осталась там. Маштаков не явился. Зарудный просил допросить наших свидетелей; прокурор не возражал, и суд согласился. Но когда Зарудный назвал Худынцеву, то оказалось, что она сидит в публике, слышала мотивировку Зарудного и потому в силу довольно нецелесообразного закона (точно адвокат не может внушить свидетелю содержание его показаний вне судебного присутствия) не могла быть допрошена.

Свидетельницы все были в мою пользу; они нарисовали действительно безобразную картину институтских порядков и внезапно, в начале 1906 г., проявившуюся злобность начальства после того, как оно само в течение конца 1905 г. свободно допускало политические разговоры, чуть не митинги. Прокурор во время их показаний вел себя совершенно пассивно, не задав, кажется, ни одного вопроса; напротив, Зарудный очень энергично и очень талантливо ставил вопросы, добываясь от свидетельниц все новых и новых подробностей. Протокол педагогического совета подтверждал мелочность и придирчивость поводов к исключению и факт исключения за колбасу в то время, когда обвинительный акт со слов жалобы, поданной институтским начальством, настаивал на том, что вовсе не за колбасу, а за все ее дерзкое поведение в последние месяцы (о чем в протоколе не было ни одного слова).

Из свидетелей по другим делам Зарудный поставил вопрос Ходскому (вызванному прокуратурой), как относились «Наша жизнь» и лично я к вопросу о бойкоте, и Ходский, конечно, дал правильный, достаточно полный ответ²⁵⁸.

Прокурор произнес очень краткую, но очень противную речь, в которой говорил о необходимости обуздать зарвавшуюся печать судебными карами. Особенно остановился он на двух социалистических программах, в которых видел подрыв существующего государственного строя, причем, может быть предчувствуя мою аргументацию, заметил, что для их преступности нет надобности в наличии у меня намерения подорвать общественный порядок, а вполне достаточно объективного содержания²⁵⁹.

Зарудный произнес обстоятельную, очень хорошую речь по всем 9 делам, хотя, может быть, ее недостатком было чрезмерное выделение дела о Ксенинском институте. Он настаивал на праве печати освещать подобные явления, как массовое исключение учениц из учебного заведения. Сравнительно мало коснулся он программ, оставив их защиту на мою последнюю речь.

Прокурор не возражал.

²⁵⁷ В качестве свидетелей на суде выступили М. П. Черникова и Н. А. Бойно-Родзевич (старшая сестра двух воспитанниц – Ксени и Анны), а также бывший преподаватель русского языка в Ксенинском институте Н. В. Балаев (см.: Дело В. В. Водовозова // Речь. 1906. № 141. 18 авг.; Дело В. В. Водовозова в С.-Петербургской судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях, совершенных им в качестве редактора «Нашей жизни», «Сборника программ политических партий в России» и др. С. 28–34).

²⁵⁸ Л. В. Ходский показал, что и в печати, и на митингах В. В. Водовозов «в горячих речах» призывал к выборам и «даже подвергался нападкам со стороны газет, которые, как, например, “Сын Отечества”, принадлежали к партии, бойкотировавшей Думу» (Дело В. В. Водовозова... С. 27–28).

²⁵⁹ В. С. Аксаков заявил: «Нет сомнения, что во многих из напечатанных подсудимым статей прямого призыва к бунтовщицким действиям не имеется, но чем умнее автор, тем больше он старается высказываться не прямо, а между строк, и несомненно, что в тех статьях, которые инкриминируются Водовозову, такой призыв к бунтовщицким действиям среди строк имеется. Всего яснее они в статье под названием “Программа партии социалистов-революционеров” и особенно в статье под названием “Постановления делегатского съезда всероссийского крестьянского союза”, напечатанных в 3-м номере “Вестника свободы”. Все эти произведения пропитаны духом социализма, все они восстают против существующего государственного и общественного строя, как строя капиталистического и самодержавного, и призывают к его ниспровержению во имя социализма и демократической республики, путь к которой они указывают через учредительное собрание» (Там же. С. 34–35).

В своем последнем слове я остановился на двух социалистических программах. Я указал, что в моем сборнике собраны социалистические программы вместе с октябристской и так называемыми черносотенными.

– Я не отрицаю и не скрываю, – говорил я, – что у меня есть свои политические убеждения, что из напечатанных мною программ одним я сочувствую, другим сочувствую мало, к третьим отношусь с решительным осуждением. И тем не менее я их в своем сборнике печатаю без единой оговорки.

Если кто-либо заинтересуется вопросом о моих политических убеждениях, ответ на него он должен искать в другом месте, но ни в коем случае не в этом сборнике. Из него вы их не узнаете.

Вы, господа судьи и господа сословные представители, слышали показания Ходского о моем отрицательном отношении к бойкоту Думы. Я мог бы вызвать десятки свидетелей, которые подтвердили бы то же самое, и представить ряд моих статей в защиту участия в выборах в Думу, но я не сделаю этого, чтобы не затруднять вас, уверенный, что вы читали газеты в течение последних месяцев и сами знаете об отношении к этому вопросу редактировавшейся мною «Нашей жизни» и моем.

При этих словах председатель суда Булатов совершенно явственно утвердительно кивнул головой, подтверждая мои слова.

– А теперь посмотрите, что говорится в моем сборнике о бойкоте Думы. Разверните его на такой-то странице и читайте: «Только враги народа могут идти в такую Думу»²⁶⁰. Итак, я – враг народа. Этот эпитет дается мне в сборнике, изданном мною. Поищите, есть ли тут в предисловии или в каком-нибудь примечании оговорка о несогласии с этим местом? Нет, такой оговорки нет нигде. В моем собственном сборнике я заклеюмен названием врага народа²⁶¹. Что же это значит? Это значит одно, что про составителя этого сборника можно сказать с полным правом:

Так дьяк, в приказах поседельй,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева²⁶².

А следовательно, говорить о моих намерениях потрясти общественный порядок напечатанием двух социалистических программ не приходится.

Правда, прокурор сказал в своей речи, что преступного намерения для состава преступления не нужно, что совершенно достаточно объективно преступного содержания произведения, чтобы осудить человека, его напечатавшего. Тут уже я совершенно отказываюсь понимать господина прокурора. Я кончил университетский курс почти двадцать лет назад и с тех пор уголовным правом не занимался. Но я слушал лекции таких прекрасных профессоров, как Фойницкий и Сергеевский, и вынес из их лекций твердое убеждение как в азбучной юридической истине, что преступная воля есть один из безусловно необходимых элементов преступления, что без нее преступления нет и что судебная кара без нее решительно недопустима. Я совершенно уверен, господа судьи, что вы признаете ту юриспруденцию, которой я учился в университете, а не ту, которую пытается создать господин прокурор.

В развитие своей мысли я привел еще один аргумент.

---

²⁶⁰ Автор неточно цитирует одно из постановлений съезда Крестьянского союза: «Считать врагами народа всех, кто будет принимать участие в выборах в государственную думу» (Там же. С. 46).

²⁶¹ В рукописи далее зачеркнуто: «Скажите, многие из вас согласятся распространять произведение, в котором вас клеймят таким эпитетом? Наверное, нет. А я это делаю».

²⁶² Неточно цитируются слова Григория Отрепьева из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов».

Год тому назад японцы среди населения Приморской области распространяли прокламации, призывавшие население к помощи им, то есть к государственной измене. Распространение подобных прокламаций в прошлом году, особенно на Дальнем Востоке, было бы, без всякого сомнения, тяжким преступлением. А если бы теперь, по окончании войны, кто-нибудь их собрал и выпустил в виде книги, да еще в Петербурге, то неужели можно было бы его за это преследовать? Не то же ли самое делает прокурор, обвиняя за напечатание сборника программ, в котором совершенно равноправными оказываются и программы социалистические, и программа Союза 17 октября, и программа Союза русского народа?²⁶³

Суд удалился на совещание.

Часа через два он вынес вердикт. По 5 делам из 9 – оправдать; по делу Ксениинского института – три месяца тюрьмы, по двум другим делам – тюремное заключение на разные сроки, а за социалистические программы – год крепости. По совокупности – год крепости. Впредь до вступления приговора в законную силу подсудимого оставить на свободе под залог в 1000 рублей.

Через несколько дней, когда приговор был объявлен в окончательной форме²⁶⁴, я узнал, что в суде два лица стояли за оправдание по всем делам и остались при особом мнении, которое и занесли в протокол; это были председатель суда Булатов и волостной старшина²⁶⁵. Булатов, как было известно и раньше, по всем или почти по всем литературным делам стоял за оправдание. Зарудный узнал из судебных сфер, что особенно горячо за осуждение стоял предводитель дворянства, адмирал – фамилии не помню. У него во время матросского бунта был убит матросами его сын, и всех социалистов и все так или иначе прикосновенное к социализму он считал ответственным за это убийство²⁶⁶.

Приговор был неприятен, равнодушен к нему я не был, но бежать за границу хотя бы до фактического внесения залога, а тем более после не думал²⁶⁷. В этом ясно сказывается отличие в настроении от 1905 г.

²⁶³ Свое «последнее слово» В. В. Водовозов завершил так: «Я – на скамье подсудимых за напечатание постановлений крестьянского союза; между тем все газеты, – “Новое время” и другие, печатали те же постановления, и их редакторы не находятся на скамье подсудимых. (*Председатель*: Еще раз запрещаю вам касаться посторонних лиц). Хорошо. Повторяю, я глубоко уважаю скамью подсудимых, которую не раз занимали благороднейшие люди человечества и обращали в трибуну для защиты права, и мне стыдно сидеть на ней по тем смехотворным обвинениям, которые уже так полно оценены моим защитником и которые не дают ни повода, ни материала для такой борьбы. Полгода я уже нахожусь под дамокловым мечом вашего приговора; я знаю, что мне грозит тюрьма, крепость, даже лишение прав состояния и ссылка на поселение, но я все время был совершенно спокоен и буду совершенно спокоен, когда моя судьба скроется на полчаса в тайниках вашей совещательной комнаты, и это потому, что, при всем моем уважении к вашему суду, есть еще другой суд, которым я дорожу гораздо больше, – это суд общественного мнения. Его приговор я на этот раз знаю заранее, – он будет за меня. Тем не менее, дорожа достоинством русского суда, прошу вас, оправдайте меня» (Дело В. В. Водовозова в С.-Петербургской судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях, совершенных им в качестве редактора «Нашей жизни», «Сборника программ политических партий в России» и др. С. 44–51; см. также: Дело В. В. Водовозова // Товарищ. 1906. № 40. 20 авг.).

²⁶⁴ В окончательной форме приговор был объявлен 24 августа (см.: Приговор по делу В. В. Водовозова // Товарищ. 1906. № 44. 25 авг.; см. также: С. И. Судья от гор. Петербурга // Око. 1906. № 11. 18 авг.; Горбатов А. Суды и судьи над печатью // Око. № 15. 23 авг.) и в этой связи отмечались его «логические противоречия». Подсудимый признан виновным за «преступления», совершенные при посредстве газет «Народное хозяйство», «Наша жизнь» и журнала «Вестник свободы», причем за последнее, «самое тяжелое», приговорен к году крепости, а за остальные – к 6 и 3 месяцам тюремного заключения. Хотя его высшее наказание погашает низшее, но «Вестник свободы», за который Водовозов наказан самым суровым образом, «оставлен без всякой кары и по вступлении приговора в законную силу может выходить по-прежнему», а «Наша жизнь» и «Народное хозяйство», за которыми числятся «второстепенные по значению преступления», наказаны «закрытием навсегда» (По поводу процесса В. В. Водовозова // Товарищ. 1906. № 47. 29 авг.).

²⁶⁵ Имеется в виду член Особого присутствия С.-Петербургской судебной палаты – волостной старшина Новосаратовской волости С.-Петербургского уезда С.-Петербургской губернии Бич.

²⁶⁶ Речь идет о А. К. Де-Ливроне и его сыне, мичмане Андрее, который не был убит матросами; он, напротив, отказался в 1905 г. участвовать в подавлении Кронштадтского восстания.

²⁶⁷ Через полторы недели после оглашения приговора Департамент полиции снова напомнил о себе: «4 сентября, в 9 ч. веч., к литератору В. В. Водовозову на Васильевском острове заявила полиция с целым отрядом городских, сыщиков и проч. Не объясняя повода (если не считать ссылки на немотивированное предписание охранного отделения), произвели обыск, длившийся почти до 1 ч. ночи. Сначала было начали отбирать книги, вроде А. Кауфмана о переселениях, Водовозова о всеобщем

Я подал кассационную жалобу.

Из нескольких пунктов этой жалобы я теперь помню два. Первый касался вопроса о необходимости «злой воли» для состава преступления. Второй касался вопроса о подсудности по поводу дела о Ксенинском институте. Само по себе это дело подлежит разбору в окружном суде, а не в судебной палате. В палату оно могло бы прийти только по апелляции из окружного суда. Следовательно, для таких дел двойное рассмотрение в двух инстанциях есть требование закона и для подсудимого это является правом, лишать которого нет законных оснований. Между тем дела более важные, сразу идущие по закону в судебную палату, для которых, следовательно, по закону нет двойного разбирательства, были в моем случае соединены с этим сравнительно маловажным делом, и оно попало сразу в судебную палату.

Этот мотив заранее надумал Зарудный и при разборе дела в судебной палате потребовал его выделения, но получил отказ, что и было записано в протокол. Мне этот мотив казался малоубедительным. Если судебная палата есть высшая инстанция, если все равно дело может быть перенесено в нее как прокурором, так и подсудимым и если решающее значение имеет приговор именно палаты, а не суда, то имеет ли какое-нибудь значение, что дело миновало этот последний?

Но Зарудный очень настаивал на своем. Он созвал совещание адвокатов; некоторые поддержали мою точку зрения, но прибавили, что включение этого пункта в кассационную жалобу ничему не помешает, – пусть Сенат выскажется; другие, особенно О. О. Грузенберг, горячо соглашались с Зарудным. Жалобу написал Зарудный, но поддерживать ее в Сенате взялся Грузенберг.

К моему удивлению, Сенат отверг все поводы для кассации, казавшиеся мне гораздо более основательными, но именно этот пункт признал. Поэтому он кассировал приговор по делу Ксенинского института, но сохранил в силе остальные приговоры.

В составе отделения Сената, рассматривавшего мою кассационную жалобу, находился между другими сенаторами Фойницкий, про которого давно уже говорили, что в качестве профессора он учит студентов, как следует судить, а в качестве судьи – как не следует²⁶⁸. Отказ в признании необходимости злой воли для состава преступления и в полной кассации моего дела казался мне новым подтверждением этой старой характеристики²⁶⁹.

избирательном праве, но потом, заметив, что у Водовозова имеется целая библиотека, книги оставили в покое, ограничившись захватом нескольких брошюр, купленных в магазинах, и писем, более или менее невинного свойства. Но обратили особенное внимание на портреты писателей и общественных деятелей, изданные В. П. Водовозовой, склад которых находился в той же квартире. Открыли, между прочим, портреты Лопатина, В. Фигнер, Балмашева и т. п. и заявили, что это издания преступные. – Но все они разрешены, на всех значится цензурное разрешение. – Ничего не значит. Мало ли что раньше разрешалось. Все подобное конфискуется. Может быть, и цензор, разрешивший это, будет арестован. – Но это разрешил лично Дурново, до которого доходило дело. – Ничего не значит. То был Дурново, а теперь – Столыпин, – с чувством глубокого убеждения ответил частный пристав. Часть склада запечатана впредь до выяснения. Действительный повод к обыску дан, вероятно, состоявшимся в тот же день арестом В. Э. Ваховской, временно гостившей у Водовозова. В ее вещах не найдено ничего» (Товарищ. 1906. № 54. 6 сент.).

²⁶⁸ Ср.: «Пишущий эти строки сам был когда-то учеником Фойницкого, хорошо помнит его лекции <...>. Но, к сожалению, он был также подсудимым по литературному делу (по знаменитой статье 129), по которому Фойницкий в качестве сенатора принимал участие в кассационном рассмотрении, и он, к несчастью, решительно не в состоянии свести воедино своих представлений о Фойницком-профессоре и о Фойницком-судье. Фойницкий-профессор был безусловным сторонником свободы печати, а Фойницкий-судья душил печать. Фойницкий-профессор проводил великие начала судебных уставов, и целый ряд поколений русских юристов именно ему обязан прочным их усвоением, а Фойницкий-судья сам плохо их усвоил и соглашался своим высокоавторитетным именем покрывать ту казуистику, которую сенат снискал себе столь печальную славу» (Водовозов В. Иван Яковлевич Фойницкий. 1847–1913 // Современник. 1913. Кн. 10. С. 307–315).

²⁶⁹ В кассационной жалобе, которая слушалась 6 октября 1906 г. во 2-м отделении уголовного кассационного департамента Сената, В. В. Водовозов доказывал, что вопросы были поставлены судом неправильно, а при отсутствии мотивировки это лишает возможности ориентироваться в конкретности приписываемых ему приговором деяний. Суд также превысил свои полномочия, обвинив газету «Наша жизнь» за «вредное направление», которое ей не инкриминировалось ни обвинительными актами, ни прокурором и не служило предметом следствия. Водовозов также указал на «неправильный состав суда», ибо в числе сословных представителей вместо столичного городского головы заседал член управы О. Ф. Оношкович-Яцына, состоящий пятым по старшинству в ряду ее членов, и в деле нет оправдательных документов, объясняющих это замещение.

Решение Сената создавало странное положение. Я был приговорен по одному делу к одному году крепости. Приговор по этому делу вступил в законную силу. По другому делу я приговорен к трем месяцам крепости, и этот приговор кассирован. Но он не имеет влияния на совокупность: буду ли я по нему оправдан или вновь приговорен к тому же наказанию, надо мной висит год крепости, который и в том, и в другом случае неизменно останется годом крепости. Спрашивается: следует ли немедленно привести в исполнение этот приговор или суд обязан его отложить?

Из адвокатов один Н. Д. Соколов высказал мнение, что приговор будет отложен. Зарудный, Грузенберг, Андроников, еще несколько других думали, что приговор будет приведен в исполнение немедленно. Так же думал и я и готовился к переселению в крепость. Время шло, а меня в крепость не тащили. Палата, получив сенатское решение, приговора в исполнение не привела. Как она мотивировала это решение и мотивировала ли или даже не обсуждала этого вопроса, а просто просмотрела возможность посадить меня в крепость, — я не знаю.

В то же время случилось одно событие, важное для хода моего процесса. Кальварский, обиженный приговором по делу Ксениинского института, подал так называемую «явку с повинной», т. е. заявление, что автор инкриминируемой статьи — это он и что он требует привлечения его к суду²⁷⁰. Сделал он это, конечно, по соглашению со мной, и я был ему очень благодарен. Но, должен сознаться, вовсе не потому, чтобы чувствовал себя оскорбленным признанием моей виновности в распространении заведомо ложных сведений о правительственном учреждении, а по более эгоистическим мотивам. Теперь уже мне очень не хотелось идти в крепость, и если нельзя совсем уклониться от нее, то хотелось по возможности оттянуть ее. И Кальварский помогал мне сделать это. Я гарантировал ему защиту на суде, уплату штрафа, если он будет приговорен к таковому, поддержку в тюрьме в случае, если он попадет в нее. Зарудный тоже очень поддерживал его в этом.

В силу сенатского решения и «явки с повинной» Кальварского мы должны были судиться по этому делу вместе с ним в окружном суде. По причинам, оставшимся мне совершенно неизвестными и непонятными, прошел весь 1907 г.²⁷¹, все первое полугодие 1908 г., — меня в суд

Поскольку сенатор И. Я. Фойницкий поддержал кассатора в отношении того, что по трем обвинениям «действительно не указаны конкретные признаки преступления», резолютивная часть принятого решения гласила: «Обжалованный приговор С.-Петербургской судебной палаты за нарушением ст. 751 и 760 устава уголовного судопроизводства в части, касающейся обвинения Водовозова в распространении трех статей — “События в Харбине”, “Странички жизни” и “К разгрому Ксениинского института”, — отменить и дело для нового рассмотрения в другом составе присутствия возвратить в ту же судебную палату. В прочих же частях жалобу Водовозова оставить без последствий» (Дело «Нашей жизни» в Сенате // Товарниц. 1906. № 81. 7 окт.; см. там же: Д. Д. Станный приговор).

²⁷⁰ Выступая в Сенате, Водовозов, в частности, говорил: «Я обвиняюсь в четырех преступлениях, самое важное из них — четвертое, за которое я присужден к году заключения в крепости. Но лично для меня наиболее тяжелым является обвинение в другом преступлении — напечатании заметки “К разгрому Ксениинского института”. Я осужден за клевету... Легче быть осужденным за политическое преступление, чем за злостную клевету. Для меня как журналиста обвинение в том, что вместо служения правде я прибегаю к клевете, особенно тягостно. <...> Я не считаю себя клеветником. Я поместил в редактируемой мною газете описание порядков в Ксениинском институте и считаю, что все написанное в заметке вполне соответствует истине. Судебное разбирательство это подтвердило. Суд же признал, что это не так. Но благодаря этому обстоятельству юстиция попала в очень затруднительное положение. Автор статьи, Кальварский, не названный мной при следствии, обратился к судебному следователю с требованием привлечь его обвиняемым по этому делу. И тем не менее судебный следователь допросил Кальварского как свидетеля, а не как обвиняемого, объяснив ему, что он не находит в его статье состава клеветы. Оказывается, что суд в лице судебной палаты и юстиция в лице судебного следователя имеют два различных критерия понимания преступления. Я не юрист-практик, но я все же юрист по образованию, и я невольно ишу юридического объяснения для этого странного явления» (Дело В. Водовозова в сенате // Там же. № 82. 8 окт.).

²⁷¹ 17 февраля 1907 г. Особое присутствие С.-Петербургской судебной палаты заслушало дело по обвинению В. В. Водовозова как бывшего редактора «Нашей жизни» и Е. Д. Кальварского как автора статьи «К разгрому Ксениинского института». Защитниками выступали О. О. Грузенберг и А. С. Зарудный, которые указывали, что если предварительное следствие произведено в отношении одного из подсудимых, то необходимо сделать то же и в отношении его соучастника, а судебный следователь ни разу не допросил Водовозова, который даже не привлечен им в качестве обвиняемого. Предлагалось восстановить законный порядок, признать невозможным слушание дела и вернуть его на доследование, чтобы Водовозов имел возможность предоставить в свое оправдание новые доказательства и новых свидетелей. После продолжительного совещания Особое присутствие согласилось с доводами защиты и отправило дело на доследование (Одно из дел «Нашей жизни» // Товарниц. 1907.

по этому делу не звали. Конечно, я его не торопил, но и ничего не делал (и не мог делать), чтобы затормозить.

Между тем в 1907 г.²⁷² я получил повестку с вызовом к следователю по новому делу. Вызов меня удивил: я уже давно не был более ответственным редактором и решительно не мог догадаться, в чем помимо газеты могут состоять мои прегрешения. Оказалось, что «новым» это дело было только относительно, что за ним уже была годичная давность, т. е. что повод к ней дала статья газеты, напечатанная давно, еще во время моего редакторства, но что только теперь дошло оно до следователя. Обвинение формулировалось как «оскорбление войск, располагающихся в Царстве Польском». При самом внимательном и преднамеренно-придирчивом прочтении инкриминируемой статьи я не мог найти, на что тут могли обидеться войска Царства Польского.

Сравнительно скоро состоялся разбор в окружном суде. Председателем суда был Вонлярлярский, близкий и давний знакомый Грузенберга и немного мой. Я встречал его в Смоленской губернии в имении родных моего гимназического товарища Богдановича, у которого я гостил несколько недель по окончании гимназии в 1883 г., когда Вонлярлярский, тоже помещик Смоленской губернии, был там мировым судьей; я бывал у него и в доме, и в камере мирового судьи при разборе дел. Человек он был вполне порядочный, судьей считался хорошим. Защищал меня Грузенберг.

Обвинительный акт производил прямо смехотворное впечатление, и притом, по-видимому, не только на меня и моего защитника, но и на судей и чуть ли даже не на прокурора (не помню фамилии).

Дело разыгралось курьезнейшим образом.

Грузенберг обратился с несколькими ходатайствами к суду. На все быстрый, почти без совещания, только с переглядыванием судей ответ:

– Отказать.

– Будет оправдание, – шепнул мне Грузенберг.

Поднялся прокурор и произнес ровно 5 слов:

– Поддерживаю обвинение по статье такой-то.

Подражая ему, Грузенберг произнес всего 4 слова:

– Прошу моего подзащитного оправдать.

Я отказался от последнего слова, находя, что вся возможная аргументация вполне исчерпана пана Грузенбергом.

Суд, видимо, только для приличия удалился, но через несколько минут вернулся.

– Оправдать.

Все заседание суда продолжалось 25 минут²⁷³.

№ 195. 18 февр.; Судебные вести // Речь. 1907. № 41. 18 февр.).

²⁷² Правильно: осенью 1906 г.

²⁷³ Новое дело В. В. Водовозова рассматривалось в С.-Петербургском окружном суде 24 октября 1906 г., и в обвинительном акте говорилось, что 5 февраля в газете «Наша жизнь» была размещена корреспонденция «Из Царства Польского», касающаяся объявления в крае военного положения. В статье указывалось, что оно ложится тяжелым бременем на местное население, а производимые с разрешения властей неистовства казаков и драгун ослабляют край экономически и нравственно, наносят ему тяжелые раны и, главное, возбуждают в нем «ненависть к правительству». В качестве примера «невозможнейших выходов» солдат приводилось убийство одним из них 18-летнего юноши, сына портного, за напоминание о рубле, взятом в долг, причем убийца при дознании оправдывался, будто жертва хотела «бунтовать народ». Хотя Водовозов, которому инкриминировалось распространение заведомо ложных для него сведений, потребовал вызвать в качестве свидетелей ряд общественных деятелей, живущих частью в Варшаве, частью в столице, а также генерал-губернатора и других высокопоставленных чиновников, суд ему в этом отказал. Защитник О. О. Грузенберг доказывал, что прокуратура не представила никаких данных как в опровержение статьи, так и для доказательства ее заведомой ложности, и суд, удалившись для совещания, «через 5 минут вынес оправдательный приговор» (Дело бывшего редактора «Нашей жизни» В. В. Водовозова с С.-Петербургском окружном суде по обвинению в литературном преступлении // Товарищ. 1906. № 96. 25 окт.).

После приговора Грузенберг познакомил меня с Вонлярлярским. Я напомнил ему наше недолгое знакомство. Он сказал:

– Как же, помню. Я все время смотрел на вас и спрашивал себя: тот или не тот? Вы сильно обросли.

Конечно, апелляция принесена не была. Так кончилось это пустое, бессмысленное дело. Но через несколько месяцев оно имело еще более курьезный эпилог.

Я получил повестку к следователю. Следователь был другой.

– Обвинение в оскорблении войск, расположенных в Царстве Польском, в статье, напечатанной в «Нашей жизни» в таком-то номере.

– Помилуйте, да я же уже судился по этому обвинению, – невольно воскликнул я.

– Где, когда, как? Этого быть не может!

Восклицание сорвалось у меня невольно, от удивления, и было без сомнения некоторой ошибкой. Если бы я его не сделал, глупое дело было бы вновь доведено до суда и я бы мог посмеяться над судом, особенно если бы я был осужден, что, впрочем, ввиду смехотворности обвинения было маловероятно. После приговора я мог бы вынуть из кармана приговор оправдательный и вручить его суду с замечанием о различии мнений двух отделений одного и того же суда. Силу получил бы первый приговор, и суд был бы поставлен в невыносимо глупое положение. Возможно, впрочем, что если не это отделение суда, то судебная власть вообще мне за это отомстила бы немедленным приведением в исполнение моего прежнего приговора.

Следователь был мне очень благодарен за указание и говорил, что он был бы поставлен в очень неприятное положение, если бы направил мое дело к прокурору, а между тем иначе он поступить не мог, так как не мог же он помнить всех бесчисленных литературных дел, разобранных судом.

Как могло произойти это двукратное возбуждение одного и того же дела? Вероятно, так. Штаб одного корпуса войск обиделся на нашу статью и выразил по начальству желание о привлечении меня к суду. Пожелание пошло по инстанциям и, наконец, дошло до оправдательного приговора. Одновременно обиделся и штаб другого корпуса и тоже направил жалобу по начальству, но с некоторым опозданием. Инстанции, по которым шло дело, были те же самые, но люди в инстанциях – разные, – и произошло то, что произошло.

Вслед за этим делом в моей подсудной карьере произошло нечто еще более изумительное. Вслед за первым новым или, лучше сказать, вновь откопанным старым делом пошло другое, такое же ново-старое дело, потом третье, четвертое и так далее (иногда одновременно по два дела). Лишь только было закончено дело о колбасе и я с полной уверенностью в близкой сидке обдумывал, какие вещи и книги взять с собой, какую работу взять себе для годичного заключения в крепости, как вдруг являлась новая повестка, новый допрос у следователя, новый процесс в суде. Если бы дело было действительно новое, то оно не влекло бы за собою отсрочки в отсидке, и совершенно естественно: иначе у приговоренного было бы слишком сильное побуждение совершать новые преступления, чтобы избавиться от наказания за старые. Но если вновь открывается преступление, совершенное до момента вступления приговора по старому делу в законную силу, то наказание за него должно быть наложено по совокупности, а следовательно, приговор по первому делу должен быть отложен.

И вот рьяная прокуратура в стремлении показать все преступления, совершенные в революционный год, делала все новые и новые открытия в пожелтевших листах старых газет и в заваливавшихся на полках книжных магазинов или случайно найденных при обысках брошюрах. Эти открытия делали, вероятно, провинциальные жандармы, – эти первые стадии оставались от нас, самих преступников, скрытыми; но затем жандармы передавали их прокуратуре, а прокуратура, вместо того чтобы просто сдать нелепые жалобы в архив, возбуждала дела. Таких старых дел в эпоху 1907–1912 гг. было возбуждено множество. Так, я знаю, что книги Ренана,

напечатанные и распроданные Глаголевым в революционную эпоху²⁷⁴, обратили на себя внимание прокуратуры только несколько лет спустя и вызвали предание суду издателя²⁷⁵. Но разница в положении Глаголева и большинства других издателей, с одной стороны, и моим, с другой, состояла в том, что у большинства преступных издателей были одно-два дела; открывались они, положим, в 1909 г., и в том же или в следующем году виновники садились в тюрьму. У меня же таких ново-старых дел оказалось около 10 (не считая первых 9), и самое их изобилие оказалось в мою пользу: излишек по отношению ко мне рвения прокуратуры вызвал то последствие, что оно не достигло своей цели и я от кары ускользнул. Станным образом интересы прокуратуры, состоявшие в том, чтобы выловить по возможности все преступления революционного года, вполне совпадали с моими как подсудимого, чтобы все мои преступления, мною забытые или даже никогда мне не бывшие известными, были открыты. Только одно маленькое отличие было между нашими интересами: мои состояли в том, чтобы мои преступления открывались не сразу, а в известной очереди. И случай изумительно благоприятствовал мне. Конечно, я не отказывался в этом отношении помогать судьбе.

Я знаю еще одного (и только одного) преступного издателя, судьба которого оказалась совершенно сходной со мной, – Н. Е. Парамонова, стоявшего во главе книжной фирмы «Донская речь» в Ростове-на-Дону. Против меня было возбуждено всего около 20 дел; против него что-то около 60, и точно так же преступность его многочисленных брошюр открывалась с желательной для него постепенностью, и год крепости, к которому он был присужден, как и я, все оттягивался и оттягивался, пока не пришла амнистия 1913 г.

О неизбежности амнистии в трехсотлетний юбилей дома Романовых я догадался не то в 1907, не то в 1908 г. Со мной не соглашались, с одной стороны, люди, верившие в близость новой революции: таких было немного, но они были, – по большей части из очень юных революционеров; с другой стороны, люди, думавшие, что Николай II в опьянении своей победы ни в каком случае амнистии своим врагам не даст. Я помню разговор, бывший, вероятно, в 1908 г., с Валерием Карриком (талантливым карикатуристом), который хотя и не был в это время юн, но по пылкости своих революционных убеждений верил в скорую революцию и прибавлял: «Ну а если ее не произойдет, то царь, обозленный и революцией 1905 г., и революционным движением следующих годов, опьяненный своей победой и вместе с тем дрожащий за свою колеблющуюся власть, никакой амнистии не даст». Я же отвечал: «К 1913 г. его победа будет полная, за власть дрожать он не будет, и именно в сознании своей победы по силе он должен будет дать амнистию уже в силу укоренившейся традиции». Таким образом, на моем общественном пессимизме я строил лично для себя оптимистическую надежду.

И вот у меня вставал вопрос: «Что же, дотяну я свои дела до 1913 года? Конечно, нет... По всей вероятности, нет... Ну а может быть, все-таки? Чем черт не шутит? Во всяком случае, торопиться в крепость мне нечего. А там обстоятельства покажут».

И вот однажды я помог случаю. Впрочем, и помощь моя была случайная. Но об этом в свое время, а теперь я закончу дело о колбасе.

В конце 1908 г. оно, наконец, было назначено в окружном суде.

Теперь, конечно, я или, лучше сказать, Зарудный, все еще относившийся к этому делу с большой горячностью, своевременно сделал заявление о вызове свидетелей. Мы вызвали главную виновницу всей кутерьмы, Худынцеву, вызвали мать и дочь Черняковских, еще двух-трех исключенных институток, вызвали Маштакова и одну классную даму, про которую институтки

²⁷⁴ Ренан Э. Жизнь Иисуса / Пер. О. Крыловой. СПб.: Н. Глаголев, [1906]; *Он же*. История первых веков христианства. СПб.: Н. Глаголев, [1907]. Т. 1–7.

²⁷⁵ 20 сентября 1911 г. С.-Петербургская судебная палата приговорила Н. М. Глаголева к двум годам крепости, но по высочайшему повелению срок был сокращен до полугода; последний его литературный процесс (за издание в 1906 г. «Народной истории Парижской коммуны» А. Арну) состоялся лишь в ноябре 1916 г.

говорили, что она была добрая и их отстаивала. Прокурор вызвал начальницу института, даму с какой-то очень громкой фамилией, помнится, княгиню Голицыну.

За несколько дней до процесса ко мне звонок по телефону:

– Можно к вам приехать поговорить по делу? Классная дама Ксениинского института такая-то.

– Сделайте одолжение.

Приезжает классная дама (добрая и заступавшаяся), взяв с собой для подкрепления еще какую-то даму.

– Вы вызвали меня свидетельницей?

– Да.

– Ради бога, освободите меня. Мне сказали, что вы можете. Христом богом прошу.

– Да почему?

– Да зачем я вам? Я ничего не знаю. Я никогда по судам не ходила. Стыд какой! Я не могу. Освободите!

Дама чуть не плакала.

– Для вас стыд явиться на суд свидетельницей, и это вы говорите человеку, который явится в суд подсудимым, а несколько лет тому назад уже осужден судом как преступник, и представьте себе – не чувствует от этого стыда, – смеясь ответил я.

Конечно, я ее освободил.

Из других свидетельниц Худынцева оказалась жительствующей в Москве, но на суд приехала. Остальные наши свидетели явились. Было и недоразумение. Мы вызывали Анну Гуревич, и Анна Гуревич на суд явилась, очень удивленная: оказалась сестрой Любви и Виссариона Гуревич, ничего общего не имеющей с той, которую мы вызывали. Но начальница института, инициаторша всего процесса, вызванная прокуратурой, не явилась и даже сочла ниже своего достоинства прислать хотя бы медицинское свидетельство. Вероятно, она тоже считала стыдом ходить по судам, хотя не считала стыдом возбуждать глупые обвинения.

Председательствовал на суде К. Савич.

Дело было проведено хорошо. Были допрошены все свидетели. Если институтки трещали, выливая свою детскую, хотя уже ослабленную временем злобу на свое начальство, то Маштаков давал очень сдержанные и спокойные по форме, убийственные по существу показания. Режим института с его ослабевшими во время революции вожжами и потом с пробудившейся мстительностью за свою собственную слабость встал перед судом во всей красе. Черняковская рассказывала, как ей кричала Голицына:

– Ваша дочь должна быть взята в 24 минуты!

– Вы, верно, хотите сказать: в 24 часа, – поправил Зарудный.

– Нет, именно в 24 минуты; и тот же самый срок Голицына назначала другим исключенным ученицам. Их буквально выгоняли, не давая времени собрать вещей. Выгоняли прямо на улицу, – у них не было родных в Петербурге. Нескольких я приютила у себя, хотя места у меня было мало²⁷⁶.

Зарудный был превосходен и в ведении допроса, и в защитительной речи.

---

²⁷⁶ Неточность: этот диалог происходил 17 августа 1907 г., на предыдущем процессе Водовозова. На вопрос А. С. Зарудного, знает ли свидетельница М. П. Черникова, что послужило поводом к исключению ее дочери, последовал ответ: «Мне лично не объяснили, а потребовали, чтобы я ее взяла в 24 минуты». Защитник уточнил: «Вы хотите сказать, в 24 часа?», и Черникова пояснила: «Нет, в разговоре в ответ на мой вопрос: вы хотите, чтобы мы собрались в 24 минуты, почетный опекун А. Н. Трубников прямо сказал: да, в 24 минуты». Защитник спрашивает: «Но вы были предупреждены об исключении вашей дочери?», на что свидетельница отвечает: «Нет, меня призвали для объяснений и только в институте объявили об исключении и необходимости взять дочь в 24 минуты из института» (см.: Дело В. В. Водовозова... С. 28–29).

Последнее слово я посвятил Кальварскому, подчеркивая у него глубокую убежденность в своей правоте, заставившую его без всякой нужды устроить явку с повинной: ни по закону, ни по литературным обычаям он не был обязан к этому.

Вдруг Савич оборвал меня:

– Вы произносите похвальное слово Кальварскому. В последнем слове вы должны защищаться, а не защищать других. Я вам запрещаю это.

Это было, конечно, совершенно неправильно и вместе с тем сказано крайне грубо.

– Если мне не позволяют защищаться как я умею, мне остается только замолчать, – сказал я и сел.

Суд удалился. Приговор: Водовозова подвергнуть штрафу в 50 рублей, Кальварского – штрафу в 25 рублей. Княгиню Голицыну за неявку в суд без уважительных причин оштрафовать на 50 рублей.

Таким образом, мое преступление было оценено совершенно так же, как и Голицыной. Морально приговор был полным оправданием. Практически это означало штраф в 25 рублей, так как мой личный штраф погашался годом крепости. А так как надо мной в это время тяготел еще один процесс и в отяжке при помощи колбасного дела я не нуждался, то все с той же узкопрактической точки зрения я хотел примириться с приговором.

Но Зарудный закусил удила:

– Я недоволен. Приговор несправедливый. Я требую, чтобы ты перенес его в судебную палату.

И дело перенесено в апелляционном порядке. Жалобу писал Зарудный, и он же потребовал, чтобы мы, подсудимые, на суд не являлись, – мы ему только мешали. Дело же такого рода, что личная явка подсудимых необязательна.

Вечером в день суда торжествующий голос Зарудного в телефон:

– Полное оправдание обоих.

Потом он рассказывал:

– Превосходная обстановка суда. Суд, прокурор, судебный пристав и я. Никого больше: ни подсудимых, ни свидетелей, ни репортеров, ни публики, ни одного человека. Нет возбуждения, нет страстей. Нет любопытства. Царит одна логика. Судьи слушают внимательно, бесстрастно и добросовестно. Я доказал им нелогичность приговора окружного суда и твою правоту, – и они вынесли оправдательный приговор.

Это было в 1908 г. Через 16 лет я встретился с моим судьей Савичем в Берлине. Судья и осужденный им преступник оказались выброшенными одной и той же революционной волной на другой берег и находились приблизительно в одинаковом положении. В это время я имел литературную работу в книгоиздательстве З. И. Гржебина²⁷⁷, а именно редактировал небольшой «Настольный энциклопедический словарь», типа павленковского словаря²⁷⁸. Работа продолжалась почти два года. Издательство Гржебина уже приближалось к краху, и это иногда сказывалось в задержках в выплате вознаграждений и во многих других признаках, но еще старалось скрывать это и работу продолжало. Из всех отделов словаря меня наиболее затрудняла юриспруденция. Я сам юрист по образованию, но со времени революции 1917 г. я не имел никакой возможности следить настоящим образом за той правовой революцией, которая производилась советской властью. До осени 1922 г., пока я жил в России, я чувствовал эту революцию на своей спине, но осмыслить ее юридически и выразить ее в научных терминах не мог.

---

²⁷⁷ «Издательство З. И. Гржебина», созданное в Петрограде и заключившее в январе 1920 г. договор с Госиздатом (расторгнут в марте 1921 г.) и в июне 1922 г. с торгпредством РСФСР в Германии (расторгнут в 1923 г.), легализовавшись в Берлине, за 1922–1923 гг. издало более 225 названий книг, но из-за запрета ввозить их в Россию обанкротилось и фактически прекратило деятельность в 1924 г.

²⁷⁸ Энциклопедический словарь Ф. Павленкова – однотомный иллюстрированный энциклопедический словарь (СПб., 1899; неоднократно переиздавался).

Большую часть времени я не имел даже возможности следить за ней по советским газетам: я их не получал; следить же за ними по уличным расклейкам было очень трудно, а систематически – и невозможно. Не мог пополнить пробела своего образования и в Берлине, где даже не было порядочной русской библиотеки. Поэтому я непременно должен был найти специалиста. Но это было очень трудно: знаний в этой области в то время было очень мало.

В Праге еще имелось среди эмиграции несколько юристов, добросовестно изучавших советское право, но в Берлине их я долго не находил. Ко мне обращался с предложением своих услуг Гогель, юрист в прошлом очень заслуженный, но скоро я убедился, что его юридическое образование, как и мое, остановилось на 1917 г. и его статьи, весьма дельные по отношению к западному праву, были совершенно никуда не годны, поскольку они касались советской России.

И вот ко мне с предложением услуг пришел Савич. Я его не узнал и в первое время имел с ним дело как с совершенно незнакомым мне человеком. И только недели через две в моей памяти всплыло смутное воспоминание.

– Вы не были ли членом Санкт-Петербургского окружного суда? – спросил я его.

– Был.

– Не судили ли вы меня по делу Ксениинского института?

– Судил.

Мы погрузились в область прошлого. Он хорошо помнил мое дело и только прочно забыл его эпилог – отмену приговора в судебной палате, так что даже пытался отрицать этот факт. По-прежнему он признавал правильность своего приговора, настаивая на том, что мои свидетели, несмотря на свое единодушие, не могли доказать неправильности жалобы Голицыной.

Как мой сотрудник Савич оказался вполне на высоте своей задачи. Он следил за советской общей и специально юридической литературой и знал советское право. Но, будучи решительным ненавистником советской власти, он был склонен помещать в своих словарных статьях некоторые факты, если они дурно говорили о советской власти, хотя бы их истинность могла быть подвергнута основательному сомнению.

– Если бы советская власть имела возможность и желание привлечь вас к суду за сообщение подобных фактов и судил бы вас судья с такими же требованиями от писателя, как вы сами, то вы были бы осуждены, – говорил я ему, – притом осуждены с гораздо большим основанием, чем осудили меня вы.

Он не мог возражать на это, ссылаясь только на сообщения эмигрантской прессы.

В его статьях встречались ошибки по отношению к западноевропейскому конституционному праву, которое он, видимо, знал плохо, но большого значения они не имели, так как это была область моей специальности и я без труда исправлял их.

В общем, он был хороший работник и работал у меня, пока Гржебин вместе с моим словарем не вылетел в трубу. Неприятной чертой Савича было умение пользоваться своим положением единственного специалиста по советскому праву для чрезмерного повышения своего гонорара, чего я должен был (с большим трудом) добиться для него от Гржебина. Кроме того, характер у него был, видимо, очень тяжелый; он каждое свое слово в статье, даже явно несправедливое, отстаивал с неприятным упорством против моих поправок, хотя в конце концов всегда уступал и даже признавал меня «хорошим редактором». По политическим убеждениям он был сторонник Кирилла Владимировича.

Как я уже сказал, дело о колбасе было не последнее мое дело; у меня в запасе оказывалось их достаточно. Один раз я помог судьбе. Случилось это так.

Однажды, не то в 1908, не то в 1909 г.²⁷⁹, явился ко мне молодой человек, мне не знакомый, по фамилии Бергер и очень взволнованным тоном рассказал следующее.

---

²⁷⁹ Это произошло в 1908 г. См. письмо А. М. Бергера от 21 августа 1908 г. (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2046. Л. 3).

В революционный год он издал довольно большое количество радикальных брошюр. Все они сошли с рук ему благополучно, но вот теперь, через 3 или 4 года, одна из них попалась. Это был небольшой, страниц в 30, сборник радикальных стихотворений²⁸⁰. Привлекают его по статье 129, т. е. по страшной статье о призыве к ниспровержению строя, грозящей как максимум каторжными работами с лишением прав состояния, но по которой за литературные преступления, как показывала практика, суды систематически назначали один год крепости. Год крепости ему не улыбался, и он, зная, что мне таковой все равно грозит и что новый процесс мне обещает даже отсрочку, пришел ко мне с просьбой: не соглашусь ли я взять его грех на себя. Брошюра была издана анонимно, и это вполне возможно.

Я просмотрел книжку. Мне она крайне не понравилась. В книжку каким-то ветром занесло «Послание к Чаадаеву» в прежней редакции («Любви, надежды, гордой славы»)²⁸¹, но, за этим единственным исключением, все остальные стихотворения свидетельствовали лишь о крайне низком эстетическом вкусе составителя. Тут было стихотворение Щепкиной-Куперник о матросе, вернувшемся из-под Цусимы и узнавшем о гибели отца, брата и жены в день гапоновского расстрела; кончалось стихотворение словами: он поднял к небу «глаза; в них страшная клятва была и будущей мести гроза»²⁸². Остальные стихотворения были такой же трескотней. Каляев «бросал всем тиранам, не робея, стальной рукой неотвратимый взмах»²⁸³. Было стихотворение Чуковского (переведенное с английского) «Пионеры», в котором пионеры стучат топорами, взрывают динамитом скалы, пробивая себе путь к светлому будущему²⁸⁴, и ряд других таких же²⁸⁵. Но революцию тут могла увидеть только болезненная фантазия жандармерии или прокуратуры. Явная слабость стихотворений заставила меня сильно колебаться. Уж очень не хотелось фигурировать в качестве составителя этого совершенно бездарного сборника, и я это высказал Бергеру:

– Если бы сборник судился в литературном суде, то я охотнее выступил бы прокурором, чем подсудимым.

Но сборник мог затянуть мое состояние подсудности еще на год, и желание добиться этого превозмогло мои колебания.

Я дал Бергеру свое согласие, которого он ожидал в большом волнении. Мы сговорились, что он скажет на допросе следователю, что действительным издателем был я, а он только по моему поручению договорился с типографией и отвез в нее приготовленную рукопись (это показывал заведующий типографией). Я должен был признать свое издательство и подтвердить в подробностях показания Бергера.

²⁸⁰ В грозу: сб. стихов / Собр. Л. М. Василевский. СПб.: Голос, [1906]. 44 с.

²⁸¹ Имеется в виду стихотворение А. С. Пушкина «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»), написанное в 1818 г., см.: *Пушкин А. С. К П. Я. Чаадаеву // В грозу. С. 6–7.*

²⁸² Неточно цитируется стихотворение Т. Щепкиной-Куперник «На родине» (Там же. С. 11–12). В стихотворении говорится о «солдате-калеке», который, вернувшись домой «от павших твердынь Порт-Артура...», узнает, что в «кровавое воскресенье» жена его «на смерть зарублена пашкой», сын «в Александровском парке был пулею с дерева снят», мать «избита казацкой нагайкой, до ночи едва дожила», а брат, матрос броненосца на Черном море, убит офицером, так как «вступился за правду».

²⁸³ Неточно цитируется стихотворение И. Каляева «Моя душа пылает страстью бурной...» (Там же. С. 7).

²⁸⁴ Стихотворение К. Чуковского (начало: «Загорелою толпою...»), опубликованное без названия в сборнике, представляет собой вольный перевод стихотворения У. Уитмена «Пионеры! О пионеры!» (1865); впервые напечатано в журнале «Сигнал» (1905. № 1). В недатированном письме К. И. Чуковского, адресованном составителю антологии «В грозу» Л. М. Василевскому, говорилось: «Пускай защитник Ваш укажет, что “топоры” и всякая такая штука относятся к культурной работе, а отнюдь не к проломлению черепов. Вообще это стихотворение есть обращение к американцам-“пионерам”, которые вырубаят леса, и проводят рельсы, и т. д. Потому-то они и “загорелые”. А разве пролетариат – загорелый?» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2781. Л. 1).

²⁸⁵ В сборник «В грозу» были включены стихотворения В. Я. Брюсова, А. С. Рославлева, Скитальца (С. Г. Петрова), Тана (В. Г. Богораза), Тэффи, С. Г. Фруга, О. Н. Чюминой, П. Ф. Якубовича и др.

Бергер обязался организовать защиту и предложил для меня известного тогда адвоката С. Андреевского с тем, что себе он пригласит М. Гольдштейна. Я охотно согласился; мне самому хотелось послушать очень редко выступавшего в это время знаменитого оратора, которого я раньше слышал всего один раз в жизни, лет за двадцать перед тем.

Дело пошло как по маслу, т. е. с достаточной для многих целей медлительностью. Приблизительно через год я получил обвинительный акт²⁸⁶ и повестку в суд.

Обвинительный акт весь состоял из бесчисленных стихотворных цитат, так что с первого взгляда производил впечатление фельетона провинциальной газеты, написанного вперемешку прозой и стихами. Инкриминировались стихотворения Каляева и Чуковского, причем в последнем невежественная и болезненная фантазия прокурора увидела символику, которой там не было и в помине; топоры и динамит для него символизировали террор, а скалы и леса – самодержавие²⁸⁷. Очевидно, что если бы имя Пушкина и почти столетняя давность не санкционировали «Послания к Чаадаеву», то «обломки самовластья» в нем прибавили бы еще одно звено к цепи прокурорских доказательств, – но поднять на Пушкина руку, вооруженную статьей 129, прокурор все же не решился.

Я привлекался как главный виновник, Бергер – как мой пособник, что было совершенно нелогично: если наши согласные показания были ложны, то он был главный и единственный виновник, а если верны, то он был в этом ни при чем. Обвинительный акт не опровергал наших показаний и тем не менее привлекал Бергера к суду.

Я явился в суд [15 декабря] в назначенное время – 10 часов утра, мой товарищ по скамье подсудимых был налицо, адвокаты, лучше знакомые с привычками суда, явились часам к 12. Дело стояло на очереди первым, но по каким-то причинам очередь была изменена, и до нас она дошла только часам к 6. Суд не стеснялся с временем не только подсудимых и свидетелей, но и адвокатов, которые без толку должны были потерять целый рабочий день.

Наконец, дело началось. Оно заинтересовало публику, главным образом судебскую, и заинтересовало потому, что выступал популярный Андреевский. Места для публики были переполнены. Был прочитан стихотворный обвинительный акт, допрошены подсудимые, давшие совершенно согласные (для добросовестности можно сказать: согласованные) показания, допрошены немногочисленные, имевшие чисто формальное значение свидетели; прокурор произнес краткую речь, в которой настаивал на моем намерении разрушить русское государство посредством неотвратимого взмаха стальной руки, топоров и динамита²⁸⁸, а по отношению

²⁸⁶ В обвинительном акте, составленном 9 октября 1908 г., говорилось, что В. В. Водовозов и А. М. Бергер обвиняются в том, что в феврале 1906 г. распространили сборник «В грозу», в который в числе прочих вошли стихотворения «Пора» и «Буря» Тана, «Загорелую толпою...» К. Чуковского, «Моя душа пылает страстью бурной...» И. Каляева, «Из песен борьбы» Д. Цензора, возбуждающие к «бунтовщическим деяниям, оказанию дерзостного неуважения Верховной Власти и порицанию установленного законами основными порядка правления», причем Водовозов признал, что именно он состоял «юридически ответственным лицом и хозяином» книгоиздательства «Голос» и заказал отпечатать сборник в количестве 5 тыс. экземпляров (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1211. Л. 63–64).

²⁸⁷ В рукописи далее зачеркнуто: «К несчастью для прокурора, на стихотворении не значилось имя американского автора и вообще не был отмечен его переводной характер, да и самый заголовок был выкинут».

²⁸⁸ См.: «В книжке нашли пять стихотворений, которые подали повод к преследованию: два – Тана, одно – Чуковского, одно – Д. Цензора и одно – Каляева. Весь обвинительный акт состоит из выдержек из этих стихотворений, причем обвинение строится следующим образом. Приводится цитата из стихотворения Тана «Пора»: “Что нужно нам сказать? Перед лицом народа / Девиз провозглашен. Он рвется на простор / Долой бесправие! Да здравствует свобода / И учредительный да здравствует собор!” Стихотворение, говорится по этому поводу в обвинительном акте, содержит в себе призыв к введению в России учредительного собрания, то есть возбуждение к бунтовщическому деянию, – п. 1 ст. 129. В стихотворении Цензора преступными оказались такие строчки: “И с народной жизни смоем / Тьму неволи вековой”. Обвинение предъявлено Водовозову по ст. 128 и 129 (призыв к бунтовщическим деяниям). На суде поверенный Водовозова представил доказательства, что из пяти инкриминируемых ему стихотворений три были напечатаны еще до появления сборника, изданного Водовозовым, в начале 1905 г. <...> Это указание, видимо, произвело впечатление на прокурора, и, не отказываясь вполне от обвинения Водовозова за напечатание этих стихотворений, он признавал, что по отношению к ним у защиты есть веские аргументы. Зато в полном объеме он настаивал на обвинении Водовозова за стихотворение Каляева, в котором “проводится мысль о необходимости бросить всем тиранам, не робей, стальной руки неотвратимый взмах”, и за стихотворение Цензора, в котором, кроме приведенных

к Бергеру отказался от обвинения ввиду согласных показаний подсудимых, не противоречащих им показаний типографа и отсутствия каких бы то ни было противоположных. Настаивание на преступности топоров и динамита было особенно неумно, так как во время произнесения его речи на судебном столе уже лежал предоставленный нами английский подлинник стихотворения; прокурор о нем даже не упомянул, настаивая на символическом значении стихотворения и применении его к русской революции 1905 г.

Затем произнес свою речь Андреевский. Речь была действительно образцовая. Поэт-парнасец²⁸⁹ и юрист сказались в ней в превосходном сочетании. Он сказал, что если бы я судился с литературной точки зрения, то он, Андреевский, поддерживал бы обвинение, но оснований для обвинения юридического в сборнике нет. Он подробно разобрал речь прокурора и не оставил в ней камня на камне, в особенности по отношению к «Пионерам», которые он сличил с английским подлинником. Указал и на то, что его положение как защитника было бы труднее, если бы прокуратура сочла нужным привлечь меня к ответственности и за Пушкина²⁹⁰.

Гольдштейн счел нужным на всякий случай тоже произнести речь в защиту Бергера, хотя, в сущности, она была не нужна ввиду отказа обвинителя.

Последних слов не было.

Суд совещался недолго и вынес обоим подсудимым оправдательный приговор.

Здравый смысл на этот раз победил.

С моей личной точки зрения (опять-таки совпадающей с прокурорской), обвинительный приговор, поглощаемый другим обвинительным приговором, был бы удобен: он дал бы право на затяжное кассационное разбирательство в сенате. Но можно было обойтись и без него, так как у судебного следователя уже находилось другое мое дело, на этот раз созданное только жандармерией и прокуратурой без всякого содействия с моей стороны.

Из суда я отправился в редакцию газеты «Слово», в которой я иногда писал после окончательной гибели «Нашей жизни», и там написал репортерскую заметку о моем деле. Я дал ей заголовок «Литературный вечер в зале Судебной палаты»²⁹¹ и составил ее в ироническом тоне. У меня осталось в памяти, что гонорар за нее я получил в размере 12 рублей, – это был мой заработок за день потерянного времени, но не труда: таковой был целиком со стороны прокурора и Андреевского; написать же отчет под свежим впечатлением было очень легко.

Я не стану говорить об остальных моих литературных процессах. Частью они совершенно улетучились из моей памяти²⁹², частью они не кажутся мне интересными. Но – «еще одно, последнее сказанье».

двух строчек, заключается призыв наказать “Волтасаров”, выраженный в таких стихах: “Содрогнитесь, Волтасары! / Скоро в пиршестве ночном / Рок начертит слово кары / Страшным огненным перстом” ([Водовозов В. В.] Литературное утро в зале СПб. судебной палаты // Слово. 1908. № 652. 16 дек.).

²⁸⁹ См.: Андреевский С. А. Стихотворения. 1878–1885. СПб., 1886. «Парнасский» стиль, возникший во Франции во второй половине XIX в. в противовес романтизму, выражался в отстраненном изображении холодного идеала красоты и отточенности поэтики.

²⁹⁰ Ср.: «Блестящую речь произнес С. А. Андреевский. Он подверг подробному разбору все стихотворения, указал на то, что ни в одном из них нет призыва. Цензор грозит Волтасарам наказанием судьбы, но никого не приглашает помогать судьбе; Каляев не определяет, о каких тиранах идет речь; Тан приветствует учредительный собор, но вовсе не приглашает к какому-либо действию ради его введения. Наконец, стихотворение Чуковского; Чуковский, сказал Андреевский, пикантный критик, но поэт неважный, его стихотворение блещет грубыми, но малопоэтическими выражениями, вроде: “подымайтесь, собирайтесь, для потехи, для игры! в барабаны застучите, наточите топоры!”, но оно ведь есть перевод с английского и говорит об американских пионерах, расчищающих топорами путь через леса, и в них нет возможности, при мало-мальски беспристрастном взгляде, видеть русских революционеров. К тому же оно, как и стихотворение Тана, пропущено цензурой. Нельзя же теперь карать за то, в чем даже старая цензура не видела повода для придирки! Правда, закончил Андреевский, в сборнике, изданном Водовозовым, есть одно стихотворение, в котором есть прямой призыв к ниспровержению существующего строя, но именно это стихотворение прокуратура и не думает ставить в вину издателю; это стихотворение Пушкина “К Чаадаеву”, в котором поэт выражает уверенность, что Россия воспрянет от сна и на обломках самовластья напишет наши имена» (Литературное утро в зале СПб. судебной палаты).

²⁹¹ Правильно: Литературное утро в зале СПб. судебной палаты.

²⁹² В. В. Водовозов был привлечен к суду по обвинению в издании книги «Материалы к истории российской контрреволю-

В начале 1912 г. окончилось последнее, как мне казалось, дело. Палата приговорила, Сенат отверг. Ждать было больше нечего. Или нет: ждать следовало исполнения приговора через 3–4 недели.

Было известно, что условия сидки в Двинской крепости лучше, чем в других крепостях. Комендант крепости, старый генерал²⁹³, очень добродушный и порядочный человек. Офицеры действуют в пределах инструкций, даваемых генералом. Камера просторная, светлая, книги пропускаются без замедления, свидания даются без труда. Летом даже выпускают на Двину купаться под охраной солдата. Во время проезда через Двинск я один раз остановился в нем, посетил там одного заключенного и убедился в справедливости сведений. Там отбывали свое наказание и Мякотин с Пешехоновым²⁹⁴ и помимо купанья имели удовольствие видаться друг с другом на прогулках по крепостному двору, несмотря на одиночный характер заключения. Все располагало к тому, чтобы сесть именно там.

Сделать это было не трудно. Нахождение под залогом не препятствует разъездам: надо только извещать о перемене адреса. И вот следовало к моменту приведения приговора в исполнение оказаться в Двинске; тогда приговор законным образом был бы приведен в исполнение именно там. Так сделали в свое время и Мякотин с Пешехоновым. Нужно было только хорошо принаровить время своего отъезда туда, чтобы, с одной стороны, не быть застигнутым приговором в Петербурге, а с другой – не провести слишком много времени в Двинске зря.

И вот я уже отбирал книги и вещи для поездки в Двинск. Никаких надежд и возможностей, казалось, не было. Ровно год оставался до ожидаемой амнистии. Его и придется провести в крепости. Я запасся на время сидки подходящей работой.

И вдруг – повестка к судебному следователю. Было точно чудо. Вопреки всем основаниям, всем надеждам. Но далее еще чудеснее.

У меня как-то совершенно улетучилось из памяти, в чем состояло это последнее дело. Была ли это газетная статья или какая-нибудь из моих брошюр – не помню. Но вновь возродилась надежда на год задержки.

Дело сначала пошло быстрее, чем я хотел.

Фамилия следователя, к которому я попал, была Головня. В первый раз за время моего состояния подсудности я попал к какому-то держиморде.

– Итак, вы изволите утверждать, что не имели преступного намерения. А как вы объясняете... – не с иронией, а с каким-то грубейшим издевательством допрашивал меня Головня. Все поведение его, вся система допроса, – вызвав к какому-либо часу, заставляя ждать в приемной 3–4 часа и более, – все это имело нарочито злобный, издевательский характер. Не понимаю, как никто раньше не дал ему пощечины, – он точно хотел ее (а может быть, и в самом деле хотел). Я человек очень сдержанный, но у меня чесались руки.

Вместе с тем все мои попытки сорвать допрос и добиться отсрочки, раньше нередко увенчивавшиеся успехом, при Головне своей цели не достигали. В два-три допроса он закончил исполнение своих обязанностей по отношению ко мне и сказал:

люции. Погромы по официальным документам», снабженной его небольшим предисловием, которая вышла в январе 1908 г. и тотчас же была конфискована по распоряжению столичного градоначальника; издателю инкриминировалось «распространение заведомо ложных слухов о правительственных действиях» (Судебные вести // Слово. 1908. № 590, 594. 15, 19 окт.). Позже, 8 октября 1910 г., рассмотрев дело по обвинению Водовозова в издании первого выпуска «Сборника программ политических партий в России», который вышел в свет еще в декабре 1905 г., но обвинительный акт был составлен только 16 апреля 1910 г., С.-Петербургская судебная палата, не согласившись с аргументами «горячей речи» защитника М. В. Беренштама, осудила издателя, «по совокупности с ранее состоявшимся приговором, к заключению в крепости на один год» (Дело В. В. Водовозова // Русское слово. 1910. № 232. 9 окт.). В еще одном обвинительном акте, составленном уже 20 января 1912 г., Водовозову инкриминировалось издание энциклопедического словаря «Справочная книга социалиста» Гуго (Hugo Lindemann) и Штегмана (Carl Stegmann) в переводе с немецкого под редакцией В. Я. Богучарского и Л. З. Марковича, отпечатанного в типографии «Общественная польза» в январе 1906 г. в количестве 4 тыс. экземпляров (см.: ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1211. Л. 65–69).

²⁹³ Имеется в виду И. Н. Львов.

²⁹⁴ В. А. Мякотин и А. В. Пешехонов отбывали заключение в Двинской крепости в 1912 г.

– В следующий раз я вызову вас, вероятно, в такой-то день (очень скоро) и предъявлю вам дело как оконченное. А через месяц или полтора вы будете на скамье подсудимых.

Вопреки всем прецедентам, Головня потребовал от меня второй тысячи рублей как залога. Пришлось ее внести.

Не знаю, понимал ли он, произнося последнюю угрозу, что скамья подсудимых для меня совершенно не страшна, что ему за нее я все-таки благодарен и был бы благодарен еще более, если бы он выдумал еще одно-два обвинения.

И я рассчитывал. Значит, суд – еще весной. Обвинительный приговор неизбежен. Значит, Сенат. А осенью – все-таки сидка. Правда, не год, а меньше.

Но вот прошел назначенный день, – нет повестки. Прошла еще неделя, – все нет.

И вдруг читаю в газетах: вчера в здании окружного суда в камере судебного следователя Головни был обыск. Головня арестован. Он обвиняется в присвоении значительной суммы денег, находившихся у него – не помню, на каком основании.

По слабости человеческой натуры, я очень порадовался чужому несчастью. Порадовался особенно: никогда ни к кому из лиц, с кем я имел дело по поводу моих литературных дел, личной злобы я не питал; не питал их ни к прокурорам – которых я, впрочем, и не видал иначе как в день суда, и притом на некотором расстоянии, слишком большом для моего недостаточного зрения, – ни к судьям. Тем более к судебным следователям, с которыми приходилось иметь всего более близкие отношения, но которые все были людьми вполне культурными и порядочными. Головня составлял редкое исключение. И злобу я питал не потому, чтобы он раскрывал и делал тщетными мои ухищрения для заторможения дела, – к этому я привык и признавал его вполне в своем праве. Чувствовал злобу за его недопустимую, оскорбительную манеру вести себя.

Теперь я уже чувствовал себя в полной безопасности. Дело, конечно, возобновится, когда новый следователь ознакомится с ним. Но раньше осени оно до палаты не дойдет. Там – Сенат, а там, в феврале 1913 г., – и амнистия. В худшем случае посидеть придется два-три месяца, а вероятнее, и того не будет.

Случилось еще лучше. Новый следователь, видимо, не успел ознакомиться с делом до осени. А осенью состоялся тайный (но ставший известным) приказ по судебному ведомству приостановить в ожидании амнистии литературные дела, находившиеся в порядке производства²⁹⁵. А там действительно последовала теперь уже всеми ожидаемая амнистия²⁹⁶. Она была

²⁹⁵ Описываемое мемуаристом дело было возбуждено в октябре 1911 г. по поводу издания брошюры Водовозова «Проект избирательных законов в Учредительное собрание и парламент». Хотя книгоиздательство «Донская речь» выпустило ее шесть лет назад, Комитет по делам печати наложил на брошюру арест, утвержденный 13 октября С.-Петербургской судебной палатой, ввиду помещения в ней «суждений, возбуждающих население к созыву, при посредстве временного революционного правительства, Учредительного собрания». Допрошенный 15 декабря в Ростове-на-Дону Н. Е. Парамонов заявил, что брошюра была отпечатана, когда владельцем издательства являлся уже не он, а А. Н. Сурат, который, как и Водовозов, был привлечен к делу согласно постановлению следователя от 14 марта 1912 г. На допросе 16 марта Водовозов, не признав себя виновным, показал, что предложил сам «в чисто научных целях» выпустить инкриминируемую ему брошюру, набранную первоначально в августе 1905 г., но потом несколько переделанную; она вышла в свет как раз перед тем, как полиция опечатала склад издательства, а когда он был распечатан, начались выборы в Государственную думу и интерес к распространению издания пропал. В свою очередь Сурат, повторно допрошенный следователем в Ростове-на-Дону 30 июля 1912 г., в тот же день сообщил Водовозову: «Показание мое очень короткое: я издал полученную от Вас брошюру, но распространения она не получила за опозданием выпуска ее; виновным себя не признаю, потому что не усматриваю в содержании ее ничего преступного, так как в то время подобного содержания статьи свободно печатались во всех периодических изданиях». Определением С.-Петербургской судебной палаты от 26 октября 1912 г. уголовное преследование Водовозова и Сурата было прекращено; арестованные экземпляры брошюры, согласно приговору от 5 ноября, предписывалось «уничтожить» (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 49. Д. 659. Л. 2, 4; Ф. 539. Оп. 1. Д. 1216. Л. 4–5, 8–12; Д. 2490. Л. 1).

²⁹⁶ Имеется в виду Указ Сенату, утвержденный императорским манифестом от 21 февраля 1913 г. по случаю 300-летия царствования дома Романовых, в пункте 5-м части XVIII которого предписывалось: «Лиц, учинивших по день 21 февраля 1913 года посредством печати преступные деяния, предусмотренные статьями 128, 129 и 132 уголовного уложения (свод. зак., т. XV, изд. 1909 г.), от суда и наказания освободить» (Указ его императорского величества, самодержца Всероссийского, из Правительствующего сената. 21 февраля 1913 г. С. 17).

не полная, но на литературные дела была распространена. Мой залог я получил обратно, в том числе и вторую тысячу рублей, внесенную через Головню.

Я подробно рассказал свои литературные дела, державшие меня 7 лет под дамокловым мечом приговора к году крепости. Я был все время на свободе под гарантией залога, сперва в 1000 рублей, потом в 2000 рублей. Я имел возможность разъезжать по России для чтения лекций и по другим надобностям, только извещая судебную власть о своих разъездах, и то не всегда. Я даже раз уехал за границу (в Турцию в 1909 г.), но эта поездка была сопряжена со значительным риском: если бы я был вызван к суду в момент отсутствия, то залог был бы конфискован, а я по возвращении арестован. Но я поручил Зарудному следить в суде за моим делом и в случае опасности вызвать меня назад телеграммой.

Очень неприятная сторона была в том, что состояние под приговором лишало меня по избирательным законам как 1905 г., так и 1907 г. избирательных прав. Но отбытие наказания и даже амнистия от этого последствия не освобождали. В законе сказано: не имеют прав лица, судившиеся за преступление, влекущее за собой лишение или ограничение в правах состояния, и судом не оправданные, хотя бы дело было окончено за давностью, вследствие помилования или по другим причинам. Я судился по статье 129, карающей как максимум каторжными работами с лишением прав, и не только не был оправдан, но [и] был обвинен, хотя и приговорен к минимальному наказанию, допускаемому этой статьей, а именно к крепости без лишения прав.

Аналогичная статья имела и в нашем земском положении. Имелась и практика, доходившая до Сената, и сенатская практика колебалась: иногда на лиц, приговоренных без лишения прав, действие этой статьи распространяли, а иногда – нет.

При составлении списков избирателей для выборов в III Думу, когда я обладал достаточным имущественным цензом (квартирой) в течение уже достаточного срока, я в список избирателей включен не был; не был – в силу своей подсудности.

Вопрос был тогда (для выборов в Государственную думу) вновь и заинтересовал и литературу, и адвокатуру. Известный адвокат Маргулиес первый – раньше, чем я сам успел как-нибудь реагировать на это мое исключение, – предложил мне опротестовать в Сенат решение комиссии по делам о выборах. Я принял предложение с благодарностью. Маргулиес отстаивал мои права в Сенате, доказывая, что хотя я судился по статье 129 и обвинен, но, будучи приговорен к крепости без лишения прав, я должен быть признан оправданным по обвинению в тяжком преступлении и обвиненным только за проступок, не влекущий таких последствий; следовательно, мой приговор не должен вести за собой и частичного правопоражения. И он ссылаясь на более ранние, сейчас мною упомянутые сенатские решения.

С точки зрения буквального смысла закона его толкование должно быть признано натянутым. Но общему духу закона оно вполне соответствовало. В самом деле: человек приговорен к наказанию, не влекущему за собой правопоражение и даже принадлежащему к числу так называемого *custodia honesta*²⁹⁷. За что же подвергать его правопоражению? За то, что его преступление в уголовном кодексе помещено где-то рядом с более тяжелыми преступлениями? Тем не менее Сенат под давлением министра Щегловитова решил дело против меня, и об этом решении по делу Водовозова говорил в Думе Щегловитов, и оно же послужило прецедентом для лишения прав Муромцева и других перводумцев, литераторов Мякотина и многих других. Амнистия 1913 г. наших прав не восстановила, и если бы произошли еще новые выборы по старому закону, то все мы не могли бы получить ни активного, ни пассивного права голоса.

В связи с моими процессами я расскажу здесь один удивительный и очень трогательный эпизод.

В начале 1911 г. – телефонный звонок:

²⁹⁷ арест, лишенный признаков бесчестия (лат.).

– Говорит Максим Ковалевский. Мне нужно поговорить с вами по делу, вас касающемуся. Приезжайте, пожалуйста.

Я приехал.

– Скажите, пожалуйста, ведь над вами тяготеет приговор к одному году крепости?

– Да.

– Если вы считаете возможным, то ответьте мне на интересующий меня вопрос. Почему вы не уезжаете за границу? Ведь через два года, наверное, будет амнистия. Два же года эмиграции лучше года крепости.

– У меня есть несколько причин, но в настоящее время главной является та, что за меня лежит залог в тысячу рублей. Эти деньги принадлежат не мне; я должен их возвратить, а средств у меня к этому нет.

– А если бы у вас эта тысяча была, вы уехали бы?

– Мне не приходилось думать об этом. Но, вероятно, да. Конечно, тогда, когда сидка приблизилась бы. Теперь до нее еще по крайней мере несколько месяцев.

– Ну так вот что. Если вы надумаете бежать, то тысячу рублей я могу вам дать. Когда решите, скажите.

Лично с Ковалевским я никогда не был близок. Я бывал у него в квартире на разных заседаниях, которые у него происходили довольно часто; встречались мы и в других местах, но и только. Никаких прав на особый ко мне и моему положению интерес со стороны Ковалевского я не имел. Никакого намека ему я не делал. Его предложение было для меня так же неожиданно, как и вызов к Головне, и оно очень меня тронуло и оставило теплую и благодарную память о Ковалевском.

Воспользоваться им мне не пришлось²⁹⁸.

Мои процессы и амнистия 1913 г. были для меня последними отзвуками первой русской революции, поскольку она была связана с моей личной судьбой. Рядом с ними шла уже мирная, вошедшая в свои берега жизнь. Тут была деятельность двух спокойных Дум, 3-й и 4-й, тут жила своею жизнью и литература. В той и другой я тоже принимал участие, и о той и другой у меня тоже есть свои воспоминания.

Прага, 1 сентября 1931 г.

---

²⁹⁸ Менее чем за три месяца до амнистии, 27 ноября 1912 г., В. В. Водовозов обратился в С.-Петербургскую судебную палату с очередным прошением приостановить обращение к исполнению довлевшего над ним приговора ввиду привлечения его в качестве обвиняемого по делу о составлении книги «Всеобщее избирательное право и применение его в России», вышедшей в свет в 1905 г. (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1213. Л. 14).

ЧАСТЬ V. РЕВОЛЮЦИЯ 1917

Глава I. Речь Милюкова 1 ноября 1916 г. как начало революции. – Мое отношение к революции; пессимистический прогноз. – Общественное настроение при наступлении революции. – Отрицательные явления в революции, сказавшиеся в первые ее дни. – Усиление преступности

1 ноября 1916 г. Милюков произнес в Думе свою знаменательную речь, в которой всю деятельность правительства квалифицировал как глупость или измену и в которой позволил себе прямое нападение на императрицу, для смягчения, правда, произнесенное в виде немецкой цитаты²⁹⁹. Для меня сразу стало несомненным, что революция приближается; я даже формулировал дело так: «Революция началась». Начало ее можно приурочить к этому моменту с таким же правом, как начало Великой французской революции не к взятию Бастилии³⁰⁰, а ко дню открытия Генеральных штатов 5 мая 1789 г.³⁰¹ Если не какой-нибудь революционер, а вождь мирной и умеренной партии мог говорить таким языком и если у царского правительства не только не оказалось сил его за этот язык покарать, но [и] пришлось немедленно уволить министра (Штюмера)³⁰², против которого была направлена речь Милюкова, – значит, песенка правительства спета. Это чувствовалось в воздухе, и большинство тех людей, кому я высказывал свое мнение, со мной соглашалось; были, однако, и такие, которые надо мной смеялись, например Гревс.

Когда теперь ретроспективно вспоминаешь события следующих четырех месяцев, кажется, что все подтверждает это мнение: убийство Распутина³⁰³; закрытие декабрьской сессии Думы³⁰⁴, при котором не кадет, а уже октябрист Родзянко не счел нужным провозгласить обычного «ура» в честь государя; продовольственные затруднения; беспрестанная смена министров и в особенности падение Штюмера, принесенного в жертву общественному мнению, – все это следовало одно за другим с ненормальной быстротой, все это насыщало воздух рево-

²⁹⁹ См.: «Я говорил о слухах об “измене”», неудержимо распространяющихся в стране, о действиях правительства, возбуждающих общественное негодование, причем в каждом случае предоставлял слушателям решить, “глупость” это “или измена”. Аудитория решительно поддержала своим одобрением второе толкование – даже там, где сам я не был в нем вполне уверен. <...> Но наиболее сильное, центральное место речи я замаскировал цитатой “Neue Freie Presse”. Там упомянуто было имя императрицы в связи с именами окружавшей ее камарильи. Это спасло речь от ферулы председателя, не понявшего немецкого текста, – но, конечно, было немедленно расшифровано слушателями» (Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 445). Речь шла о том, что назначение премьер-министром «немца» Б. В. Штюмера является «победой придворной партии, которая группируется вокруг молодой царицы» (см.: Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Заседание первое. Стенографический отчет. Пг., 1916. Стлб. 35–48).

³⁰⁰ Великая французская революция началась со взятия крепости-тюрьмы Бастилии 14 июля 1789 г.

³⁰¹ Генеральные штаты – высшее сословно-представительское учреждение во Франции в 1302–1789 гг., которое с 1614 г. ни разу не собиралось; созванные 24 января 1789 г. королем Людовиком XVI для разрешения финансового кризиса в стране, открылись 5 мая, а 17 июня депутаты третьего сословия, к которым присоединилась часть дворянства и духовенства, провозгласили себя Национальным собранием, и попытка разогнать его привела к революции.

³⁰² Б. В. Штюмер, председатель Совета министров с 20 января 1916 г. и одновременно, с 7 июля, министр иностранных дел, был отправлен в отставку 10 ноября.

³⁰³ Г. Е. Распутина убили 17 декабря 1916 г.

³⁰⁴ 4-ю Государственную думу, заседания пятой сессии которой начались 1 ноября 1916 г., досрочно распустили на каникулы 16 декабря.

люционным настроением. Но тогда, по свойственному почти каждому человеку, и мне в том числе, нетерпению, казалось, что события движутся с крайней медленностью, и это нетерпение заставляло меня сомневаться: уж не ошибся ли я? не принял ли я за раскат грома случайную хлопушку?

Хотел ли я революции?

На этот вопрос мне самому не так легко ответить.

С очень давнего времени, еще с конца 90-х годов, в особенности с 1898 г., тем более с 1903 г., когда я провел в Германии два раза по несколько месяцев, изучая их политическую жизнь и в особенности эволюцию ее социал-демократической партии, я выработал себе там историческое мировоззрение, сильно окрашенное пессимистическим цветом. Исходной его точкой было разочарование в социализме. Я пришел к убеждению, что социализм есть не научное учение, а религиозное и что ему уготована судьба всех религий, в частности и даже в особенности христианской. Начинается новое религиозное движение всегда небольшим числом людей благородных, самоотверженно ему преданных, не преследующих никаких личных целей и даже в противниках движений вызывающих личное к себе уважение. Смотри на окружающий мир с высоты отвлеченной доктрины и ясно чувствуя свое нравственное над ним превосходство, эти люди не допускают никаких компромиссов со своей совестью и резко противопоставляют свое мировоззрение старому, как не имеющему ничего с ним общего. Но дни бегут, движение ширится, к нему примыкают широкие массы людей, стоящих на низшей ступени морального и интеллектуального развития, и новое учение вульгаризуется, все больше и больше сближаясь и применяясь к учению господствующему; оно все чаще принуждено сталкиваться с конкретной жизнью, и это ведет к тому же последствию: все большему сближению нового и старого. Новое учение по-прежнему резко провозглашает догматы в их первоначальной неприкосновенности, но дух живой революционности уже отлетел от них. И в результате новое учение проникается всеми элементами прежнего; вождь христианства вместо непримиримого Иисуса Христа становится ищущий примирений и компромиссов с языческим миром апостол Павел, провозглашающий: «Несть бо власть, аще не от Бога»³⁰⁵ и применяющий этот афоризм даже к языческим властям эпохи Нерона. Дни идут дальше, христианство побеждает языческий мир, но само становится языческим.

Совершенно то же происходило на моих глазах с социал-демократизмом. В нем в лице Эд[уарда] Бернштейна уже явился свой апостол Павел, пропитавший революционное учение всеми элементами отвергаемого этим учением строя. На всех партийных собраниях германской социал-демократической партии, на которых я лично присутствовал (Штутгартский 1898 г., Дрезденский 1903 г.), и других, отчеты которых читал, во всех резолюциях торжествовала ярко революционная фразеология, но этот факт не мешал мне чувствовать полную победу бернштейнизма, и я убедился, что если социализм когда-либо победит буржуазный мир, то это произойдет лишь после того, как сам социализм станет вполне буржуазным и, может быть, из буржуазного мира извлечет для себя не лучшее, а худшее. Если торжество христианства в общей истории человечества было связано с гибелью всей античной культуры и потому явилось одним из реакционнейших событий, то – кто знает – не будет ли таковым же и торжество социализма?

С этой точки я расценивал и происходящие на моих глазах великие события русской истории. Еще во время первой революции 1905 г. мне как-то случилось проводить мой взгляд в разговоре с одной тогда революционно настроенной барышней, и в нем я сформулировал мой прогноз таким образом: я очень боюсь, что настанет день, когда мы все – и вы, и я – закричим: нет, лучше какой угодно Плеве, чем *такая* революция. А еще раньше, в 1903 г., в разговоре с Булгаковым (С. Н.) и его женой Еленой Ив[ановной] я говорил: в истории Европы теперь наступил второй час, – воздух некоторое время будет еще делаться все теплее, но тени

³⁰⁵ Цитируется «Послание к римлянам» апостола Павла (Римл. 13: 1).

уже становятся длиннее, и вечер не далек. Эта точка зрения в свое время возмущала всех. Булгаков в своем ответе на мои возражения на его лекции о Вл. Соловьеве говорил, что ему психологически совершенно непонятны такие люди, как я. Из моего пессимизма могут быть два психологически понятных ему исхода: или самоубийство, или грубый цинизм, прожигание жизни в грязных удовольствиях, я же не делаю ни того ни другого (лекция Булгакова вместе со стенографическим отчетом о прениях, в том числе и этим отзывом о мне, была напечатана в 1902 г. в журнале, называвшемся не то «Новый путь»³⁰⁶, не то «Вопросы жизни»³⁰⁷, выходившем при его ближайшем участии).

В настоящее время (1932 г.) такого замечания Булгаков, вероятно, не сделал бы. Людей с таким же пессимистическим воззрением, как мое, и вместе со мной не делающих ни того, ни другого вывода, появилось слишком много. Очень многие теперь говорят о «сумерках Европы»³⁰⁸. Лет 7 или 8 тому назад знаменитый историк М. Ростовцев напечатал (не то в «Русской мысли», не то в «Современных записках») статью о прогрессе³⁰⁹, в которой доказывал, что вера в бесконечный прогресс решительно ни на чем не основана и эпохи сильнейшей реакции совершенно неизбежны в истории. А несколько месяцев тому назад такой умный человек, как Алданов, – не историк по профессии, но редкий знаток истории, – выразил ту же мысль более образным и наглядным образом: он считает вполне вероятной в ближайшем будущем победу хамства, дикости и варварства³¹⁰.

После 1905 г. предсказанное мною положение, которое было бы хуже, чем эпоха Плеве, не наступило. Как ни много было гадости при Столыпине, как ни жалки были Третья и Четвертая думы³¹¹, но для меня было бесспорно, что революция 1905 г. была шагом вперед, а не назад. Но революция 1917 г., давшая торжество большевикам, лишившая Россию тех крупниц политической и личной свободы, которые она имела, толкнувшая ее к обнищанию и голодам 1921 г. и, по-видимому, предстоящему в 1932 г.³¹², давшая в ней торжество действительно хамству и варварству, – эта революция действительно заставляет вспоминать о временах Плеве и Столыпина чуть ли не как о потерянном рае; во всяком случае, «лучше какой угодно Плеве, какой угодно Столыпин, чем *такая* революция».

Если таков был мой прогноз революции, то мог ли я желать ее и желал ли, а когда она пришла, то мог ли я ей радоваться? Да, несмотря на прогноз и на все прочее. С самого начала моей политически сознательной жизни, т. е. с начала 80-х, если даже не с конца 70-х годов, революцию я желал, о ней мечтал, к ней стремился. За сорок лет с этого времени до действительного ее прихода и мои чаяния от революции, и мои прогнозы, и оценки совершающихся событий – все это, конечно, сильно менялось. Я сказал, что определенно пессимистическое

³⁰⁶ Неточность в датировке. См.: С. З. [Бердяев С. А.] Философские воззрения Владимира Соловьева: Отчет о лекции проф. С. Н. Булгакова в г. Киеве и стенографическая запись прений // Новый путь. 1903. № 3. С. 71–104.

³⁰⁷ В 1905 г. вместо журнала «Новый путь» выходил журнал «Вопросы жизни».

³⁰⁸ См.: Ландау Г. А. Сумерки Европы // Северные записки. 1914. № 12. С. 28–54; *Он же*. Сумерки Европы. Берлин, 1923; Савин А. Н. Сумерки Европы // Русские ведомости. 1917. № 277. 2 дек.; Бердяев Н. А. Сумерки Европы // Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1918. Последняя книга стихов В. Ф. Ходасевича «Европейская ночь» вошла в его «Собрание стихотворений» (Париж, 1927).

³⁰⁹ Ростовцев М. И. Идея прогресса и ее историческое обоснование: По поводу книги J. V. Bury «The Idea of Progress» (London: Macmillan, 1921) // Современные записки. 1921. Кн. 6. С. 146–166.

³¹⁰ На вопрос: «Что вы думаете о своем творчестве?», заданный редакцией парижского эмигрантского сборника «Числа», М. А. Алданов ответил: «Я думаю, что так называемая цивилизация, с ее огромными частными достижениями, с ее относительными общими достоинствами, в сущности висит на волоске. Вполне возможно, что дикость, варварство и хамство в мире восторжествуют. Эта мысль сквозит в разных моих книгах и, вероятно, оттого меня часто называют скептиком. Но слово это ничего не значит» (Литературная анкета // Числа. 1931. № 5. С. 286).

³¹¹ Государственная дума 3-го созыва работала с 1 ноября 1907 г. по 30 августа 1912 г., 4-го созыва – с 15 ноября 1912 г. до 6 октября 1917 г.

³¹² Имеется в виду массовый голод 1921–1922 гг. в Поволжье и ряде других областей Европейской части России, вызванный последствиями Гражданской войны, и 1932–1933 гг. на Украине, в Белоруссии и Казахстане, связанный с насильственной коллективизацией.

отношение к человеческому прогрессу вообще и, в частности, к ближайшей революции у меня выработалось около 1898–1903 гг.; до того у меня сохранялось довольно обычное для того времени юношеское представление о революции как о чем-то бесконечно светлом, лучезарном, поднимающем дух и силы, дающем толчок и простор личной и общественной самодеятельности. Революция казалась бурей со всей ее романтической поэзией и прелестью, и «Буревестник» Горького³¹³ с его странным поэтическим образом птицы, «черной молнии подобной», вполне соответствовал настроению, вызываемому мыслью о революции. Как могло держаться такое убеждение? Правда, тогда я был молод, но не юнец же, читал много по истории Французской революции, в частности Тэна³¹⁴, и мог бы относиться к делу более критически. И не я один был очарован идеей революции; по существу все историки революции, за исключением Тэна (но ему я, как и все мое поколение, совершенно не верил, а Ленотра и Мадлена тогда еще не было³¹⁵), хотя и говорили о терроре, о деспотизме и Робеспьера, и термидорианцев, об экономическом упадке в период террора, все-таки окружали революцию ореолом величия и блеска. Возьмите хотя бы главы Кареева в его новой истории³¹⁶; отрицательные факты все налицо, попытки утаить их нет, но написаны они так, что настроение эти главы вызывают у читателя все-таки восторженное, несмотря даже на бледность и мертвенность кареевского языка. Тем более у историков крупного научного и литературного таланта, как Минье, Л. Блан, особенно Олар³¹⁷.

Но, как я уже сказал, на рубеже XIX и XX вв. мое отношение к делу сильно изменилось. Изменилось, собственно, отношение не столько к моменту революции, сколько к явлению более общему и длительному – к прогрессу человечества, но вместе с тем отрицательные черты и в революциях стали вырисовываться для меня отчетливее, не закрывая и не уничтожая черт положительных; я начинал понимать (может быть, правильнее будет сказать: предчувствовать), что для поколения, живущего в эпоху революций, она должна представляться далеко не со своей положительной стороны. И вполне уразумел это я во время первой нашей революции 1905 г., хотя как раз в ней отрицательные черты сказывались слабо. И все-таки я ее продолжал желать. Слишком душно было перед революцией, слишком нелепо вело себя правительство, слишком ясно чувствовалось, что правительство медленно, но верно тянет нас не то в пропасть, не то в трясину. Естественно было желать, чтобы буря освежила воздух, хотя бы и ценою не только многих поломок, но – что гораздо хуже – ценою поднятия из глубины жизни новых миазмов.

Тут есть очевидное внутреннее противоречие, но это противоречие логическое, а не психологическое, и думаю, что хотя мой противоречивый пессимизм в то время был явлением довольно редким, но все-таки перед революцией 1917 г. не совершенно индивидуальным. Я пережил это настроение, когда хищническая и вместе не предусмотрительная группа прибли-

³¹³ Речь идет о стихотворении в прозе М. Горького «Песня о Буревестнике» (1901).

³¹⁴ См.: *Taine H. Les Origines de la France contemporaine: La Révolution*. Paris, 1878–1883. Т. 1–3. Русские переводы появились позднее: *Тэн И. Происхождение современной Франции* / Пер. с фр. Э. Пименовой. СПб., 1906. Т. 1; *Он же. Происхождение современной Франции* / Пер. с фр. под ред. А. В. Швырова. СПб., 1907. Т. 1–5; *Он же. История французской революции* / Пер. с фр. Н. Шемардина. Харьков, 1906–1913. Ч. 1–6.

³¹⁵ Неточность. См.: *Ленотр Ж. Революционный Париж* / Пер. Н. Ломакина. М., 1895. Позднее изданы переводы других книг: *Ленотр Ж. Путешествие на эшафот* / Пер. с фр. А. Гр-н. М., 1906; *Он же. Париж в дни революции* / Пер. с фр. Н. Тэффи и Е. Лохвицкой. М., 1913. Книжки Л. Мадлена выходили позднее указанного Водовозовым периода: *Madelin L. La Révolution*. Paris, 1911; *Мадлен Л. Французская революция* / Пер. с фр. С. И. Штейна. Берлин, 1922. Т. 1–2.

³¹⁶ См.: *Кареев Н. И. Учебная книга новой истории*. Изд. 6-е. СПб., 1905 (Гл. VIII. Французская революция. С. 182–215); *Он же. История Западной Европы в новое время: (Развитие культурных и социальных отношений)*. Т. 3: Восемнадцатый век и Французская революция. СПб., 1893.

³¹⁷ См., например: *Минье Ф. О. История французской революции*. СПб., 1866–1867. Т. 1–2; *Блан Л. История французской революции*. СПб., 1907–1909. Т. 1–12; *Олар А. Политическая история Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики (1789–1804)*. М., 1902; *Он же. Великая французская революция. Внутренняя история*. М., 1906; *Он же. Очерки и лекции по истории Французской революции*. СПб., 1908.

женных Николая II затащила нас в ненужную Японскую войну, которую к тому же не умела вести. Вторично я пережил его после того, как правительство, искусно расстроив оппозицию, сумело сравнительно легко раздавить первую революцию, отделавшись от народных требований цензовой и бессильной Думой. Это настроение только укрепилось, когда правительство, будучи втянуто ходом событий в европейскую войну, опять обнаружило полнейшую, совершенно исключительную бездарность, как военную, так и административную. И больше того, теперь, в эмиграции, я переживаю то же настроение в третий раз. Вновь, и даже сильнее, чем когда бы то ни было раньше, я всеми фибрами своей души жажду революционной бури, которая должна стереть с лица земли самый омерзительный, самый подлый, самый тиранический строй, какой только знает вся человеческая история на протяжении по крайней мере всего XIX и XX вв., а может быть, и раньше³¹⁸.

Я жажду бури, а между тем я уверен, что она принесет с собою массу гадости, что, свергнув хотя и отвратительный, но все-таки установившийся порядок, она создаст вместо него хаос, и очень вероятно, что при господстве шаек нового Махно или Петлюры мы, столь ненавидящие большевиков, будем говорить (если еще будем что-нибудь говорить, а не болтаться на виселицах): нет, все-таки при большевиках было хоть какое-нибудь подобие порядка, а теперь... И все-таки да придет царствие твое³¹⁹, новая революция!

Итак, революция началась 1 ноября 1916 г., и я страстно ждал, чтобы она разгорелась ярким пламенем, томился от того, что она только тлеет. Но вместе с тем я не находил возможности приложить к ней своих рук. По-прежнему я ходил на заседания Трудовой группы и поддерживал в ней Керенского, равнявшегося в бой против более осторожного Дзюбинского, но участия в революции я в этом не чувствовал не только для себя, но и для Трудовой группы и, в частности, для Керенского: ведь Дума в этот период была созываемой только на самые короткие сессии. Приближение революции я почувствовал при убийстве Распутина, но в этом последнем факте все то общественное течение, с которым я шел, было совершенно ни при чем. Конечно, убийство Распутина, хотя и совершенное реакционерами, стало возможным лишь благодаря общей атмосфере ненависти и гадливости к Распутину, но это же не личное участие в акте убийства. Я почувствовал приближение революции, когда Родзянко при закрытии сессии Думы не провозгласил обычного «ура» в честь Николая, но и здесь с нашей, в частности с моей, стороны, было не личное участие, а только инертное участие в общем настроении, на которое опирался Родзянко. Я по-прежнему писал различные статьи в газете «День», но военная цензура свирепствовала более чем когда-либо, и живым общественным делом писание этих статей не было. Принимал участие я и в некоторых совещаниях различных общественных групп, но из этих совещаний ничего конкретного не выходило³²⁰. А между тем страшную поступь революции я ясно слышал, как все, кто не был глух, хотя иногда и сомневался, не ослышался ли я, не принял ли я хлопнушку за удар грома.

Кто не был глух, сказал я; смысл этого выражения ясен для всех. Но для меня он имеет еще один и как раз прямой смысл. В эту эпоху, о которой я говорю, меня постигло большое личное несчастье, очень печальным образом отразившееся на моей последующей жизни, сделавшее меня инвалидом: я оглох. Уже давно, еще с конца 90-х годов, я начал замечать ослабление слуха – болезнь, унаследованная мною от матери, которая умерла (в 1923 г.) совершенно

³¹⁸ В рукописи далее зачеркнута фраза: «Во всяком случае, в России с ним несравнима эпоха Николая I, когда при всем деспотизме правительства Россия развивалась не только экономически, но и культурно; едва ли сравнима даже эпоха Павла I».

³¹⁹ Мф. 6: 9–10.

³²⁰ Например, 9 октября 1916 г. трудовики В. В. Водовозов и А. Ф. Керенский, народные социалисты В. А. Мякотин и А. В. Пешехонов, меньшевики Б. О. Богданов и О. А. Ерманский, другие представители левой демократической оппозиции обменивались мнениями по текущему политическому моменту в квартире депутата 4-й Государственной думы социал-демократа Н. С. Чхеидзе (см.: *Ирецкий В. «Охранка»*. (Страница русской истории) // Речь. 1917. № 82. 9 апр.); на конспиративных совещаниях, проходивших там же в октябре – ноябре, обсуждался вопрос о создании Российской радикально-демократической партии (см.: Трудовая народно-социалистическая партия: документы и материалы. М., 2003. С. 34).

глухую. Я пробовал лечиться, доктора определили катар среднего уха и в утешение сообщили, что медицина не знает средства против него; ездил я лечиться (еще в 1901 г.) к знаменитейшему в то время ушному врачу Брауну в Триесте, который один знал средство против этой болезни, но средство оказалось действительным только на два-три месяца, по истечении которых вернулось прежнее состояние слуха, а затем болезнь продолжала медленно прогрессировать. Перед войной я должен был во всех общественных собраниях выбирать себе место перед ораторской трибуной, а если таковой не было, то переходить с места на место к каждому очередному оратору, сильно напрягать свой слух, и все-таки многое сказанное ускользало от меня. Тем не менее я не считал еще себя инвалидом: читал лекции, выступал на собраниях и мог еще участвовать в дебатах, хотя иногда и попадал впросак, неверно поняв мнение не дослышанного мною противника. В годы войны болезнь начала прогрессировать быстрее, и я уже начинал чувствовать себя инвалидом, предвидя день, когда мне придется окончательно сдать себя в архив. Ясным симптомом этого было то, что я почти ни с кем не мог говорить по телефону: только у очень немногих из моих знакомых дикция была настолько отчетливая, что их голос в телефонной мембране не обращался в невнятный шепот.

Случилось, однако, нечто совершенно не предвиденное мною. Когда началась революция, – не речь Милюкова 1 ноября, а настоящий народный взрыв 27 февраля, – она настолько подняла всю мою нервную систему, что я начал слышать почти нормально или, по крайней мере, гораздо лучше прежнего. Я вновь получил возможность говорить по телефону со всеми и даже ясно слышал в телефон очень глухой, очень плохо соответствовавший моим слуховым средствам голос проф. Ал[ександра] Ив[ановича] Введенского. Все мои знакомые заметили это. Влияние революции было гораздо сильнее и, главное, длительнее, чем когда-то влияние внутреннего ушного массажа д-ра Брауна; вновь ухудшаться мой слух начал только в октябре и ноябре; ухудшение произошло как-то почти сразу и было замечено мною на устраиваемых мною митингах в Оренбургской губернии, когда я перестал слышать очень громкие выражения злобы и негодования с мест и должен был догадываться о них только на основании своих зрительных восприятий.

Наконец, эта долго ожидаемая революция наступила. Началась забастовка. Трамваи прекратили движение. Правительство принимало все военные меры. Наконец, в ночь на воскресенье 26 февраля сессия Думы была объявлена закрытой, но Дума отказалась подчиниться и образовала Комитет Думы³²¹. Около того же момента – немного раньше или немного позже – в Петербурге³²² образовался Совет рабочих депутатов³²³.

Я должен сознаться, что общеполитические события этих дней, несшиеся стремительным потоком, уложились в моей памяти крайне неясно. Я не могу с точностью и уверенностью установить их хронологическую последовательность. Но совершенно ясно чувствую, какое громадное значение имел акт Государственной думы. Конечно, спор о том, благодаря ли акту Думы пала империя или благодаря образованию Совета рабочих депутатов, является спором схоластическим, беспредметным. Акт Думы был бы невозможен, если бы революции не было в воздухе, но без него переход армии на сторону революции не совершился бы так быстро и легко. Выделять отдельные события из революции нельзя: революцией было все это, вместе взятое³²⁴.

³²¹ Временный комитет Государственной думы (полное наименование – Комитет членов Государственной Думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями) был создан 27 февраля 1917 г. под председательством М. В. Родзянко. В воззвании, опубликованном на следующий день, объявлял, что «при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка», и 2 марта сформировал Временное правительство.

³²² Неточность: еще 18 (31) августа 1914 г. Николай II подписал высочайшее повеление о переименовании столицы в Петроград.

³²³ 27 февраля 1917 г. состоялось учредительное заседание Петроградского совета рабочих депутатов.

³²⁴ В рукописи далее зачеркнуто: «Ярко в памяти стоит одно мелкое, частное, но – увы – характерное событие, связанное с революцией. Утром 28 февраля или 1 марта я был у Введенских (проф. А. И. Введенский). Раздался звонок, и в квар-

2 марта, в день отречения от престола императора Николая (о котором в Петрограде еще не знали) я отправился в Таврический дворец с общей целью – узнать, что происходит, и с целью специальной – выхлопотать освобождение одного знакомого. Это был отставной генерал Юрковский³²⁵. Генерал, с которым я изредка встречался у знакомых, был в отставке уже в довоенное время и был настолько стар, что во время войны на службу вновь не поступал; все время войны он провел в Петербурге, слегка фрондируя и старчески критикуя в гостининых ведение войны. При всем его отставном либерализме он по существу был и монархистом, и консерватором и революцию мог встретить, конечно, только враждебно. Но вместе с тем никаких поводов для ареста быть не могло, – это было для меня совершенно несомненно. К тому же когда я был арестован в конце 1915 г., то генерал Юрковский сам вызвался хлопотать за меня, и хотя я был освобожден раньше, чем он успел что-нибудь сделать (он только добился возврата мне забранных у меня бумаг), но все-таки я считал себя обязанным отплатить ему тем же самым. Арест его, как мне рассказали, совершился таким образом. Он жил в гостинице «Астория», которая во время войны была специально предназначена для военных, как состоявших на службе, так и отставных. И вот все жильцы этой гостиницы были арестованы солдатами и отправлены в какую-то тюрьму; Юрковский в том числе.

Я пошел в Таврический дворец. Дорога с Васильевского острова довольно дальняя: пешего хождения больше часа в нормальное время; трамваев не было, извозчиков тоже. Местами шла перестрелка, по некоторым улицам, занятым солдатами и заставленным автомобилями, не было прохода. Шел я окольными путями очень долго, помнится – часа два с половиной. Наконец пришел. У дверей стража, не пропускает.

– К кому вы?

– К Керенскому.

– А кто такой Керенский? (С ударением на среднем слоге.)

Вопрос, да еще в устах солдата, стоявшего на страже у дверей Таврического дворца, меня удивил: Керенский уже был министром юстиции и вице-президентом Совета рабочих депутатов³²⁶.

– Не велено пущать!

Однако через другие двери я прошел. Во дворце встретил массу знакомых, между прочим И. В. Гессена. С ним я вступил в горячий спор: я настаивал на том, что первым делом Временного правительства должен быть созыв Учредительного собрания, что откладывать этого созыва нельзя ни на одну неделю, что сейчас уже, в несколько дней, нужно выработать закон о выборах и тотчас же приступить к составлению списков избирателей, чтобы не позднее августа, а если окажется возможным, то и раньше произвести сами выборы. Гессен же доказывал: во время войны производить выборов нельзя, нужно управлять страной теми силами, которые имеются налицо, и вести войну. С необходимостью вести войну я был совершенно согласен, но не видел возможности приостановить всю остальную жизнь страны; для правильного же хода жизни необходимо правительство с юридическим титулом под собою³²⁷; провозглашение же Временного правительства, только что совершившееся в этом самом Таврическом дворце,

---

тиру входят несколько солдат. “Обыск, ищем оружие!” Никаких мандатов не представляют и требуют, чтобы им показали все шкапы, все ящики в столах, что было сделано. Оружия не нашли. При этом одна из дочек Введенского громко ругала их за незаконное вторжение в мирную квартиру. Они молчали. В царские времена за такую ругань, конечно, арестовали бы, – теперь это сделано не было, солдаты ушли мирно. Но ничем не мотивированный, совершенный вне всяких легальных форм [обыск] остался первым сильным впечатлением революционного момента. Потом я узнал, что в эти дни подобных обысков были произведены многие сотни, если не тысячи. Каждые два или три солдата считали себя вправе вторгаться в квартиру и производить обыск. В одной моей знакомой семье было несколько обысков в один день, произведенных разными группами солдат, и при одном из них пропали золотые вещи».

³²⁵ Имеется в виду В. И. Юрковский.

³²⁶ Правильно: товарищем председателя Петроградского совета рабочих депутатов.

³²⁷ Титул – в юриспруденции основание какого-либо права.

таким титулом не является. Само Временное правительство окрепнет еще до созыва Учредительного собрания, если будет известно, что оно готовит его созыв и работает над ним.

Гессен со мной не соглашался – он видел достаточный титул в восторге толпы, провозгласившей Временное правительство, и твердо надеялся на его прочность.

– Но ведь это только Петербург! А что думает и говорит провинция? И ведь этот самый восторг завтра же может смениться восторгом по другому адресу! Пока нет Учредительного собрания, до тех пор Временное правительство висит в воздухе и каждый день, каждую минуту может свалиться.

Аргументация моя не убедила моего собеседника.

Тут же мне рассказали о посещении Таврического дворца великим князем Кириллом Владимировичем, – эпизод, слишком хорошо теперь известный. Он явился во дворец во главе Гвардейского экипажа, с красным бантиком в петлице, чтобы предоставить себя в распоряжение Временного правительства; потом долго дружески и совершенно демократически беседовал с журналистами, выражая полнейшую радость по поводу совершившейся революции. К сожалению, я его не застал; он ушел за полчаса до меня³²⁸.

Керенского в этот раз я не добился – его, можно сказать, рвали на куски, – и совершенно не помню, с кем говорил о деле Юрковского, но помню, что с кем-то бывшим в ту минуту «власть имеющим» или некоторое подобие власти. И он мне определенно обещал сделать для Юрковского все возможное и действительно исполнил свое обещание. Но эпизод этот обернулся очень комическим финалом.

Оказалось, что Юрковский, о котором я хлопотал, по каким-то причинам за несколько дней до революции съехал из «Астории» в меблированные комнаты и арестован не был, а его знакомые хлопотали о нем так зря, вследствие какого-то недоразумения. Но в «Астории» был арестован другой Юрковский, тоже военный³²⁹, и этот-то совершенно неизвестный мне генерал или полковник был освобожден по моим хлопотам. Впрочем, благодаря мне он был освобожден только, может быть, всего на несколько часов раньше, чем был бы освобожден и без меня, потому что вообще этот бессмысленный арест был снят очень скоро. Но освобожденный Юрковский никогда не узнал о моей роли в его освобождении.

Нарушая строго хронологический порядок, расскажу здесь еще о нескольких аналогичных моих хлопотах.

Через несколько дней ко мне обратилась одна знакомая дама. У нее – старая прислуга, живущая уже не один десяток лет. У этой прислуги сын – городской, и этот городской арестован вместе с тысячами других. Прислуга в смертельном страхе – а ну как расстреляют или убьют, и дама обратилась за помощью ко мне, зная о моей близости с Керенским. Городской был не постовой, а речной полиции. Я отправился к Зарудному (товарищу министра юстиции), тот меня направил к прокурору, ведущему эти дела. Прокурор подробно расспросил о всех обстоятельствах, я сообщил все, что могло говорить в пользу этого городского. И тут, в конце концов, я действовал впустую: городской, как оказалось позже, был уже освобожден, когда я говорил о нем с прокурором.

Третий случай. В Перми был арестован губернатор М. А. Лозина-Лозинский. Этот Лозина-Лозинский был товарищем по Училищу правоведения и когда-то близким приятелем А. С. Зарудного, который и познакомил его еще в конце 80-х годов со мной и со всем кружком братьев Ольденбургов. В течение нескольких лет я дружил с Лозинским. Он женился на очень милой барышне, прекрасной певице, дочери известного писателя К. М. Станюковича, близкого

---

³²⁸ 1 марта 1917 г. в 16 часа 15 минут великий князь Кирилл Владимирович прибыл в Таврический дворец, где имел беседу с председателем Временного комитета Государственной думы М. В. Родзянко.

³²⁹ Имеется в виду В. А. Юрковский.

нашей семье. Писал Лозинский довольно много дельных юридических статей³³⁰. В середине 90-х годов жена Лозинского умерла еще очень молодой³³¹, а Лозинский очень скоро после ее смерти женился на какой-то особе из круга Плеве³³², стал более или менее близким человеком к Плеве и начал делать хорошую карьеру. Со всеми нами, и с Зарудным в том числе, он порвал (или, может быть, мы с ним порвали). В начале 900-х годов он получил губернаторский пост и в течение времени до революции занимал его, только переменяв несколько губерний, под конец был в Перми. Как губернатор он пользовался отвратительной репутацией, проявляя в различных формах самодурство³³³ и представляя из себя типичного губернатора плевевской, отчасти столыпинской выделки, лучшими образцами которых были Думбадзе ялтинский, Толмачов одесский, Ник[олай] Маклаков черниговский; Лозинский стоял во втором ряду, как Мономахов и некоторые другие. Во всяком случае, в одном запросе о бесчинствах провинциальной администрации, который был внесен в Думу Трудовой группой, я вставил несколько подвигов Лозинского. Теперь он был арестован в Перми³³⁴.

В это время в Перми находился Ал. Ив. Введенский, посланный туда прочитать какой-то курс в тамошнем университете, официально считавшемся пермским отделением С.-Петербургского университета. Перед отъездом из Перми в марте месяце Введенский получил записку, пересланную ему из тюрьмы Лозинским, в которой Лозинский, узнав о его предстоящем возвращении в Петербург, умолял похлопотать о нем. Введенский обратился с этой просьбой ко мне, и я взялся за нее.

Брался я, конечно, не с той охотой, как в первых двух случаях. Конечно, я был вообще против массовых арестов, совершавшихся вне всяких легальных форм. Но тут был арестован яркий представитель старого режима, лично виновный в очень многих грехах этого режима, следовательно несший на себе ответственность и за самую революцию, и за то воспитание народа, которое теперь сказалось во всех бессмысленных арестах, из которых его арест был наименее бессмысленным, а, может быть, даже имел свои основания.

Тем не менее прав я был или не прав, но я отправился к Зарудному. На этот раз Зарудный, не направляя меня ни к кому другому, ответил, что об этом аресте он знает и уже вчера сделал по телеграфу распоряжение об освобождении Лозинского.

– Но приведет ли к чему-нибудь мое распоряжение, не знаю. Подобных распоряжений в провинции я сделал уже довольно много; в некоторых случаях они исполнялись, а в некоторых я получал нагоняй от местного совета рабочих депутатов: зачем, дескать, я мешаюсь не в свое дело, – совет сам знает, кого арестовывать, кого освобождать.

Не знаю, получил ли Зарудный и на этот раз нагоняй, но распоряжение тогда исполнено не было. Через несколько времени я слышал, что тюремные сторожа как-то ушли на митинг или куда-то в другое место и по забывчивости оставили ворота тюрьмы незапертыми. Лозинский этим воспользовался – ушел из тюрьмы и тотчас же уехал из Перми³³⁵. Верен ли этот рассказ, я не знаю, но невероятного в нем ничего нет: о подобных уходах из незапертых тюрем

³³⁰ См.: Лозина-Лозинский М. А. Кодификация законов по русскому государственному праву // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 4. С. 143–186; *Он же*. Крестьянский двор // Вестник права. 1899. № 3. С. 57–114; № 5. С. 1–64; *Он же*. Административный суд в Австрии // Там же. № 10. С. 2–58; *Он же*. Принятие в русское подданство // Право. 1899. № 1, 2, 3, 10 янв., и др.

³³¹ Неточность: Н. К. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинская скончалась в 1903 г. в возрасте 35 лет.

³³² Имеется в виду О. А. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинская.

³³³ См.: Стратонов В. В. По волнам жизни. М., 2019. Т. 1. С. 463–468, 742.

³³⁴ М. А. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский был арестован 8 марта 1917 г.

³³⁵ 5 мая 1917 г. исполком Пермского окружного совета рабочих депутатов получил телеграмму главы Временного правительства князя Г. Е. Львова, запрашивавшего о положении бывшего губернатора, переданную на рассмотрение исполкома гарнизонного собрания и Комитета общественной безопасности, после чего М. А. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский был освобожден из тюрьмы и выехал в Петроград.

я слышал несколько вполне достоверных рассказов, правда, из более позднего времени. Дальнейшей истории Лозинского не знаю.

Еще один, последний случай аналогичных хлопот.

В марте месяце появился ко мне молодой человек, учащийся в каком-то низшем техническом заведении.

– Я Нестеров (может быть, фамилию и путаю, но, кажется, нет. – В. В.), сын того Нестерова, с которым вы сидели в Доме предварительного заключения в конце 1915 года. Он вновь сидит, не знаю, по какому обвинению. Ради бога, помогите. Семье грозит голод.

В конце 1915 г. я действительно сидел несколько дней в Доме предварительного заключения (одновременно с Мякотиним, Брамсоном и др.). Арестов тогда было произведено очень много, тюрьмы были переполнены, и я сидел в одиночной камере вдвоем с этим самым Нестеровым. Это был мастеровой, служащий на Монетном дворе. Произвел он на меня хорошее впечатление, так же как теперь его сын. Был он, как мне казалось, не революционером, а человеком мирным, не активным, но мыслящим политически. Я просидел тогда несколько дней, он остался после моего освобождения и просидел еще недель 6 или больше³³⁶.

Я пошел в прокуратуру. Лишь только я назвал фамилию Нестерова, прокурор взял его дело и предложил мне ознакомиться с ним. Самое важное в деле было показание самого Нестерова. Состояло оно в том, что в 1915 г. он был арестован без всякой причины, а через несколько времени после ареста его вызвали в охранное отделение и предложили за определенное, очень скромное жалованье (размера точно не помню) доносить о том, что делается и говорится среди рабочих на Монетном дворе. Он сначала с негодованием отказался, но потом, когда узнал, что дома его семья голодает, смирился и согласился, с твердым намерением никого и ничего не выдавать, но изворачиваться, что он и исполнял в течение некоторого времени.

В том же деле находилась записка Бурцева, вызванного в качестве эксперта. Он написал, что Нестеров состоял в течение 1916 г. и начала 1917 г. на службе в охранном отделении, что полной невинности его действий, какую приписывает себе сам Нестеров, предполагать нельзя, так как иначе он не получал бы постоянного жалованья, но показание о вынужденности его службы заслуживает доверия, конкретных фактов доноительства с его стороны он, Бурцев, не знает и вообще считает его человеком не злостным, но только слабым, при изменившихся обстоятельствах – безвредным. Я тоже написал свою записку, в которой изложил мое знакомство с Нестеровым, сообщил свое впечатление от него и просил о его освобождении. Когда его сын пришел ко мне узнать о результатах моих хлопот, я, как ни тяжело это было мне, откровенно сообщил ему все, что узнал, и затем заявил, что от дальнейших хлопот отказываюсь. Сын ушел от меня как пришибленный. Недели через две Нестеров был освобожден.

Таковы четыре истории моих хлопот за арестованных, из которых первые две или три имели комический исход, а последняя, пожалуй что, и трагический.

Возвращаюсь к хронологическому порядку.

Несмотря на все неудобства революционных дней – забастовку, прекращение движения трамваев, отсутствие газет (это во время войны!), продолжающуюся местами перестрелку, производственные затруднения – несмотря на все это, первые дни революции остались в памяти, и, конечно, не только моей, а едва ли не всех переживших эти дни, как какой-то карнаваль- ный угар и восторг. Я не знаю случаев, чтобы, как это рассказывали в различных мемуарах про аналогичные случаи в истории (например, первые дни после убийства императора Павла),

---

³³⁶ На самом деле А. В. Нестеров работал на машиностроительном, чугунолитейном и котельном заводе «Г. А. Лесснер», о чем 4 апреля 1916 г. сам В. В. Водовозов писал П. Н. Милюкову: «По предложению П. В. Мокиевского сообщаю Вам некоторые сведения о мастере завода Лесснера Александре Васильевиче Нестерове (живет по Малой Посадской, д. № 216, кв. 4), с которым в декабре 1915 г. я сидел в одной камере в Доме предварительного заключения» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2659. Л. 1).

незнакомые люди, встречаясь на улице, обнимались и поздравляли друг друга³³⁷, но знакомые это делали. Все верили, что начинается что-то совсем новое, что перед нами «все блеск впереди»³³⁸.

Когда недели через три после начала революции вернулся из эмиграции Амфитеатров³³⁹, он кому-то сказал: «Душа в груди рычит от счастья!» (это выражение попало в газеты³⁴⁰). Милюков, которого я встретил как-то в начале марта, сиял от счастья, точно свежевывищенный самовар.

Такое настроение было и у меня, и я, как острила моя жена, «скакал козлом», хотя под этим настроением все время, не переставая, зудел червячок: а когда начнется реакция? а какие формы она примет? И настроение счастья уживалось с червячком. У громадного большинства людей червячка не было, был один восторг, но были и люди с червячком.

---

³³⁷ См.: «Ослепленная чернь предалась самой необузданной радости. Люди, друг другу вовсе незнакомые, обнимались на улицах и друг друга поздравляли. Зеленщики, продававшие свой товар по домам, поздравляли “с переменою”, подобно тому как они обыкновенно поздравляют с большими праздниками» (Записки Августа Коцебу. Неизданное сочинение Августа Коцебу об императоре Павле I / Пер., примеч. А. Б. Лобанова-Ростовского // Цареубийство 11 марта 1801 года: записки участников и современников. Изд. 2-е. СПб., 1908. С. 403–404).

³³⁸ Слова из стихотворения А. Фета «Только станет смеркаться немножко...» (1856): «Стану слушать те детские грезы, / Для которых все блеск впереди...».

³³⁹ Неточность: А. В. Амфитеатров вернулся из эмиграции в 1916 г., но за фельетон в газете «Русская воля» с критикой министра внутренних дел А. Д. Протопопова в феврале 1917 г. был подвергнут высылке в Иркутск, однако из-за падения монархии вернулся с дороги в Петроград.

³⁴⁰ См.: «Встретил вчера в Г[осударственной] Думе А. В. Амфитеатрова. Русский писатель, любящий родину и за эту именно любовь подвергавшийся всяким гонениям, только что вернулся из ссылки, куда торопился в 24 часа отправить его Протопопов. “Что скажете, А. В.?” – говорю ему. “У меня нет слов, – отвечает, – душа рычит от радости”. Какое верное слово! Именно *рычит*. И не одна душа Амфитеатрова, а душа каждого. <...> Рычит от радости душа всего народа русского» (Титун [Боцяновский В. Ф.] Душа «рычит» // Петроградский листок. 1917. Экстренный вып. 6 (19) марта).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.